

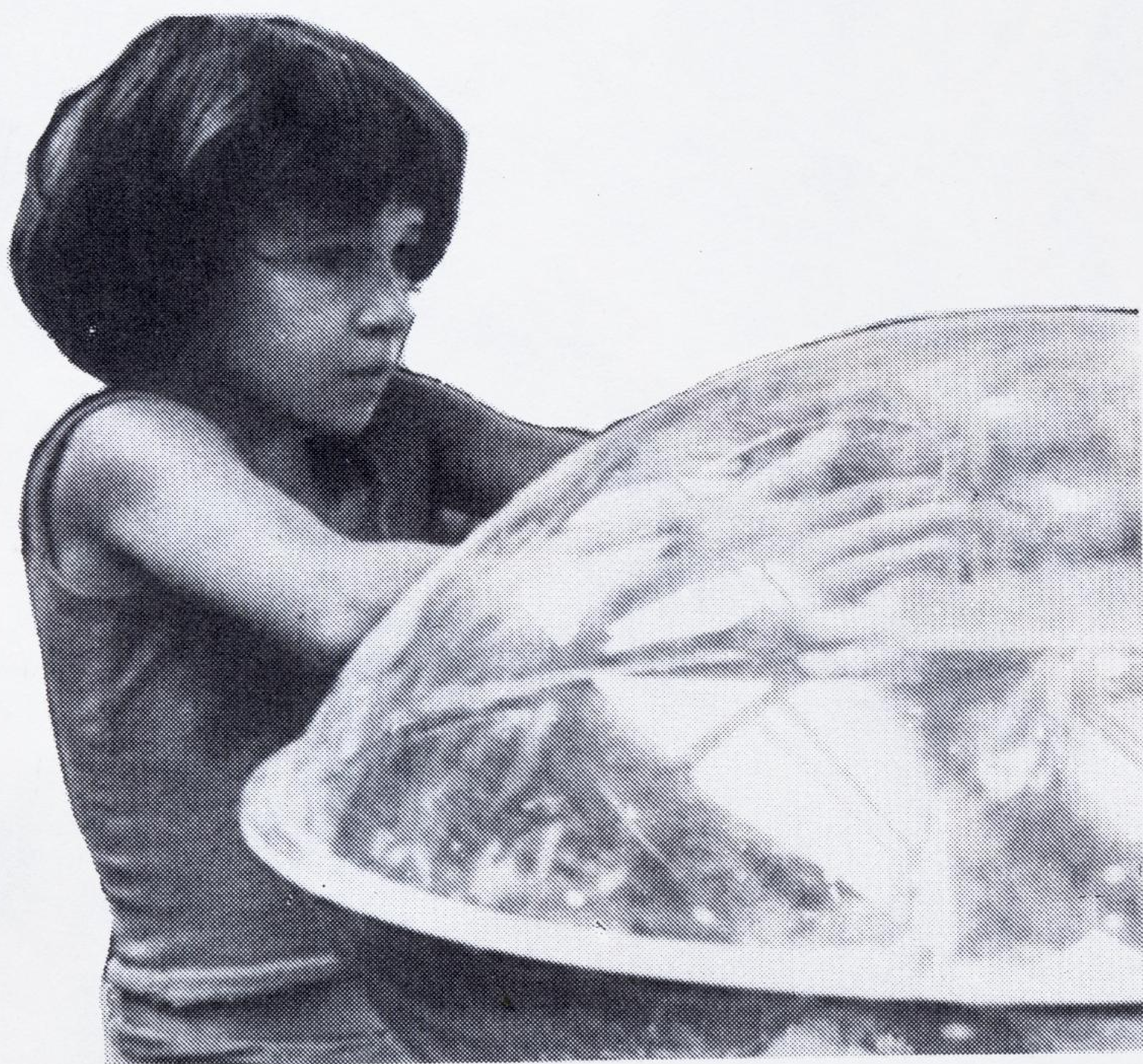
ПИОНЕР 11

1981

Ледовый Дворец «Кристалл» — гордость Электростали. А мальчишки здесь не только болеют за любимых хоккеистов, но и сами учатся спортивному мастерству.

А юные гимнасты занимаются в прекрасно оборудованном и светлом гимнастическом зале, построенном рабочими завода «Электросталь».

Многих ветеранов Азовско-Дунайской флотилии разыскали и подружили со своим городом красные следопыты школы № 12.

Нет, пожалуй, такого вида спорта, которым не могли бы заниматься ребята из Электростали. Авиамоделисты и ракетчики знамениты на всю область.

Алексей Алексеевич ВОРОНЦОВ,
председатель исполкома городского Совета народных депутатов города Электростали

ВСЕ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ

Когда к нам в город приезжают гости, мы прежде всего показываем им самое главное — наш завод. И свой рассказ сегодня я тоже хочу начать с самого главного.

«Электросталь» — так называется завод, который дал имя и жизнь нашему городу.

Заводу шестьдесят, он ровесник Советской власти. Сейчас это — одно из ведущих предприятий страны, прославленное своей продукцией — сталью и сплавами самого высокого качества.

Металл с «Электростали» шел на первые советские самолеты и автомобили, станки и подшипники. В годы войны из него ковали наше вооружение.

А сейчас электростальцы могут выплавить сталь с любыми свойствами, какие только потребуются конструкторам космических кораблей, реактивных самолетов, электронных приборов...

В городе немало и других крупных промышленных предприятий.

Рядом с заводами-гигантами вырос город — с прямыми проспектами, парком, с кварталами новостроек, стадионами и украшением города — ледовым Дворцом «Кристалл»!..

Растут заводы, растет и город.

Все больше он становится как бы одним большим домом, где дружно живут семьи рабочих и служащих...

Мы, депутаты горсовета, представители Советской власти в нашем городе, видим свою задачу в том, чтобы жизнь в этом большом общем доме шла дружная, спокойная, счастливая, чтобы было все необходимое для труда, учебы и отдыха.

А в семье всегда больше всего заботятся о младших, балуют малышей. И лучшее, что есть в Электростали, что создано руками рабочих, мы тоже отдаем ребятам.

Малышам у нас хватает детсадов, яслей. Достаточно и школ. Но мы строим новые — удобнее и просторнее прежних, и строим их там, где ребятам ближе. Спортплощадки в каждом микрорайоне. Да что спортплощадки! У нас для спорта — прекрасные дворцы!

Совсем недавно построили рабочие «Электростали» гимнастический зал — светлое здание с огромными окнами, оборудованное по последнему слову спортивной техники. Этот дворец гимнастики открыт для школьных кружков и спортивных секций, для всех любителей плавания.

Рядом — плавательный бассейн. Он известен не только в Подмосковье как отличная база для тренировок прыгунов в воду. Здесь же проводятся соревнования для ребят «Веселый дельфин», здесь делают первые заплывы юные пловцы.

А ледовый Дворец «Кристалл»! Не счесть, сколько школьных и дворовых хоккейных команд выросло на его льду за десять лет. Дворец открыт для ребят круглый год — юные фигуристы даже летом не прекращают занятия...

Нет сейчас, пожалуй, такого вида спорта, которым нельзя было бы заниматься в нашем городе.

Но, конечно, горсовет заботится не только о том, чтобы у ребят было много стадионов и спортплощадок.

Как питаются ребята в школе, как их лечат, как они отдыхают, как готовятся к будущим профессиям — все это помогают наладить в городе депутаты горсовета.

На заседаниях исполкома не бывает отказа, если что-то нужно выделить школам, пионерским лагерям, детским поликлиникам. Город ничего не жалеет для ребят.

У нас уже есть школы, где телевизоры чуть ли не в каждом классе. Приобрели их с помощью шефствующих предприятий и исполкома. Лучшие продукты в городе отдаем в пионерские лагеря, устраиваем бесплатные завтраки, витаминные столы в школах. Ребята уже привыкли, что и спортинвентарь и занятия в секциях у нас в большинстве случаев бесплатные...

Мы много строим и, распределяя квартиры, стараемся, чтобы у детей, у школьников дома были хорошие условия для учебы, для любимых занятий. Здесь нам еще многое нужно сделать, и мы этим занимаемся.

С большим уважением относятся у нас в Электростали к пионерской организации. Парад 19 мая, в День рождения Всесоюзной пионерской организации,— праздник для всего города. Памятным событием для нас стала и Пионерская плавка. В этот день в цеха приходят нарядные ребята с галстуками, а плавку ведут лучшие сталевары, Герои Социалистического Труда.

Сейчас пионерские плавки проходят во многих городах страны, а родилась эта традиция у нас, в цехах «Электростали»!..

В дружбе рабочих с пионерами, в их общих делах и общих праздниках — залог мирного и счастливого будущего нашего большого общего дома да и всей нашей страны.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1981 г.
Издательство «Правда»

3

1

2

У советских пионеров побывали:

1. *Вальтер Ульбрихт.*
2. *Морис Торез.*
3. *Янош Кадар.*
4. *Хо Ши Мин.*
5. *Луис Корвалан.*
6. *Поль Робсон.*

Встречи юных ленинцев страны Октября с видными деятелями международного коммунистического и рабочего движения, борцами за мир стали замечательной традицией пионерской организации с первых ее шагов.

Осенью далекого 1925 года в только что родившийся пионерский лагерь «Артек», где отдыхали всего несколько десятков ребят, приехала в гости бесстрашная немецкая коммунистка **Клара Цеткин.** Она встречалась с ребятами, разговаривала с ними об их жизни, пионерской работе, слушала их песни. «Артек» поразил ее. Поразили и пионеры, в чьи руки старшее поколение борцов передавало эстафету Октября. Потом Клара Цеткин написала: «Хотите ли вы видеть свободных, счастливых детей? Посетите летний лагерь, устроенный Красным Крестом в Артеке, недалеко от Суук-Су на Южном берегу Крыма... Этот лагерь — лишнее доказательство того, что молодой, бедный еще Советский Союз может пристыдить старые, богатые буржуазные государства своей заботой о юношестве».

Клара Цеткин оказалась права: СССР пристыдил самые развитые капиталистические страны, где Декларация прав ребенка — всего лишь пустые слова, где все — для богатых и ничего — для бедных.

Только в «Артеке» сегодня за одну летнюю смену отдыхают четыре с половиной тысячи ребят, а всего в пионерских лагерях страны — 13,5 миллиона!

А вот что написала об «Артеке» председатель Коммунистической партии Испании **Долорес Ибаррури:** «Есть на берегу Черного моря чудесный городок. В нем живут жизнерадостные, бодрые и веселые люди. «Артеком» называется этот известный всему миру городок. Он приютил на своей ласковой земле детей революционных борцов многих стран, погибших и заключенных на многие годы в тюрьме. Звонким смехом, весельем и песнями он скрасил сиротство этих детей».

В гости к пионерам-артековцам в послевоенные годы приезжал руководитель французских коммунистов **Морис Торез.** Потом, в 1963 году, он послал ребятам Ногачевской школы Львовской области для школьного музея фотографию музея В. И. Ленина в Париже с теплыми словами привета. «Артек» ру-

4

5

В гостях у ребят страны Октября

6

коплескал **Вальтеру Ульбрихту,** испытанному борцу за новую жизнь на немецкой земле, большому другу нашей страны, и руководителю венгерских коммунистов **Яношу Кадару.** В ответе на вопрос, что он ценит больше всего в человеке, Янош Кадар ответил: «В человеке я ценю все те качества, которые делают его настоящим человеком. У него должна быть руководящая идея, которая делает осмысленной его жизнь и следуя которой он мог бы настойчиво трудиться, бороться. По моему мнению, такой возвышенной идеей в нашу эпоху является верность делу коммунизма, а самым высоким моральным примером — стремление приносить пользу обществу. Нам, представителям старшего поколения, верится, что дети достойно продолжат дело своих отцов».

Советские пионеры тепло и сердечно встречали видного борца за мир, замечательного негритянского певца **Поля Робсона.** На пионерском костре он выступил перед ребятами, рассказал о тяжелом положении негритянских детей, о разгуле расистов, о кострах ку-клукс-клана. А потом могучий голос певца полетел к притихшей Медведь-горе. Поль Робсон пел о мире, о нашей стране, о людях, «которые мир по-своему переделают»...

Пионерия Страны Советов всегда поднимала свой голос против душителей свободы.

Так было в 1933 году, когда в Германии фашисты бросили за решетку отважного сына болгарского народа **Георгия Димитрова.** Когда он, вырванный из застенка, приехал в СССР, его вместе со взрослыми встречали юные ленинцы. Георгий Димитров много раз выступал перед пионерами, помогал им понять, что несет миру фашизм.

Так было и тогда, когда пиночетовская хунта бросила в каземат Генерального секретаря Коммунистической партии Чили **Луиса Корвалана.** Началась борьба за его освобождение. И борьба народов кончилась победой! На встрече с московскими пионерами пламенный патриот Чили сердечно поблагодарил советских пионеров за их письма, за их протест против зверств фашистских палачей в Чили.

Наш народ — народ-интернационалист. И дети Страны Советов растут настоящими патриотами и интернационалистами.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола

ОРКЕСТР

РАССКАЗ СЫНА

Обычно я стараюсь выехать на работу с первой электричкой, что-то около половины пятого утра. Поезд из Текстильщиков до Курского вокзала доставляет меня за десять минут. В это время в поездах и на улицах свободно и спокойно, телефоны в лаборатории молчат, и можно несколько часов заняться настоящим делом. Я люблю свою профессию радиоконструктора, иначе чего бы я вставал в такую рань. Без этой работы я не мыслю себе жизни.

А в то июньское утро я приехал на Курский вокзал около десяти часов. Сошел с поезда и сразу попал в людскую круговерть, которая увлекла меня навстречу маршевой музыке.

Когда-то в детстве на первомайской демонстрации в Смоленске, услышав звуки марша, я обмирал от восторга, останавливался, роняя на булыжник мороженое, а потом со всех ног несся за оркестром. Это радостное состояние невозможно ощутить, слушая оркестр по радио или записанным на пленку, его можно почувствовать, только шагая с оркестром рядом.

И сейчас меня потянуло к нему. Вижу, в окружении армии родителей движется батальон пионеров, отъезжающих на летний отдых. Духовой оркестр впереди. Пристроился, пригляделся к музыкантам. Играют без нот. На груди покачиваются и позвякивают медали. У кого «За оборону Ленинграда», у кого — Севастополя, Северного Кавказа, Советского Заполярья, «За взятие Будапешта», Кенигсберга, Вены...

Все музыканты постарше меня лет на пять — десять. У фанфарного трубача нет руки, пустой левый рукав заправлен под ремень,

второй трубач — на костыле, у флейтиста четыре нашивки — за тяжелые ранения. Прикинул — все их награды, вместе взятые, превысили бы количество нотных знаков исполняемой песни.

А по перрону, освещая его белизной рубашек, огоньками галстуков, сиянием глаз, шагают пионеры, рота за ротой, взвод за взводом... нет, простите, отряд за отрядом, звено за звеном...

Да сегодня же 22 июня!

«Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры — дети рабочих!»

Столько лет прошло, а песня эта берет за душу, и так хочется сбросить с себя груз лет и недугов.

— Куда отправляются пионеры? — спросил я музыканта, когда он опустил свою флейту.

— В Бердянск, в пионерлагерь.

Сердце бешено забилось.

— В Мерликовую балку?

Но флейтист приложил мундштук к губам, мигнул карим глазом, подал знак, и оркестр грянул: «... До старта остается четырнадцать минут».

Началась посадка в вагоны.

Этой песни в мои пионерские годы мы не знали. Не было ее и не могло быть. Будущий Колумб Вселенной, мой земляк Юра Гагарин, учился тогда мастерить бумажного змея, мечтая запустить его выше облаков, и готовился идти в первый класс школы. А мы тогда усваивали на уроках химии, что атом — самая малая и неделимая частица вещества.

Да. Это было 22 июня 1941 года...

На рассвете меня разбудили петухи. Обыкновенные деревенские петухи, которых на улице Горького в Москве не услышишь. Загоготали гуси, закудахтали куры. В этот оркестр вступили ударные звуки топора. Я натянул одеяло на голову, а потом отбросил его, сел на кровати и стал соображать. Итак, окончен восьмой класс.

Только вчера утром мы переехали на дачу. Сняли деревенский домик на берегу Истры. Целый день помогали бабушке и тете Нюше разбираться, мыть, прибирать.

А сегодня мы с Мишкой отправляемся на Азовское море. Я подбежал к кровати приятеля и стал по его голой пятке выстукивать пальцем точки и тире: «Пора... вставай!» Мишка брыкнулся и, не открывая глаз, простучал по спинке кровати азбукой Морзе: «Отстань!»

— Миш, ты что, забыл, какой сегодня день? — спросил я.

— Какой-какой, дай поспать.— Мишка сунул голову под подушку.

— Двадцать второе июня. Сегодня мы едем в пионерский лагерь. А нам еще надо успеть вскопать грядки, посадить лук, укроп, салат и разный прочий винегрет. Вернемся из лагеря, будем пожинать урожай.

Мишка высунул заспанное лицо, разулыбался во весь рот, сел на кровати, зевнул.

— А который час?

— Не знаю,— ответил я.— Будильник у бабушки в комнате, а мама с папой еще спят. Пойдем копать, слышишь, вся живность поет, гогочет, и солнце уже светит вовсю.

Я глянул в окно. Солнце лохматое, словно непричесанное, пробивалось сквозь березовые ажурные кроны.

— Ух ты! Пионерлагерь... Море... Девятый вал сбивает тебя с ног.— Мишка запустил в меня подушкой. Я ответил тем же. Началась бомбардировка подушками.

Бабушка услышала нашу возню, заглянула в комнату.

— Тише вы, маму разбудите.

— А папа уже встал? — спросил я.

— Опять застрял, не приехал. А ведь сегодня воскресенье...

Мы с Мишкой вышли в сени, взяли по лопате и пошли вскапывать огород.

Огород был всего в четыре грядки. Земля влажная, рыхлая и такая пахучая.

Я воткнул лопату в грядку.

— Знаешь, Миш, мне вдруг стало грустно оттого, что я последний раз в жизни еду в пионерлагерь.

Мишка снисходительно усмехнулся:

— Тебе хочется остаться пионером до седых волос?

— Но ведь никогда это больше не повторится, а взрослыми мы будем до конца наших дней,— заметил я.

— Я раньше не подозревал в тебе сентиментальности,— солидно произнес Миша. Он был на полгода старше меня и ехал в пионерлагерь только из товарищеской солидарности.

Мы наконец вскопали, выровняли грядки. Бабушка дала нам лук, семена, показала, что и где сажать.

Вышла на крыльцо мама в халате, босиком, волосы на голове закручены на бумажки.

— Куда же наш папка девался? — спросила она.— Обещал приехать не позже двенадцати ночи, а сейчас уже шестой час утра.

— Едет, едет! — закричали мы с Мишей, завидев в клубах пыли машину на дороге.

— Наконец-то,— обрадовалась мама, а бабушка поспешила в сени разжигать керогаз, варить кофе.

Машина остановилась, и из нее вышел красноармеец.

— Товарищ старший лейтенант, вас требуют немедленно в штаб,— откозырял шофер.

А старший лейтенант, то есть моя мама, стоит в голубом халате с бумажными завертками на голове и вовсе не похожа на лейтенанта, тем более на старшего.

— Сию минуту! — ответила она и побежала внутрь избы.

— Случилось что-нибудь? — спросила бабушка.— Война?

— Не могу знать,— ответил красноармеец.

Мама распахнула окно.

— Мальчики, собирайтесь-ка живо, я вас по пути заброшу домой.

Наши рюкзаки были упакованы еще накануне. Мы с Мишей быстро натянули рубашки и брюки, а пионерские галстуки прилаживали под воротником уже в машине. Тогда вместо узла пионерский галстук скреплялся зажимом. Мама в гимнастерке, подпоясана ремнем, на петлице воротника три кубика. Она расчесала свои кудряшки, натянула на голову берет.

Ехали молча. На улице Горького, возле нашего дома, шофер притормозил, мы с Мишей выскочили из машины, мама крикнула нам вслед:

— Не забудьте позавтракать, в буфете хлеб, масло, яйца, сыр. Сидите дома и ждите моего звонка.

Мы с Мишей вскипятили чайник, я поджарил яичницу-глазунью, заправились, взяли по горсти ирисок и устроились на подоконнике. Никакой, конечно, войны и никакой тревоги. Сверху видно, как по улицам движутся, словно плывут, автобусы, велосипедисты жмутся к тротуарам, пешеходы с рюкзаками, и все спешат в сторону Белорусского вокзала, за город, на отдых. День теплый, солнечный. Я включил радиоприемник. Передавали музыку, песни, читали стихи. Телефон молчал.

Мы лежали с Мишей на подоконнике, болтая ногами, перестукивались, зубы у обоих склеились ирисками.

Дом наш на углу, и на перекрестке всегда стоит милиционер-регулировщик.

— Как ловко орудует своей палочкой, как жонглер,— восхищенно заметил Миша.

— Это что! Вот мы пойдем с тобой на Красную площадь. Там возле Василия Блаженного стоит регулировщик на круглой подставке, так его со всей Москвы приезжают смотреть. Иностранные туристы его фотографируют, для кино снимают.

В это время пришел сменщик регулировщика.

— Миш,— толкнул я локтем приятеля,— смотри,— у милиционера на плече карабин. Почему?

Миша пожал плечами.

— Может, ловят какого-нибудь преступника?

И вдруг разом оборвалась на полуфразе песня, и из громкоговорителей на улицах, по радио в квартире зазвучал голос диктора: «Граждане Советского Союза. Через несколько минут будет передаваться важное правительственное сообщение. Слушайте все. Слушайте все...»

Мы с Мишкой вцепились в подоконник обеими руками... На улице все замерло, все остановилось, как в стоп-кадре.

Эти несколько минут показались вечностью.

Наконец раздался размеренный, суровый голос:

«Сегодня, в четыре часа утра... без объявления войны германские войска напали на нашу страну...»

Война... война...

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Война... война...

Люди выходили из автобусов, переходили на другую сторону улицы, чтобы ехать обратно домой, велосипедисты и пешеходы с рюкзаками тоже поворачивали назад. Никто не бежал, не кричал. Все только словно ближе придвинулись друг к другу, говорили вполголоса.

Меня это сообщение ошеломило и взорвало злостью. Фашистская Германия напала на нас, значит, Гитлеру скоро каюк. Слово «капут» вошло в обиход позднее.

— Ну и зададим же мы фашистам,— кувыркался Мишка на диване.— Ну и зададим. Будет знать Гитлер, как совать свое свиное рыло в наш советский огород.

И я был того же мнения.

— Может быть, отложат нашу поездку? Поедем после победы,— высказал Миша предположение.

— Эх, не доросли мы с тобой малость. Мне даже в пионерлагерь ехать расхотелось,— признался я.

— Но ты же несколько часов назад жалел, что в последний раз едешь в пионерлагерь,— резонно заметил Миша.

— То было другое время — несколько часов назад. Мы копали грядки и не знали, что идет война. Бомбили друг друга подушками, а фашисты сбрасывали бомбы на наши города.

Задребезжал телефон.

Я схватил трубку... Звонил папа.

— Ты слыхал, сынок? — спросил он.

— Да,— ответил я, задыхаясь от волнения,— слыхал. Пап, правда, здорово? Теперь Гитлеру конец?

Отец помолчал и потом сказал негромко и очень серьезно:

— Война — большая беда. Гитлеровцы ворвались на нашу землю. Бои ведут вдоль всей западной границы. Мы несем большие жертвы.

— Папа, но мы же победим?

— Безусловно,— твердо ответил отец.— Но победа будет нелегкой. Нелегкой,— повторил он с ударением.— Я позвоню сейчас в Ленинград и спрошу Мишиных родителей, как быть с ним — отправлять в пионерлагерь или в Ленинград.

Я передал Мише трубку.

— Скажите, пожалуйста, папе и маме, что я хочу в пионерлагерь. Очень хочу. Ведь это последний раз в жизни. Потом мы будем взрослыми,— повторил он мои же слова.

Через час папа позвонил снова.

— Миша поедет сегодня в Ленинград. Так хотят его родители. А ты, если не возражаешь, поедешь в пионерлагерь.

— Да, конечно,— ответил я.

Мы с Мишей приуныли. Жаль было расставаться в такой час. Хотелось вместе дождаться победы. Мы шесть лет просидели с Мишей за одной партой в ленинградской школе, вместе занимались в кружке радиолюбителей,

вместе ездили в пионерский лагерь. Седьмой и восьмой классы я заканчивал в Москве, куда перевели на работу моих родителей.

Договорились с Мишей, что, вернувшись из лагеря, я приеду к нему в Ленинград. Август проведем вместе. В том, что война к тому времени закончится, мы не сомневались.

...Через несколько часов пионеры выстроились у клуба. Я оказался в 13-м отряде «последних пионеров». Он был замыкающим. Где-то впереди играл оркестр. Мы двинулись. Родители, обгоняя друг друга, шли по тротуару. Остановились автомобили, давая дорогу пионерам. Шагаем по Садовому кольцу к Курскому вокзалу. А впереди — оркестр, и все мы подчиняемся ему. Он ведет вперед, к победе.

На перроне пятьсот пионеров выстроились, как на военном параде, а родители, которым предстояло одним уже сегодня, другим завтра встать на защиту Родины, метались по перрону, разыскивая своих детей... Отец по-мужски пожал мне руку, прижал к себе, мама обцеловала мое лицо. Маленькая вспышка досады обожгла мое сердце из-за блеснувших на глазах бабушки слез. Я не знал тогда, что не увижу родителей больше трех лет, что прощаюсь с ними надолго. Никто тогда не знал, что будет Завтра, никто не знал, чем кончится Сегодня.

Мы разместились по вагонам, прилипли носами к окнам. Поезд тронулся. В наступивших сумерках мелькали руки, много, много родительских рук. Угасали звуки оркестра, сгущались сумерки, но нигде не было видно огней. В вагонах под потолком загорелись синие лампочки, окна были наглухо зашторены.

Начальник пионерского лагеря Алексей Михеевич прошелся по вагонам, и все задавали ему один и тот же вопрос — как дела на фронте, куда продвинулась наша Красная Армия.

Алексей Михеевич отвечал:

— Точных сведений не имею. Идут ожесточенные бои. Но знаю твердо: мы победим!

— Ура-а-а! — кричали мы в ответ.

Ночью спали плохо. Перешептывались, и, конечно, все разговоры были только о войне, и все мы были уверены, что не успеем доехать до Осипенко (так тогда назывался Бердянск), как враг будет разбит в пух и прах...

Море встретило нас ласково, пологими волнами, отсвечивающими голубым атласом на солнце. Мальчики из 13-го отряда разместились в крайней палатке возле аэродрома, на котором расположились шесть истребителей МИГ-1. Мы с гордостью поглядывали на них, считая их солидной защитой не только города, лагеря, но и всего Азовского моря.

На торжественное открытие пионерлагеря пришли летчики, прибыл духовой оркестр. Под руководством Алексея Михеевича сооружали костер. Таких костров я ни в одном пионерском лагере не видел. Поджигали его сразу с нескольких сторон, и змейки пламени ползли по сухим стеблям кукурузы, соединялись в огненный сноп, высоко в темноту поднималась алая елка огня, от которой летели игольчатые искры и расцвечивали небо звездами, а оркестр исполнял: «...ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». И пятьсот пионеров, вожатые-комсомольцы и летчики пели эту песню с особым подъемом, с непоколебимой верой в нашу Победу.

Я потом видел только костры войны...

Строем ходили купаться в море. Наблюдали, как рыбаки оснащали свои сейнеры какими-то новыми сетями и устройствами. Все они были одеты в морские тельняшки.

— Теперь мы приписаны к Азовскому военному флоту, будем ловить не рыбку, а фашистские мины,— объясняли они нам.

По вечерам к нам приходили летчики, мы устраивали для них самодеятельные концерты, вместе пели песни, расспрашивали их о положении на фронтах, а они передавали слово в слово сводки Совинформбюро, которые мы сами слушали по радио. Нам хотелось знать больше. Летчики пожимали плечами. Мы понимали: «Военная тайна». Эти встречи продолжались недолго. На город стали падать бомбы. Однажды мы не досчитались на аэродроме одного самолета, потом не стало еще двух... Лагерь был затемнен. Костров не разводили. Ночью, высунувшись из-под полога палатки, мы видели яркие пунктиры трассирующих пуль, по небу шарили два светлых клинка прожекторных лучей. Иногда эти клинки скрещивались и засекали вражеский самолет. От него отделялась черная точка, прочеркивала небо, падала в море, раздавался глухой взрыв, и всплескивалась высокая водяная чаша.

Перестали приходить летчики. Один за другим покидали лагерь наши пионервожатые-юноши: их призывали на службу в армию. Как мы завидовали этим комсомольцам! Мы, старшие, или, как нас называли, «последние», пионеры, с утра до вечера копали вокруг лагеря траншеи. По ночам все чаще стал раздаваться заунывный сигнал воздушной тревоги, почему-то напоминавший мне крик испуганного петуха. Мы вытаскивали из палаток малышей и, полусонных, испуганных, тащили в укрытие.

Мы были уже в зоне войны. Как я тогда горел желанием получить в руки автомат, прицелиться в самую сердцевину проклятой гитлеровской свастики и увидеть, как от моей пули, кувыркаясь, падает в море фашистский самолет. А Алексей Михеевич поручал нам, старшим, по очереди заниматься младшими, водить с ними хороводы, разучивать новые песни, заниматься физкультурой, следить, чтобы они не объедались незрелыми абрикосами и шелковицей...

На лагерной площади появился стенд с надписью: «Отличники-пионеры по оборони-

тельным сооружениям». Среди других я увидел свою фотографию. Обрадовался? Нет — разозлился. Я работал так, как и все. В нашем отряде были ребята и помоложе меня, и поменьше ростом. Я страсть как не люблю, когда меня выставляют напоказ, как пай-мальчика. Не люблю, когда ругают. Я ковырнул перочинным ножом свою фотографию и сунул ее в карман. По моим понятиям, отличником в лагере был один наш начальник, Алексей Михеевич. Он все это время почти не спал и ел на ходу, осунулся, похудел. Мы понимали, что он отвечает за нашу судьбу — за пятьсот пионерских душ. Он был улыбчив, любил шутку, но умел быть строгим и требовательным. Слушались его беспрекословно, верили ему и очень любили. Он приглашал к работе, как к игре: «А ну-ка, ребятки, давайте-ка сдвинем это бревно. Его ни одна бомба не прошибет». И мы хором кричали: «Эй, ухнем, еще раз, еще раз, сама пойдет». И бревно ложилось поперек траншеи.

Он был обязан доставить нас в Москву в целости и сохранности. Бегал в город, раздобывал вагоны, доставал для нас продовольствие, лекарства. Дорога через Харьков, по которой мы ехали в Осипенко, была уже перерезана. Везли нас обратно окружными путями, держали сутками в тупиках, чтобы пропустить военные грузы, а для Алексея Михеевича самым важным военным грузом были мы... Часто раздавался звук сирены, поезд тормозил, и мы скатывались из теплушек в кюветы и вжимались в землю. Я чувствовал, как содрогается земля, физически ощущал ее боль, и дымящиеся воронки от взрывов представлялись ранами на родной земле.

Алексей Михеевич доставил нас в Москву, голодных, грязных, но всех до единого, ни одного тяжело больного, ни одного раненого. Он совершил настоящий подвиг.

Мы шагали по Москве и не узнавали ее. Теперь уже ряды пионеров теснились к тротуару, уступая дорогу танкам, грузовикам, раскрашенным в зелено-коричневый цвет. Большие витрины магазинов были завалены мешками с песком, на всех окнах наклеены белые полоски крест-накрест, золотые купола церквей закрашены серой краской...

Дома меня встретила бабушка.

Я готовился к слезам, охам и ахам. Но бабушка просто крепко обняла меня. Запавшие глаза ее были сухи. Родители мои уехали через несколько дней после моего отъезда — это я знал из бабушкиного письма.

— Где сейчас папа с мамой? — спросил я.

— В энской части,— серьезно ответила бабушка.— Все наши в энских частях.— И по грустинке, которая мелькнула в ее глазах, я понял, что она беспокоится и о судьбе своих сыновей — моих дядей, которые в первый же день войны ушли на фронт.

В нашей квартире все окна были выбиты, одна оконная рама и вовсе была выворочена.

— За нашим домом бомба упала, так у нас взрывной волной все стекла вышибло, и наклейки на окнах не помогли,— объяснила бабушка.— Иди в ванную, вымойся как следует. Колонку я затопила последний раз, больше дров нет.

Я схватил со стола кусок хлеба и побежал в ванную. Ну, и грязен же я был!

А потом уселся за стол на кухне и обеими руками заталкивал в рот хлеб, колбасу.

— Да не давись ты, прожевывай как следует,— говорила бабушка.

От ванны и еды меня совсем разморило, и я свалился спать. На кухне стояла бабушкина кровать, и для меня была приготовлена раскладушка. К окну было прибито ватное одеяло, которое на день откидывалось.

Когда я проснулся, бабушка гладила мое бельишко, которое уже успела выстирать.

— Я хочу побродить по Москве, посмотреть, какой она стала,— сказал я.

— Пойдем вместе,— предложила бабушка.— И имей в виду, что Москва на военном положении. Вечером без пропуска ходить нельзя, и «он» прилетает почти каждый вечер около десяти часов.

— Кто это «он»? — спросил я.

— Кто? Гитлер. Но не очень-то он разгуливается, наша зенитная артиллерия бьет метко, и только некоторые самолеты прорываются. Сегодня я дежурю во дворе,— сказала веско бабушка,— женщины — во дворе, мужчины — на крыше.

— Значит, я буду дежурить на крыше,— решил я.

Мы вышли на улицу. По мостовой двигалась колонна автомашин, и в них покачивались какие-то странные фигуры, закутанные в этот жаркий день в войлок и рогожу.

— Это вывозят музейные ценности — скульптуры, картины, чтобы они не погибли от бомб,— объяснила бабушка.

Подошли к Охотному ряду. Перед гостиницей «Москва» люди большими кистями, больше похожими на метлы, раскрашивали площадь. Я пригляделся: макая кисти в ведра с краской, на площади рисуют купы деревьев, крыши домов.

— А, это чтобы фашисты сверху не узнали Москву,— догадался я.

— Да, все площади разрисованы. Большие художники работают над этим,— подтвердила бабушка.— Но «он» днем не прилетает, норовит ночью, тайком, воровским манером.

Около двух месяцев прошло после начала войны, но как все изменилось. Изменился и я сам. Детские наивные представления о легкости победы сменились тревогой, и я понимал, что не смогу остаться в стороне. Моя родина — Смоленск — в руках фашистов. Я представил себе фашистских солдат во дворе нашего дома на Кукуевке и ужаснулся.

Вернулись домой. Бабушка сказала, что скоро мне надо идти в школу, чтобы я приготовил учебники.

Никто тогда не знал, что будет Завтра, никто не знал, чем кончится Сегодня.

— Учиться-то надо, обязательно надо,— сказала она, словно угадав мои мысли.— Не победить мы не можем, жизнь будет продолжаться. Стране будут нужны грамотные люди, специалисты, ученые... Я тоже займусь делом. Ждала, пока ты вернешься. Пойду работать в госпиталь, не зря же я курсы медсестер кончила.

— Но бабушек в армию не берут,— возразил я.

— Это я для тебя бабушка,— рассердилась она,— а мне пятьдесят три года, не такая уж древняя и на здоровье не жалуюсь.

— Извини, я не хотел тебя обидеть.

У меня тоже был свой план. Мама с папой оставили мне записку. Краткую, но выразительную: «Береги бабушку. Учись. Надеемся на скорую встречу. Целуем. Мама. Папа».

Радиоприемника в доме не было. Целый день был включен радиорепродуктор, по которому передавали новости и объявляли воздушную тревогу и отбой. У меня был только радиоключ, на котором я стал тренироваться, набивая руку. Я выбивал ключом точки и тире: «Смерть немецким захватчикам. Знай, бесноватый Гитлер, что мы победим. Мы победим!» Я выстукивал письма папе и маме. Выстукивал убедительные доводы бабушке. Но то, что я выстукивал, слышал и понимал я один. В эфир мои точки и тире не неслись. Бабушка азбуку Морзе не знала. А я тренировался упорно и вынашивал свой план.

Почти каждый вечер раздавался сигнал тревоги и слышался размеренный, вовсе не тревожный, твердый голос Левитана: «Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!» Бабушка умоляла спускаться с ней в бомбоубежище, но я спешил на крышу. Только однажды на наш дом посыпались зажигалки. Продолговатые бомбы вертелись как бешеные. Схватив одну за «хвост», я со злобной радостью вкрутил ее раскаленную шипящую головку в мокрый песок в ведре. С крыши соседнего дома строчили в воздух зенитные пулеметы.

Днем я бегал в военкомат. Все ребята бегали туда, и нас, школьников, просто выгоняли, говорили, что мы мешаем работать и что у нас одна задача — хорошо учиться. Комсомольцы из нашей школы ходили в тир, тренировались в стрельбе.

Наступил октябрь. Гитлеровцы были уже в нескольких километрах от нашей дачи, которую мы сняли и на которой прожили только одни сутки. Это же совсем близко от Москвы. Такое трудно было постигнуть.

Явился дежурный по домоуправлению и объявил, что нам с бабушкой надо срочно эвакуироваться, выдал ей какой-то талон: «Вещи возьмите с собой только те, которые можете нести в руках». Воздушную тревогу в эти дни объявляли несколько раз в день и ночью.

Стали собираться. Бабушка с немым вопросом посматривала на меня. Я молчал. Был послушен и покорен. Делал все, что она просила. Собрали два чемодана и два рюкзака. Бабушка специально положила мои вещи вперемешку со своими. Вымыла посуду, расставила все по местам, вытерла клеенку на столе. Я вызвался мыть пол, но она сказала: «Пло-

хая примета, нельзя мыть пол перед отъездом. Мы скоро сюда вернемся».

Вокруг вокзала и на путях огромная толпа женщин, детей и стариков разыскивала свои поезда и вагоны. Нашли мы с бабушкой в этой невообразимой толчее и свой вагон. Молодая женщина распоряжалась посадкой в теплушку. «Женщины с малыми детьми и старики — на нижние полки, кто помоложе — наверх». Она посмотрела на мою бабушку и распорядилась: «Вам на верхнюю полку». Посадочная суматоха, шум, споры сменились плачем, рыданиями. Люди словно навеки прощались с Москвой. Тут на помощь молодой женщине, или, как ее называли, комиссарше, пришла бабушка. «Вы что заголосили! Гитлера решили порадовать? С Москвой прощаетесь? — строго и громко сказала она.— Мы ненадолго уезжаем, а Гитлеру в Москве не бывать». Постепенно в вагоне наступила тишина. Женщины и дети умаялись за день. Кто-то запел тихо колыбельную: «В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла...»

Бабушка постелила постель, прилегла и вскоре заснула. Я осторожно сунул ей под голову записку, вынул из ее сумочки ключи от нашей квартиры, потрогал ее косичку, выбившуюся из пучка, поцеловать в щеку не решился — разбужу. Соскользнул с полки.

— Ты куда? — спросила комиссарша.— Скоро отправляться будем.

— Я по нужде, сейчас вернусь,— ответил я, нырнул под вагон. Завыла сирена. Третий раз в этот день. Я побежал...

Поезд ушел без меня.

«Береги бабушку»,— писали мне отец и мать. Я ушел от нее, чтобы ее сберечь.

Долго рассказывать, как я мыкался по октябрьской Москве, такой опустошенной, с улицами, перекрещенными противотанковыми надолбами, с ослепшими окнами домов. Наконец я нашел пристанище в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения — ОМСБОНе. Там сумели оценить мои способности работать на радиоключе. 23 октября 1941 года я был зачислен, как значится в моем военном билете, на службу в кадры Вооруженных Сил СССР. В пятнадцать с половиной лет я надел на голову пилотку...

...9 мая 1945 года я встретил в Будапеште. Мы карабкались по грудам развалин и расстреливали в воздух оставшиеся патроны, салютуя Победе. Сквозь щелканье выстрелов послышались звуки музыки. У стен парламента оркестр нашей Краснознаменной орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилии исполнял Вторую венгерскую рапсодию. И мелодия Листа звучала особенно торжественно и победно на обломках фашистского хортистского режима, предвещая венгерскому народу новую жизнь. А потом оркестр исполнил «Темную ночь» Никиты Богословского. Советские солдаты и матросы расселись вокруг оркестра в обнимку с венграми и вместе пели.

И вдруг я почувствовал, что кто-то по моей бескозырке выстукивает: «Победа. Победа».

Оглянулся — Мишка! В сержантской форме. Ну и встреча! Нарочно не придумаешь!

Миша провел страшную девятисотдневную блокаду в Ленинграде. Родители его погибли: отец — на фронте, мать умерла от голода.

— Ну, что ж,— сказал Миша,— мы с тобой тогда думали...— Он сдвинул пилотку на голове.— Помнишь, мы посадили с тобой огород, небось, салат вымахал за эти годы? А? Поедем урожай собирать. Как там твоя бабушка?

— Бабушка работает в Уфе в госпитале. Где родители — не знаю. Бабушка писала, что воюют в «энской части». А мне еще служить,— ответил я.— Через пять дней мне исполнится 19 лет. Я обманул командование, прибавил себе два с лишним года. Теперь надо покаяться. Призовут на действительную военную службу.

— Будто до сих пор была недействительная,— сочувствующе усмехнулся Миша.

И призвали!

Все это, как на киноленте, прокрутилось на бешеной скорости в памяти.

И вот я снова на Курском вокзале. И теперь мне столько лет, сколько было моей бабушке в 1941 году. И сам я стал дедом. Вот так-то!

Оркестр исполнял: «Я, ты, он, она, вместе — дружная семья...» — и сотни ребячьих голосов из вагонов озорно и весело пели: «Я, ты, он, она, вместе — дружная семья...» — и сотни ребячьих рук приветливо махали.

Я смотрел на пустой рукав фанфариста, засунутый под ремень, на его карий мигающий глаз, управляющий оркестром, и думал о том, что этим ребятам, уезжающим в пионерлагерь, не придется копать траншеи.

Понимают ли они, эти веселые, озорные ребята, что двадцать миллионов жизней отдано за их детство, что многих старых солдат еще терзают застрявшие в их теле пули и осколки...

Прошел последний вагон, в котором ехали «последние» пионеры — пятнадцатилетние девчонки и мальчишки. Оркестр замолк.

Я подошел к киоску. Купил газету. Тревожно в мире... А так хотелось бы, чтобы сбылись слова ребячьей песни: «Я, ты, он, она, вместе — дружная семья...»

Вышел на площадь, взглянул на плывущие над Москвой облака. Где-то там, в космосе, летают советские космические радиоспутники. Многотысячная армия радиолюбителей связывается через них со своими коллегами всех континентов. На околоземной орбите наши радиолюбители призывают парней всего мира: «Я, ты, он, она, вместе — дружная семья»... И никогда с советской земли не поднимется голос, призывающий к войне, к вражде. Наш пароль — «Нет» — войне, да будет мир!»

Мимо прошагал оркестр. Фанфарист мигнул мне карим глазом.

Рисунки В. ДУДКИНА.

В нашем классе уже не первый год издается литературно-художественный журнал, в четвертом классе он назывался «Первоцвет», в пятом — «Тик-так». Особенность нашего журнала в том, что его авторами являются все до одного ребята.

В этом году нам очень понравилось опубликованное в «Пионере» документальное повествование Л. С. Симоновой «Человек приходит из Детства». И мы захотели узнать, какова судьба семьи каждого из наших ребят в судьбе страны.

Ребята начали писать на тему, предложенную журналом: «Судьба семьи в судьбе страны». Пока эта работа только начата. Надеемся ее продолжить.

Н. Р. БЕРШАДСКАЯ, воспитатель спецшколы-интерната № 2 г. Москвы.

КИНДИНОВЫ

Когда началась война, мой дядя Сергей Киндинов был комсомольцем, дедушка — коммунистом. Оба они ушли на фронт.

Всего за Великую Отечественную войну отец и сын встречались два раза. Первый раз было так. Сергей дрался в окопе с фашистом, и тут в окоп прыгнул третий. Солдат подумал: «Если это враг, живым не дамся». На его счастье, солдат заговорил по-русски. Когда Сергей и «незнакомый» солдат связали гитлеровца, то офицер Сергей Киндинов узнал в незнакомце своего отца.

Второй раз было дело совсем по-другому. Дедушкину часть разбили, и оставшиеся солдаты присоединились к полку, которым командовал офицер Киндинов. Во время переклички Сергей узнал, что в полку находится его отец.

Оба они не знали тогда, что их мать, сестра и братья в опасности. Деревню, где жили Киндиновы, заняли оккупанты. На нашу семью донесли. Гитлеровцы били детей и бабушку. Моя мама, Вера Владимировна, была еще совсем маленькая. Когда фашисты стали бить ее маму, а мою бабушку, то маленькая Верочка пыталась ее защищать. Немец безжалостно бросил ее головой о сани, так что у моей мамочки до сих пор шрам на лбу.

Кончилась война, советские люди победили, и офицер Сергей Владимирович Киндинов возвращался домой. Он умер по дороге. Ведь он был несколько раз ранен, а еще перед этим перенес газовую гангрену.

Дедушка пришел с фронта глухой и заикался. Умер дедушка через три года после войны.

Бабушка долго жила, она нянчила меня. Умерла она, когда мне было четыре года.

Я написала историю жизни нескольких лиц семьи Киндиновых.

Я горжусь, что я тоже член этой семьи.

Света МИТРОФАНОВА, г. Москва.

ОБЕЛИСК С КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Мой дедушка Ульянов Петр Николаевич прожил большую и исключительно интересную жизнь.

Родился он в 1896 году в Самаре в многодетной семье, его отец был бурлаком на Волге. Мой дедушка с 1916 года состоял в большевистской партии и входил в руководство Самарской организации большевиков. Он организовывал революционные кружки, боевые дружины, выступал на собраниях рабочих, призывая их к свержению царизма. После свержения царизма мой дедушка вел борьбу за установление Советской власти на Украине. Однажды вместе со своими товарищами — членами Реввоенсовета — он попал в плен к белым и был приговорен к расстрелу. В ночь перед казнью мой дедушка организовал подкоп, вылез наружу, освободил своих товарищей и вместе с ними скрылся в ночной темноте. А наутро они вернулись с частями Красной Армии и разгромили белобандитов.

В первые годы Советской власти из-за голода и разрухи был распространен сыпной тиф, от которого умирало много людей. Дедушка тоже заболел сыпным тифом. Когда он лежал в госпитале без сознания, за ним ухаживала очень внимательная медсестра, которую мой дедушка полюбил, и она стала его женой. Это моя бабушка.

В 1926 году дедушка окончил медицинский институт в Самаре. Работая врачом, увлекся научными разработками и был зачислен в Академию медицинских наук в Ленинграде. Там он защитил кандидатскую диссертацию. В 1937 году дедушка разработал новый лекарственный препарат. Когда началась Великая Отечественная война, дедушка пошел добровольцем защищать Родину. Он применял на фронте свое лекарство для лечения раненых. Пришлось дедушке воевать в партизанских отрядах. Он, врач, с автоматом в руках защищал раненых от фашистов. Однажды при переходе линии фронта дедушке пришлось трое суток пролежать на льду реки без движения — тех, кто двигался, сразу же расстреливали из пулемета.

После войны все свои силы дедушка отдал медицине и науке. Им была написана докторская диссертация, он вел большую партийную работу. Уже пенсионером дедушка продолжал помогать людям, он входил в Совет старых большевиков, организованный в Москве.

На могиле дедушки поставили обелиск с красной звездой, как воину, хотя он не был кадровым военным. Но он всю жизнь воевал за Советскую власть и за наше светлое будущее — коммунизм.

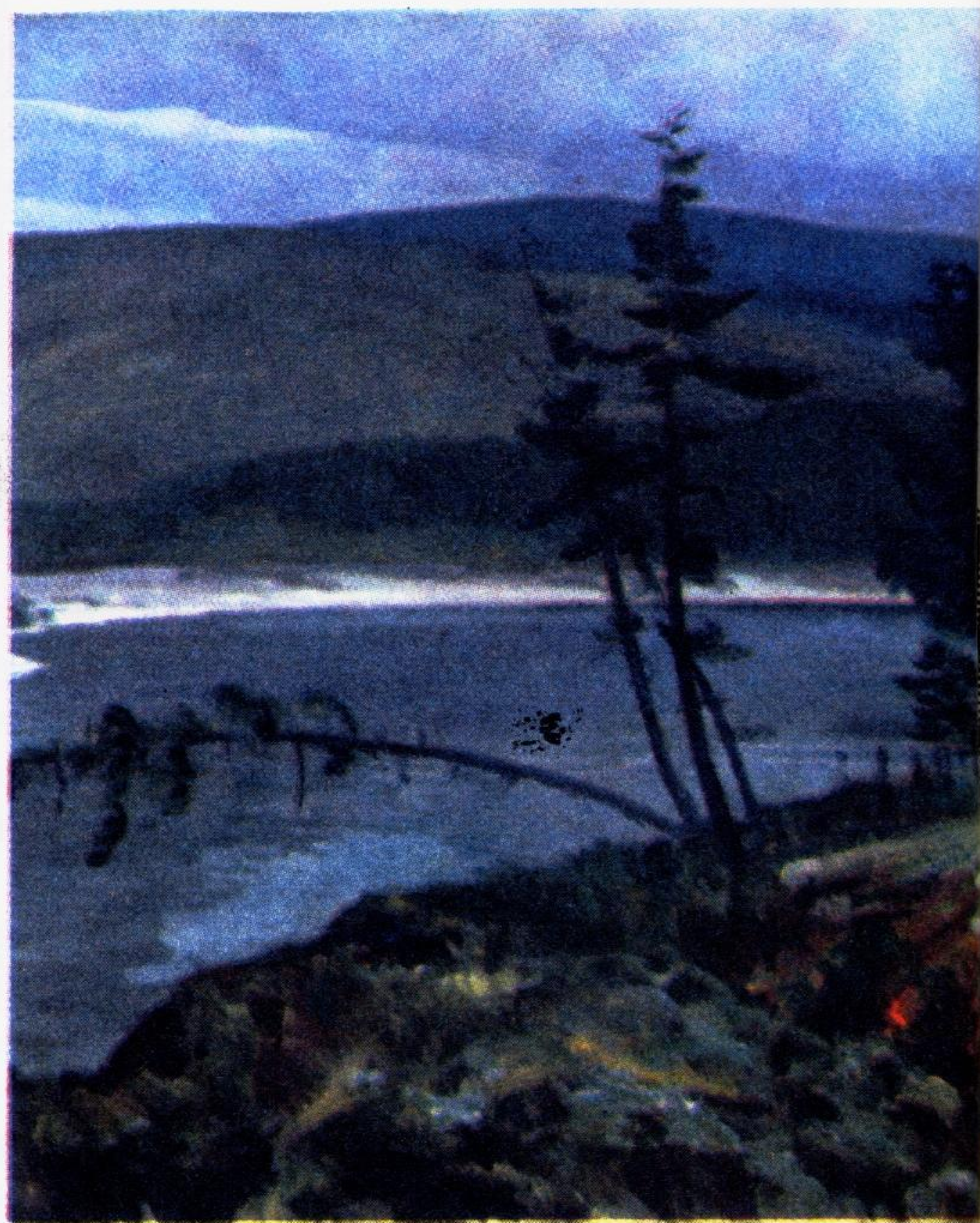
Оля УЛЬЯНОВА, г. Москва.

Нерюнгри

Беркакит

Тында

«Река Магот».

Владимир УСПЕНСКИЙ

НЕРЮНГРИ —

Еще не так давно, до XXVI съезда нашей партии, мы писали и говорили о Байкало-Амурской магистрали в будущем времени. Вот, мол, пролягут через дикую тайгу, через суровые горы железнодорожные рельсы, весело застучат колеса вагонов, вырастут новые города и поселки. Однако время летит быстро, молодые строители БАМа работают на совесть. И теперь пора уже говорить о том, что **есть** на новой магистрали, что **действует,** начинает окупать затраченные средства.

Для чего строится БАМ? Не только для того, чтобы пассажиры и туристы ездили через всю Восточную Сибирь и Дальний Восток — это тоже хорошо, пусть ездят,— но самое-то главное заключается в том, чтобы взять огромные клады, скрытые природой в очень суровых краях.

В зоне Байкало-Амурской магистрали есть все: уголь и железо, медь и слюда, золото и алюминий. Много леса. Бурные реки, способные вращать тур-

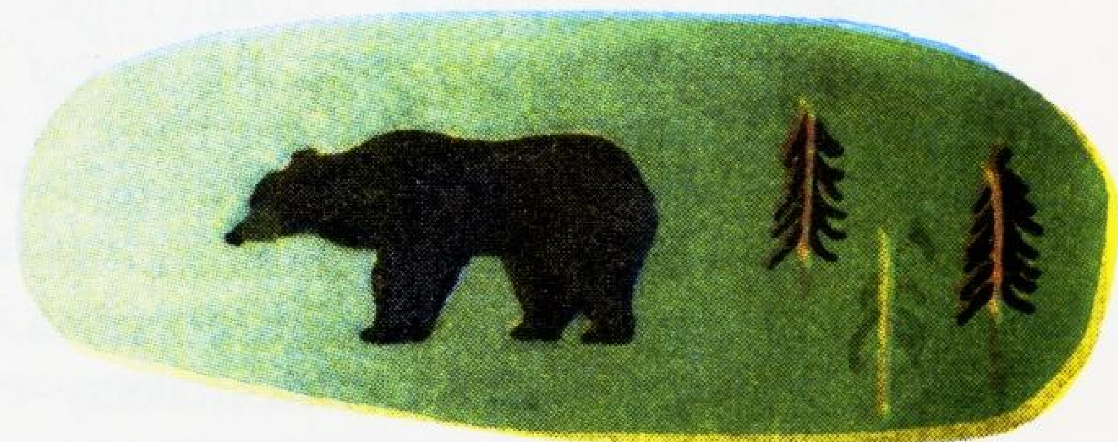
«Нерюнгринский разрез».

«Якутский уголь».

Репродукции с картин заслуженного художника РСФСР Ю. А. ТИТОВА.

НОВЫЙ ГОРОД НА БАМЕ

бины электростанций. И БАМ открывает нам доступ к этим богатствам. Теперь главная задача — умело взять эти богатства, добыть их, использовать на благо людей.

Вокруг БАМа вырастают сотни промышленных предприятий, которые начнут осваивать сибирские клады. Сегодня наш рассказ о самом первом промышленном гиганте на знаменитой магистрали — первенце Южно-Якутского территориально-производственного комплекса.

Уголь пошел по Малому БАМу

Сквозное движение поездов по всей магистрали начнется в 1984 году. Но уже сейчас действуют некоторые участки дороги. Взгляни на карту БАМа: видишь дорогу, протянувшуюся на север через Тынду к Беркакиту и к городу Нерюнгри? Это Малый БАМ, который заканчивается огромной петлей возле станции Угольная.

Здесь, на этой дороге, создан и уже действует сегодня первый промышленный гигант БАМа — это Нерюнгринский угольный разрез.

Угля очень много: более 40 миллиардов тонн. И залегает он неподалеку от железной дороги, близко к поверхности. Можно добывать открытым способом. Никаких шахт — разве это не экономия?! Черпай и грузи.

Будто дым над полем сражения, клубится над разрезом густое облако угольной пыли. И словно боевые машины, вырываются оттуда огромные оранжевые самосвалы, несущие металлические площадки размером чуть ли не с железнодорожную платформу. 180 тонн способен поднять такой богатырь.

Ни один угольный разрез в стране не может похвастать сейчас такой мощной техникой, как Нерюнгринский.

А вот и черная, тускло поблескивающая стена, почти отвесно уходящая вниз метров на шестьдесят. Неужели это уголь, неужели столько монолитного антрацита? В шахте-то не увидишь такое количество сразу!

Со скрежетом, с напряженным нарастающим воем черпает угольную массу ковш огромного экскаватора. 20 кубических метров за один взмах. 5—6 взмахов — и оранжевый самосвал, словно бы осев под невероятной тяжестью, выезжает из карьера. Одни машины направляются к станции Угольная, к железнодорожным вагонам. Другие, везущие вскрышную породу,— к отвалу, к рукотворной горе, которая превзошла уже размером окружающие сопки. Настоящие-то сопки живые, многоцветные, нарядные, а эта мрачная, серая, пылящая, будто перенесена с какой-то другой планеты. Вот под этими серыми комьями, под этими камнями и скрывался от глаз людских уголек.

Есть такая давняя истина: новое всегда дается с трудом, где больше вершится дел, там больше проблем возникает,

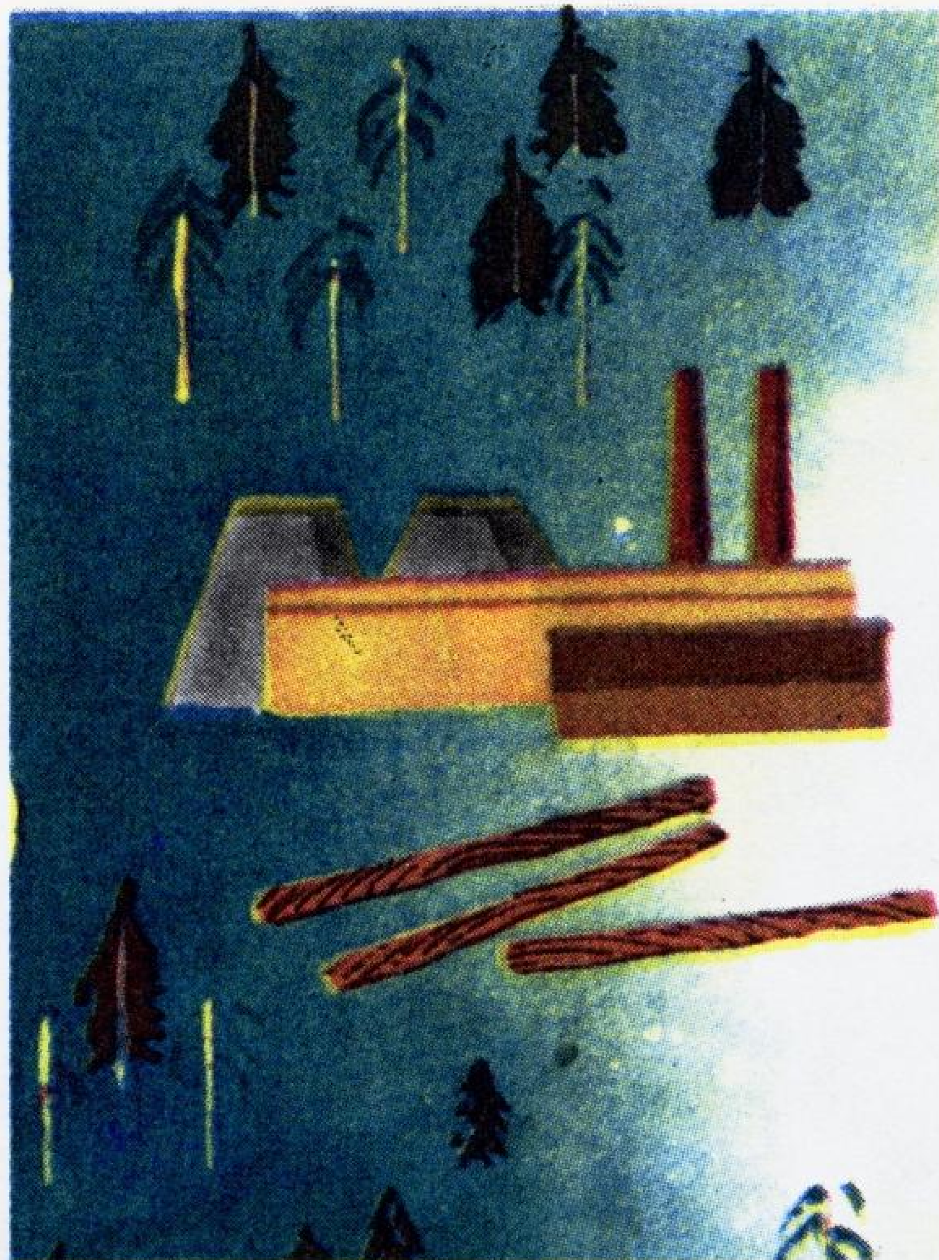
сложностей. Это вполне закономерно. И понятно, что у нерюнгринских угольщиков много трудностей. Ну, хотя бы техника: импортные экскаваторы не приспособлены к тяжелым климатическим условиям, часто выходят из строя, а запасных частей нет. И вагонов не хватает для отгрузки угля. И жилья все еще мало, не могут пока всех обеспечить, а народ ведь едет и едет... Но при всем том угольщики Нерюнгри трудятся упорно, многие досрочно начали одиннадцатую пятилетку.

...Куда же идет по БАМу якутский уголь? В разные районы Сибири, в Амурскую область, в Хабаровский край, в братскую Монголию. Но самое, пожалуй, интересное вот что. Когда работы на угольном разрезе только разворачивались, далеко от него, на берегу пустынной бухты Врангеля, начал строиться новый, самый большой и самый глубоководный в нашей стране Восточный Порт. А в этом порту принялись сооружать гигантский перегрузочный угольный комплекс, равного которому нет во всем мире. Сейчас он уже работает, и здесь-то как раз и заканчивает свой путь по суше уголь из Южной Якутии. Отсюда только одна дорога — океанская, голубая. Она ведет в государства и страны, которые хотят покупать наш уголь...

Итак, главное в Южно-Якутском территориально-производственном комплексе — хороший уголь. Но это далеко не все. Раз «комплекс» — значит, рядом с разрезом поднимутся на суровой якутской земле и другие предприятия.

На вечной мерзлоте

Южная Якутия... Название вроде бы «теплое», со словом «юг», но это все же Якутия — республика, земля которой скована вечной мерзлотой. Каждый школьник знает, что здесь — полюс холода. Температура в поселке Оймякон понижается до −70°. Правда, в Беркаките и Нерюнгри таких холодов не бывает, но климат и там очень суровый. Случается, что до −50° падает зимой ртуть в термометре. Зато много ясных дней и редко бывает ветер. А без ветра и мороз легче переносить.

Южная Якутия — это высокие сопки, покрытые тайгой, болотистые низины, быстрые горные реки.

Любителям природы — раздолье в лесу. И поохотиться можно, и с фоторужьем побродить, и рыбалка отличная. А сколько грибов, ягод! И удивительные контрасты природы. На высоких сопках снег не успевает растаять за лето, белые «шлемы» сияют под солнцем на фоне зеленой тайги, а в долинах можно загорать и купаться.

В одной из таких живописных долин и растет сейчас Нерюнгри — главный город Южно-Якутского комплекса.

Нерюнгри растет быстро. Новостройкам не видно конца. Вот корпуса завода, который выпускает панели для домов, вот автобаза, вот обогатительная фабрика. В стороне от предприятий поднимаются среди сосен и лиственниц жилые кварталы. Здесь и двухэтажные деревянные здания и пятиэтажные панельные корпуса.

Место красивое — долина, окруженная сопками,— и город должен быть красивым. Об этом позаботятся архитекторы и строители. И есть уже удача: прекрасный поселок строителей электростанции — Серебряный Бор...

Сделано много в Нерюнгри, и все же правильно будет сказать, что работа только разворачивается.

Здесь, в Южной Якутии, намечается еще одна грандиозная стройка. Будет создана металлургическая база на востоке страны, которая так нужна хозяйству Сибири и Дальнего Востока. Слишком дорого доставлять сюда металл с запада — с Урала и Кузбасса.

Очень подходит для такого дела земля Южной Якутии. Мы уже говорили, что прекрасный уголь есть в достатке. А поблизости, на расстоянии каких-нибудь десятков километров, обнаружены крупные месторождения железных руд, причем расположены они не за горами, не за широкими реками, а прямо вдоль линии БАМа и на небольшой глубине.

Постаралась, позаботилась природа: уголь можно добывать открытым способом, руду тоже. И какую руду! Чаро-Токинский бассейн не уступает по запасам всей Курской магнитной аномалии.

Выбрано уже место для мощного комбината по добыче меди. В решениях XXVI съезда КПСС записано: завершить проектные работы по Удоканскому медному месторождению. Пройдет немного времени, и западнее Нерюнгри, в суровой, но очень красивой Чарской долине вырастут производственные корпуса и поднимется большой, хорошо спланированный город Удокан.

Планы такие, что дух захватывает. Темпы работ растут на глазах. Казалось бы, совсем недавно пошли эшелоны по Малому БАМу. И сразу хлынул такой поток грузов в Тынду, в Беркакит, в Нерюнгри — стройки-то какие там разворачиваются! — что одной колеи стало уже маловато. Сначала была нехватка вагонов. С этим как будто справились, а поток грузов все растет и растет! Билет на поезд нелегко добыть в тех краях. Придется, видно, думать о прокладке второй колеи, вот как!

...Ученые подсчитали, что к тому времени, когда вся Байкало-Амурская магистраль вступит в строй, население в полосе новой железной дороги достигнет примерно миллиона человек. Солидная цифра для районов, которые только-только начали обживаться! А для развития новых промышленных гигантов на БАМе людей, конечно, потребуется еще больше. Знайте об этом. Каждый, кто захочет, найдет там возможность испытать себя в трудных и славных делах, приложить свои силы, свое умение и мастерство, внести свой вклад в освоение суровых и богатых просторов.

Магомед ГАЗИЕВ

Поезд на БАМ

Брат письмо прислал нам с БАМа:
«Здравствуй, папа,
Здравствуй, мама,
Здравствуй, маленький Ахмед!
Всем рабочий шлю привет!»
Спрашивает, как живем,
Строится ли новый дом?
Как родные, как соседи
И когда сестра приедет?

О себе лишь пару слов,
Как обычно: «Жив, здоров!»
О делах своих немного:
«Строим важную дорогу!»
О друзьях нам рассказал,
Ну, а после приписал:
«Здесь у нас пока что лето,
И покуда нет дождей,
В гости вы ко мне Ахмеда
Присылайте поскорей!

Пусть проедет по стране
На железном на коне,
Пусть он сам увидит БАМ,
А потом расскажет вам!»

Я письму, конечно, рад:
У меня отличный брат!

— Ну так как? — я слышу голос.
Я в ответ:
— Какой вопрос!
И уже билет на поезд
Папа утром мне принес.
У меня мечта одна:
— Я поеду у окна?
— Да!
— А кто поедет рядом?
— Девушки из стройотряда!
— А вагон? Вагон какой?
— Самый мягкий и большой!

Вещи с вечера сложил,
Ничего не позабыл.
В день отъезда я с утра
Убегаю со двора.
Всем соседям «До свиданья»
Трижды я сказать успел.
Наставленья, обещанья,
Указанья, пожеланья —
Ох, как много еще дел!
Мама мне кричит:
— Сынок,
Да управишься ли в срок?
Так ведь можно опоздать!
Поезда не любят ждать!

Тут я вынул из кармана
Крепко спрятанный билет
И ответил:
— Даже странно
Слушать, мама, твой совет!
Как так поезд среди дня
Вдруг уедет без меня?
Он, я знаю, у перрона
Будет ждать меня в огнях,
Если нет меня в вагоне,
А билет в моих руках!

**Перевел с аварского
Феликс БУРТАШОВ.**

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Виктор КРЮЧКОВ

ВЫШЕ ГОЛОВУ, СЫНОК!

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Продолжение. Начало в № 10.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Уроки пасечника

Какая-то странная жизнь пошла в нашем поселке. Взрослые не спешили, как бывало, по утрам на работу. Дети не ходили в школу. Никто не получал и не отправлял писем: почту сожгли. В разоренном магазине гулял ветер.

Не зажигали лишний раз свет. Резали хлеб так, чтобы не упало ни одной крошки. Старики и старухи извлекли с чердаков оставшиеся со времен гражданской войны ручные мельницы-крупорушки. Мы с Миколкой сами попытались соорудить такую мельницу, и, когда поставили наше незамысловатое сооружение перед мамой, она горестно сказала: «Нужда научит. Придется вспомнить, как пекут хлеб».

Мама теперь не работала и постоянно была с нами. Иногда под вечер к ней приходили незнакомые люди. Я спросил: кто это? Мама ответила, что они приходят из сел менять продукты на вещи. В доме действительно появлялась картошка, кусочки розоватого сала, жмых. Но все мамины вещи оставались на месте, и мне это казалось странным.

Однажды мы с мамой несли с огорода кукурузные стебли, чтобы высушить их на чердаке. Возле калитки нас окликнул колченогий сосед Юхим Антонович. Приветливо улыбаясь, он поздоровался:

— Добрый вечер, Мария Прокофьевна! Все в делах, все в заботах!

— Добрый вечер,— сухо отозвалась мама.— Какое у вас до меня дело?

— Германские власти распорядились, чтобы все дети учились новому порядку. Завтра отправляйте вашего хлопца в школу.

— Где же им учиться?— спросила мама.— Школу у детей отняли, книги выкинули.

— В частном домике будет теперь школа, Прокофьевна,— миролюбиво объяснил сосед.— С пасечником Голсенко знакомы? Он назначен господином учителем.

— Батюшки-светы! Да он сам только три зимы учился,— не удержалась мама.

— Дипломов у него, конечно, нету,— согласился Юхим Антонович,— да по нынешним временам они и не потребуются. Господин Голсенко еще в первую мировую войну в германском плену побывал, немецкий язык маленько выучил, теперь наших детей научит.

— Мама, не хочется мне в немецкую школу,— робко сказал я, когда колченогий сосед удалился, сверкая своей розовой лысиной.

— Придется идти,— твердо сказала мама.— С новыми властями шутки плохи.

На следующее утро мы с Миколкой пошли к дому пасечника. Ни ранцев, ни портфелей, конечно, мы не взяли. Мы не знали, какие у нас будут уроки.

Худощавый, с прокуренными усами пасечник ждал нас в большой горнице, раскачиваясь в кресле-качалке. Самым поразительным было то, что он — неслыханное для учителя дело! — курил сигарету, пуская к потолку затейливые колечки дыма. Когда мы расселись по лавкам, а кто и на полу, господин Голсенко, упершись в низенький стол ногами, произнес:

— Германские власти... э-э... распорядились, чтобы я обучил вас... э-э... немецкому языку. Германские власти... э-э... хотят, чтобы вы понимали их команды. Допустим, вы идете... э-э... на базар, а навстречу вам немецкий патруль...

Тут пасечник вскочил со своей качалки, выпятил грудь колесом и рявкнул: «Хальт!» — изо всех сил. Смешливая Катя Примак хихикнула, но пасечник этого не заметил. Он был увлечен своим выступлением.

— У кого документов нет,— продолжал Голсенко, и лицо его приняло зверское выражение,— «шиссен»! Расстрел на месте. Понятно?

Что же тут было не понять?

— «Брот» — «хлеб»,— выкрикивал Голсенко.— «Мильх» — «молоко».

— У нас коровы нет,— вставила Катя, лукаво блестя озорными карими глазами.

— Скоро коров ни у кого не будет,— пообещал пасечник и продолжал свой урок.— «Арбайтен» — «работать», «коммен» — «идти», «шлафен» — «спать». Впрочем, германские власти не любят, когда долго «шлафен».

Прощаясь с нами, господин учитель почесал пятерней затылок и объявил:

— За учение принесете мне по паре яиц да скажете матерям, чтобы яйца были посвежее. Понятно?

Когда мы отошли подальше от дома пасечника, Миколка прошептал мне:

— Больше я в эту школу ни ногой. Лучше пойду на станцию на сцепщика учиться.

— На немцев пойдешь работать?

— На сцепщика учиться. Потом на кочегара, потом на помощника машиниста. После войны я буду водить поезда.

— А ты думаешь, война скоро кончится?

Миколка ответил неопределенно:

— Погонят немцев наши, обязательно погонят.

Стычка

— Надо же беде случиться,— сказала мне мама, когда я вернулся домой,— крыша потекла. Кто теперь крышу починит? Плохо без хозяина.

Я посмотрел на потолок. После ночного ливня на потолке расползлось влажное пятно.

— Давайте я попробую, мама! Я сумею,— попросил я. Мне хотелось, чтобы после ухода отчима на фронт мама хоть чуть-чуть считала меня хозяином в доме.

— Пойдем,— согласилась мама, только добавила: — Горе ты мое луковое.

Вдвоем мы приставили тяжелую лестницу к крыше. Мама взяла молоток, сунула в карман гвозди, и мы полезли наверх. Неожиданно скрипнула калитка, и во двор вошел немецкий солдат.

Это был первый немец, которого я видел вблизи. Белобрысый, глаза навыкате, словно оловянные пуговицы. Насвистывая песенку, он смотрел мимо нас. Постучал кованым сапогом по кадке с дождевой водой, отбросил ногой юлу — любимую игрушку Толика и направился к сараю. Куры беспокойно закудахтали. Немец заулыбался, перестал свистеть, снял щеколду с двери сарая, вошел внутрь, аккуратно закрыл за собой дверь. Из сарайчика донесся до нас истошный петушиный крик. Мама быстро сползла с крыши и подошла к сарайчику. На пороге стоял улыбающийся немец с золотистым петухом в руке. Петушиная голова безжизненно повисла в воздухе.

Мама всплеснула руками:

— Господи, лучшего петуха сгубил!

Солдат, видно было, не понимал маминых слов и только с удивлением посматривал на молоток в ее руке. А мама вдруг распалилась:

— Люди добрые, что же это делается! У сирот последнее отнимают. Пойду пожалуюсь твоему коменданту. Пусть полюбуется, какие у него солдаты ворюги!

Немец неожиданно расхохотался. Голова его запрокинулась, на глазах появились слезы, и взвизгивал он по-поросячьи.

— Совсем спятил,— пробормотала мама. А фашист неожиданно вскинул петуха, как вскидывают пистолет, нацелился на меня и нажал на воображаемый курок: «Паф».

Мама, отбросив молоток, схватила меня за руку и потащила к крыльцу. Фашист снова залился смехом и решительно направился к калитке, которую отшвырнул ударом сапога.

К вечеру мне удалось отпроситься у мамы погулять, и я побежал к сарайчику, где договорился встретиться с ребятами. Ребята перебирали книги, отделяя учебники от художественной литературы. Я рассказал им про стычку мамы с немецким солдатом.

— А у нас поросенка забрали,— грустно сообщил Петрик.

— Мы своего так спрятали,— сказал Миколка,— что никто не найдет. Даже вы. Совершенно секретное убежище!

— Чепуха,— не поверил я.— Захочу — сразу найду.

Мы часто спорили с Миколкой. Каждому хотелось быть первым, особенно в глазах Надийки. Конечно, я уступал Сиротке в силе, но перехитрить меня он не мог.

— Ни за что не найдешь,— стоял на своем Миколка,— в сене мы сделали лаз, а за сеном еще один закуток наподобие пещеры. Кормим поросенка через лаз. Только, чур, это тайна.

— Не хрюкает?— поинтересовалась Оксана.

— Ни-ни. Поумнела его поросячья голова.

— Если он у вас такой умный, после войны отдай его в цирк,— посоветовал я Миколке.— Будешь выступать в цирке клоуном при поросенке.

Но никто не рассмеялся.

— У нас фельдфебель поселился,— сказала печально Оксана.

— Ну, и как он? Лютует?

— Не хочу я про него говорить. Пусть лучше Таня расскажет.

Таня, которую почти невозможно было отличить от ее сестры, начала рассказывать:

— Из дома он нас выгнал в летнюю кухню. Спим на печке, на полу и под столом. А фельдфебель обе наши комнаты занял: в одной спит да журналы разглядывает, в другой его овчарка на диване лежит. На стенах фотографии развесил: он и его собаки — овчарки, бульдоги, гончие. Что только будет?..

— Известно что! — резко сказала Надийка, и мы увидели ее потемневшие серые глаза, до боли сжатые в кулаки пальцы.— Фашисты хотят превратить нас в своих рабов. Тех, кто покрепче, угонят на работу в Германию.

— Откуда ты знаешь? — спросил Петрик.

Надийка прикусила губу, помолчала.

— Вы заметили, что все взрослые девушки сажей лицо мажут? — спросила.— Это чтобы никто на них внимания не обращал. В поселке уже листовки появились. Там написано, чтобы молодежь уходила в леса, потому что в Германии их ждет каторга.

— Вчера на станции двух сцепщиков арестовали,— сообщил Миколка.— Говорят, они сыпали песок в буксы немецких вагонов.

За разговором мы разобрали все книги, сложили их стопками, обвязали бечевкой, чтобы еще легче было унести. Мы не сомневались, что обозленный Гнат обязательно приведет в сарай полицейских и они разгромят нашу библиотеку.

— Где спрячем? — спросил Миколка.

— Вот что я придумала,— сказала Надийка.— Давайте отнесем эти книги и учебники к Ульяне Лукьяновне.

— Ой,— спохватился Миколка,— совсем мы про нее забыли. Я ей завтра ведро угля со станции притащу.

— Кто забыл, а кто и нет,— отрезала Надийка.— Есть у нее и уголь и дрова. Но лишнее ведро зимой не помешает. Мы с Ульяной Лукьяновной договорились, что она с нашим классом будет заниматься дома.

— Значит, у нас опять будет своя школа? — обрадовалась Оксана.

— Да, Ульяна Лукьяновна будет учить нас по нашим учебникам.

— Секретная школа? — обрадовался Миколка, но Катя его оборвала:

— Перестань ты со своими секретами! Ты что, маленький? Не наигрался? А то «секретная новость», «секретное убежище»... Тут дело серьезное!

Молча спрятали мы стопки книг — кто в корзинку, кто в пустое ведро, прикрыв сверху свеклой, и каждый своей дорогой пошли в дом к Ульяне Лукьяновне. Она жила на отшибе, в маленькой мазанке с синими петухами. Приезжие люди всегда останавливались у дома, любовались петухами и удивлялись, как это удается одинокой старушке держать хату в такой опрятности. Где им было знать, что ослепшей учительнице помогали ее ученики: Ульяна Лукьяновна учила почти всех, кто жил в нашем поселке.

В мазанке с синими петухами

По просьбе Ульяны Лукьяновны Надийка и Катя поставили кипятить чайник. Чая не было, и хозяйка дома принесла липовый цвет. В комнате сразу запахло летом.

— Любите такие конфеты? — спросила Ульяна Лукьяновна, вынимая неведомо откуда мешочек с конфетами-подушечками.

— Любим! — закричали мы хором. Мы любили всякие конфеты, а уж кисленькие подушечки — тем более. Теперь-то мы уж давно никаких конфет не ели, и подушечки показались нам необыкновенным лакомством.

Обжигая губы горячим чаем, мы слушали, что рассказывала Ульяна Лукьяновна. А она говорила о дружине храброго князя Игоря, которая, не щадя себя, сражалась с половцами, пришедшими полонить русскую землю. О битве на Чудском озере, где русские воины под водительством Александра Невского разбили немецких псов-рыцарей. И о том, как в час победы Александр Невский сказал: «Кто на Русь с мечом придет, тот от меча и погибнет».

Слушая нашу старую учительницу, мы верили, что никакие враги не страшны нам, если дружно подняться на защиту своей земли и стоять за нее насмерть.

— Дорогие мои дети, поверьте мне, старой учительнице, что и гитлеровских извергов мы одолеем.

Петрик вскочил вдруг и выкрикнул:

— Мы разобьем фашистов, как Александр Невский псов-рыцарей!

А Миколка тоже вскочил и запел простуженным голосом:

Бей врага в лицо и спину,
Нет ружья — возьми дубину,
Пусть навек запомнит гад
Партизанский наш отряд.

Оказалось, он слышал эту частушку на станции.

Расходясь по домам, мы договорились, кто принесет на следующий раз воды, кто наколет дров, кто достанет для Ульяны Лукьяновны капусты и картошки.

В следующий раз мы писали диктант. Мы писали его особенно старательно, потому что уже отвыкли держать в руках ручки. Мы писали на обоях, на старых газетах, на канце-

— А партбилет вы все-таки сдайте в комендатуру!

лярских ведомостях. И Ульяна Лукьяновна возле окна подносила их близко к глазам, делая вид, что разбирает наши каракули.

— Наденька,— попросила учительница,— возьми, пожалуйста, тетрадь Катюши Примак. Как она пишет?

— Буковка к буковке, Ульяна Лукьяновна! — ответила Надийка, и мы все поняли эту маленькую хитрость нашей ослепшей учительницы.

— Говорят, по почерку можно определить, кто кем станет,— продолжала Ульяна Лукьяновна.— Вот и определи, Наденька, по почерку, кем будет наша Катюша.

— Ясно кем — учителкой,— попробовал сострить Миколка, но шутка его не имела успеха.

— Я буду очень рада, если наша Катюша станет хорошей учительницей,— заключила Ульяна Лукьяновна.— Приятно думать, что когда-нибудь мое место в школе займет моя воспитанница Екатерина Сергеевна Примак.

Катя зарделась. После Надийки она была самой разумной ученицей в нашем классе.

Петрик, который с каждым днем становился бойчее, неожиданно сказал Миколке:

— Держись, Сиротка! У Екатерины Сергеевны твои дети по три года в одном классе будут сидеть. И все из-за твоих шуточек.

Все засмеялись. Даже Миколка.

— А теперь ты скажи, Миколка,— спросила Ульяна Лукьяновна,— какой почерк у Нади?

— Торопливый, строчки летят,— поспешил с ответом Миколка.

— Может быть, наша Надя станет ученым или писательницей?

— Ой, не надо, Ульяна Лукьяновна! Я хочу в милиции работать. Хочу с врагами Советской власти бороться.

— А вот кем станет Володя Зернов? — поинтересовался Петрик. — Почерк у него неровный, будто курица ногтями царапает.

Я встал и честно сказал, пусть все знают:

— Я стану моряком. Везде побываю.

— Тогда понятно, почему почерк неровный. На корабле во время шторма качка, — пошутила Катя, и все снова засмеялись.

Нам было так хорошо вместе.

В гостях у Ульяны Лукьяновны мы забывали о том, что идет война, что улицы поселка пестрят приказами германских властей.

— Хорошо, что у каждого из вас уже есть мечта, — сказала Ульяна Лукьяновна. — Мечта — это компас, который ведет человека к цели. За мечту надо уметь бороться.

Уже садилось солнце, когда мы с Миколкой возвращались домой. Чтобы сократить дорогу, мы пошли через сквер. Под ногами шуршали яркие кленовые листья. В прошлом году мы собирали их для гербариев, а в этом году листья никто не собирал, и они валялись в грязи.

Маме грозит опасность

Утром к нам нежданно пожаловал Юхим Антонович. Приглаживая и без того лоснящиеся от лампадного масла редкие волосы, он без стука вошел в комнату, поискал глазами по углам икону и, не найдя ее, перекрестился на окно. Степенно, по-хозяйски сел на лавку, снова погладил волосы. Мама сунула Толику тряпичную куклу и вытолкала его за занавеску, скрыла от глаз гостя.

— Как поживаете, Мария Прокофьевна? — важно спросил гость.

— Как все, Юхим Антонович, хорошего мало, — коротко ответила мама.

— Есть, конечно, от войны некоторые неудобства, — согласился Юхим Антонович, — но есть и поучительное. Хорошая жизнь скоро начнется, вот только немцы Москву возьмут.

— Кто же ее им отдаст?

— Отдадут, как пить дать, отдадут. Немец — солдат серьезный. Дозволят всем торговлю открыть или мастерскую: немец — человек хозяйственный, поощряет частный капитал.

— Мой капитал — двое сыновей.

Юхим помолчал, потом словно невзначай спросил:

— Что про супруга вашего, Григория Ильича, слышно?

— Вы же знаете, как ушел на фронт, ни письма, ни весточки, — встрепенулась мама.

— Сдался бы в плен да к вам под бочок. Зачем сопротивляться Гитлеру, если немцы пол-России захватили?

— Вторая-то половина осталась. Не по зубам, пожалуй, будет Гитлеру весь орешек?

— Сила за Гитлером, — решительно заявил Юхим. — Вся Европа на него работает.

— А вы-то, Юхим Антонович, почему за Гитлера хлопочете? — полюбопытствовала мама. — Вы что, в защитники к новой власти нанялись?

— А я и есть новая власть. Десятником назначен. Десять дворов в моем подчинении, а надо мной — управа...

— И там правит Кузя-парикмахер? Ну и власть подобралась! Молодец к молодцу, один на ногу слаб, другой на голову.

— Вы мою больную ногу не трогайте, гражданка.

— Это я к слову.

— Никаких слов! Как представитель германской власти объявляю, что подлежит вам зарегистрироваться в комендатуре, записать там, что до войны вы состояли в партии. И партийный билет свой сдайте! Может, новые власти войдут в ваше положение...

— Партийного билета при мне нету. Можете весь дом обыскать — не найдете.

Мама говорила неправду. Партийный билет она спрятала, я видел сам. Но не могла же она сказать правду этому противному соседу!

— Сдайте! Потом благодарить меня будете за добрый совет.

— Никуда я не пойду, — спокойно ответила мама. — Живу я с детьми тихо-мирно. Кормлюсь с огорода да тем, что за стирку беру. Никуда из дома не выхожу.

— Может, к вам кто ходит?

— Ходят. Белье приносят.

Мама опять говорила неправду. Люди, которые приходили с бельем, уносили его обратно. Какое дело до этого нашему хромому соседу?!

— Спасибо за посещение, Юхим Антонович! — постаралась закончить разговор мама. — В большой обиде вы на Советскую власть: понятно, она вас за спекуляцию сажала. А мне от Советской власти только добро шло: на работе меня уважали, дети мои в детский сад, в школу ходили...

Юхим Антонович сердито покашлял и заковылял к калитке, загребая хромой ногой опавшие листья. Я взглянул на маму, лицо ее потемнело, отчего еще ярче выделились васильковые глаза. Мама спросила меня:

— Ты все понял, сынок?

— Конечно, не маленький, — сказал я. — И понял, почему вы его обманули.

— С волками жить — по-волчьи выть, — объяснила мама. — А с тобой, сынок, у меня серьезный разговор будет. Ты уже не маленький.

Как я был благодарен маме за эти слова! Я и вправду был уже почти взрослый, и мне так хотелось, чтобы мама мне доверилась.

— Сосед, сам того не подозревая, — медленно проговорила мама, — предупредил меня, что нам грозит опасность. Возможно, мне придется исчезнуть.

— К партизанам! — обрадовался я.— Можно я с вами?

Но мама остановила меня взглядом.

— Никто не должен знать, где я буду. Даже ты. Когда смогу, подам весточку о себе. Ты, сынок, останешься с Толиком за старшего. Ты все понял? — Мама внимательно посмотрела на меня.— А теперь надо как-то предупредить об опасности Тихона Гордеевича.

— Так я пулей слетаю.

— Тебе нельзя. За нами, может, уже следят. Ты постарайся встретиться с кем-нибудь из ребят на улице, попроси сказать Тихону Гордеевичу: «У Прокофьевны крыша прохудилась».

— Опять? — удивился я.— Мы же только починили ее.

— Экий ты несообразительный, Володя,— рассердилась мама.— Я хочу предупредить Тихона Гордеевича, чтобы сюда никто не приходил.

— Хорошо, мама.

— Кто из твоих друзей сходит к Тихону Гордеевичу?

— Миколка сможет, он смелый.

— Не проболтается потом?

— Может проболтаться...

— Тогда не годится.

— Я попрошу Надийку. Это кремень, а не девчонка.

— Я знаю, но у нее другое задание.

— Какое? — удивился я, но мама прервала меня: — Нужен кто-нибудь поменьше росточком, понезаметнее.

— Есть такой,— обрадовался я.— Петрик. Между прочим, очень смелый, хотя раньше мы его девчонкой дразнили.

— Что ж,— одобрила мама.— Пусть идет и скажет: «У Прокофьевны крыша прохудилась». Запомнил?

Невелик наш поселок – на каждом перекрестке, бывало, знакомых встретишь. Теперь-то все жители хоронились по домам, и я встретил только колонну наших пленных. Под конвоем автоматчиков их гнали на работу. Пленные шли, опустив головы, грязные, заросшие. Один крикнул мне:

— Эй, мальчик! Когда вернутся наши, напиши в город Медынь, улица Урицкого, 7, мол, Красулин Сергей в плену. Напиши: пока держится. Очень прошу тебя.

— Шнель-шнель,— приказал двигаться быстрее конвоир, а мне пригрозил автоматом: проваливай, мол, отсюда.

Ничего странного в просьбе солдата не было: не раз слышал я крики о помощи из колонн пленных. Обрадовало меня то, что истерзанный пленный верит в скорый приход наших войск и не падает духом, держится.

На всех заборах в нашем поселке фашисты поразвесили приказы и объявления, и все они заканчивались одинаково — «карается смертью».

Помог пленному, укрыл еврейскую семью, прочел советскую листовку — за все это полагалась смерть. Так, горестно размышляя, брел я по поселку и мечтал встретить Петрика. Вздрогнул от неожиданности, когда услышал насмешливый окрик Гната:

— Привет шелудивой команде!

Гнат стоял на другой стороне улицы в полушубке нараспашку и подбрасывал в руке увесистый камень. Видно, для меня заготовил, на всякий случай, если полезу драться. Но я не мог ввязываться в драку. Я спешил по важному делу к Петрику.

— Как поживает ваша пионерская библиотека? — съехидничал Гнат.— Нельзя ли книжечку взять для прочтения?

Слово «пионерская» прозвучало у Гната подчеркнуто выспренне. Он явно хотел вызвать меня на драку, чтобы отомстить за тот давний случай, когда Миколка поставил ему синяк под глазом. Хотя Гнат был выше меня на голову и сильнее, в другой раз я бы не выдержал, сцепился с ним: неделю назад наш сарайчик на пустыре неожиданно сгорел.

Теперь я не сомневался, что это дело рук Гната, который не знал, что книги мы перетащили к Ульяне Лукьяновне.

— Иуда Христа предал за тридцать сребреников,— не удержался все-таки я.— А сколько тебе дали за твой пионерский галстук?

— Но-но, полегче,— озлобился вдруг Гнат.— Батько мне сказал: «Предупреди своих пионеров: если эти безбожники тебя тронут, то я их в момент в комендатуру отправлю».

— Передай своему батьке, что мы его не боимся.

— Кто это «мы»?

— Пионеры.

И я пошел прочь, петляя по поселку, чтобы не привести за собой Гната к Петрику.

Петрик сгребал в саду жухлую листву и очень обрадовался мне. Не вдаваясь в подробности, я объяснил Петрику мамину просьбу.

— Ты не волнуйся,— сказал Петрик.— Ни одна душа ни о чем не узнает. Я попрошу у Тихона Гордеевича гвоздей забор поправить. А как выманю его из хаты, так и передам: «У Прокофьевны, мол, крыша прохудилась».

— Беги, Петрик,— поторопил я,— я подожду тебя на пустыре. Нельзя терять ни минуты.

Петрик, нахлобучив на глаза шапку, побежал по улице, а я огородами вышел к пустырю. Там была свалка, нам запрещали туда ходить. Но всех поселковых мальчишек неудержимо тянуло туда, потому что там мы находили всякие занятные вещи. Однажды я нашел на этой свалке толстую лупу в деревянной оправе. Лупа увеличивала муравьев до гигантских размеров, но пуще всего нравилось мне с ее помощью ловить солнечный луч и выжигать им на дереве слово. Однажды на бледно-зеленой коре тополя я выжег «Надя». Надийка, увидев мое художество, очень рассердилась и строго сказала Миколке:

— Тот, кто это сделал, глупый и жестокий человек. Он не почувствовал, что дереву тоже бывает больно.

У меня не хватило духу признаться, что это сделал я — она отвернулась бы от меня навсегда.

Петрик обернулся довольно быстро, но был чем-то очень встревожен.

— Видел Тихона Гордеевича? — спросил я.

Петрик кивнул. Говорить он не мог, запыхался от быстрого бега. Отдышавшись, он сообщил, что у Тихона Гордеевича он встретил Надийку.

— И что? — почти вскрикнул я, сразу вспомнив мамины слова.

— Заметив меня,— ответил Петрик,— она сразу спряталась за занавеской. Но я видел ее, видел! Почему она от меня спряталась?

Я промолчал. Не мог же я сказать Петрику, что у Надийки свое важное задание. Какое? И почему Надийка таится от нас, ее верных друзей? Эти вопросы теперь и вовсе не давали мне покоя. Но Петрика я успокоил, как мог.

— Тихон Гордеевич ничего тебе не сказал? — спросил я.

— Сказал. Он просил передать маме, чтобы она переезжала на другую квартиру.

— Спасибо, Петрик! — стал я прощаться.— Пока нас никто не видел, я побегу. Завтра в это же время, на этом месте, идет?

— Идет,— согласился Петрик.

Мама, казалось, была занята своим обычным делом, что-то шила, но, увидев меня, она застыла с иголкой в зубах.

— Тихон Гордеевич просил передать, чтобы вы переезжали на другую квартиру,— сообщил я то, что сказал мне Петрик.

Мама молча выслушала, а потом, отложив шитье, тихо-тихо сказала мне:

— Володя, ты уже взрослый. Ты понимаешь, что мы, коммунисты, сами себе сейчас не принадлежим. У нас сейчас одна цель — разбить Гитлера, и этой цели мы должны подчинить все. Мне грозит опасность. Я обязана срочно уйти из поселка. За тобой и Толиком будет присматривать тетя Паня, ты ее знаешь. Это двоюродная сестра Григория Ильича.

Конечно, я знал родственницу отчима. И не больно обрадовался тете Пане. Женщина она была сварливая, но возразить маме я не мог. Мама торопливо складывала в холщовый узелок белье, теплую одежду, я понял, что она уходит надолго. Со слезами на глазах мама поцеловала моего маленького брата, обняла и прижала к себе меня.

— Володя, обещай, что будешь хорошим. Добрым к людям,— сказала мне на прощание мама.— Обещай, что будешь учиться у хороших людей.

— Да, мама,— ответил я, глотая слезы.

Мама поцеловала меня в лоб, улыбнулась и, легко подхватив узелок, уже весело сказала:

— Выше голову, сынок!

Я видел в окно, как ее руки медленно затворяют калитку, как пристально смотрит она на дом, словно хочет унести его в памяти. И мне захотелось закричать, вернуть ее. Какая же может быть жизнь без мамы?

Беда за бедой

Тетя Паня появилась утром, когда патрули перестали проверять документы, и сразу принялась шуметь. Толика она угостила яблоком, а меня забросала вопросами и приказами:

— Не боязно было ночевать без мамки? Принеси воды! Где у вас соль? Не скажу худого слова про Марию,— не переставала говорить тетя Паня, успевая при этом мыть посуду, вытирать миски полотенцем, варить кашу.— Работящая, веселая жинка досталась Григорию Ильичу! Не могу понять только: у нее на руках двое детей, а она с партизанами дружбу водит. Неужели без нее некому воевать в нашей державе?

— Ее могли схватить за то, что она партийная,— попытался я защитить маму.

— Подумаешь, немцы. И немцы должны разумение иметь, что двое детей без матери не вырастут. Допросили бы ее и отпустили домой.

— Вам, тетя Паня, видимо, только добрые немцы попадались.

— Мне еще никакие не попадались. Живем на отшибе...

— То-то и оно! А к нам недавно заглядывал один, чересчур веселый. Свернул, смеясь, голову племенному петуху и пошел себе. Мама крик подняла, а он пригрозил ей: мол, ничего ему не стоит пристрелить нас с мамой.

— Ужасти какие! А Толик где был?

— В доме.

— Слава тебе, господи! Иначе этот ирод напугал бы ребенка. Заикой можно сделаться от таких ужасов.

— И вы хотели бы, чтобы все сложа руки сидели и терпели?

Тетя Паня вдруг притихла и примирительным тоном сказала:

— Я так думала: не трогай немцев, и они нас не тронут. Ладно, спор нас, пожалуй, до ссоры доведет, а нам ссориться нечего — родные мы.

Тетя Паня начала купать Толика, а я выскользнул на улицу. Она была пустынной, только ветер взвихривал опавшие листья.

— Володя! — шепотом позвали меня. Я оглянулся. За срубом колодца сидел Миколка. От ветра его щеки раскраснелись, а руки он засунул глубоко в карманы.

— Что нового в поселке? — спросил я.

— Фашисты взбесились. Из кожи вон лезут от злости. И все из-за меня.

— Что из-за тебя? — строго спросил я, думая, что Миколка просто паясничает.— Дело говори.

— Я и говорю,— обиделся Миколка и достал из кармана острое шило.— Видел?

— Видел, и что?

— Вчера вечером вот этим шилом я у двух машин скаты проткнул. Хотел у третьей продырявить, но не успел: из-за угла патруль показался. Здорово? А еще кто-то на железной дороге стрелки не туда перевел, и ночью два немецких эшелона столкнулись. У немцев

По улицам поселка вели старую учительницу.

такой шум поднялся, ищут, кто это подстроил...

Миколка чувствовал себя именинником, ждал, что я начну его выспрашивать, откуда он узнал эту новость, расхваливать, что он подкрался к немецким грузовикам да ускользнул от патруля, но меня в его рассказе заинтересовало совсем другое: гитлеровцы начали облавы в поселке. Многим нашим знакомым грозит опасность.

— Считай, Миколка, что ты у нас герой,— примирительно сказал я, хотя и возмутился Миколкиным хвастовством.— В поселке идет облава, надо предупредить своих. Может, кто-то хранит листовки или бежавших из плена прячет? Понял?

— Понял с полуслова. К кому мне бежать? К Надийке?

— Я сам к ней сбегаю. Давай гони к Тихону Гордеевичу, потом к Петрику. Встретимся на пустыре.

Как ни торопился я к Надийке предупредить об опасности, все-таки опоздал.

Двери ее дома были распахнуты настежь. Стулья перевернуты, подушки вспороты, бумаги разбросаны. Плачущие соседки сбивчиво рассказали, что час назад Надийку и ее бабушку, старую большевичку, увели полицейские, которыми командовал фашистский офицер в черной шинели и высокой фуражке.

— Эсэсовец,— догадался я.

В тревоге я помчался домой. У нас дома шел

обыск. Тетка Паня с расширенными от ужаса глазами сидела с Толиком на сундуке, двое полицейских лениво перетряхивали постель. Командовал ими наш старый знакомый Кузя Горбылюк. Увидев меня, он ядовито заметил:

— Улетела, значит, птичка. А мы хотели ей песенку спеть: «Ай, попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети». Ты, конечно, ничего не знаешь, и спрашивать тебя бесполезно. Но я тебе обещаю, мы твою мать из-под земли достанем и вздернем на виселице. Это говорю тебе я, господин Курт Горбылюк. Повтори, скотина!..

— Господин Курт Горбылюк...

Ничего не найдя подозрительного, полицейские вместе с Кузей ушли. До перекрестка их провожал Юхим Антонович. Он кланялся, за что-то извинялся. Кузя погрозил ему тросточкой.

Тетка баюкала Толика, что-то мычала ему наподобие колыбельной, словно за время обыска у нее отнялся язык. Потом она неожиданно встала и крикнула:

— Как же земля таких иродов носит? Почему не загорится у них под ногами?! Будьте вы трижды прокляты!

— Зачем же так, тетя? Кузя у нас в поселке добрым считался, мороженым нас угощал, стриг бесплатно.

— Выродок он проклятый, за людьми охотится!

Не найдя меня на пустыре, Миколка пришел ко мне домой. От его лихачества не осталось и следа. Вести, которые он принес, были страшными. Ульяну Лукьяновну прикладами гнали через весь поселок. Очки прямо на лице разбили, осколки врезались в кожу, и лицо было окровавлено. Когда ее вели, то прохожие цепенели от ужаса, а Ульяна Лукьяновна улыбалась. Люди кланялись ей молча, а она им отвечала с улыбкой: «Будьте здоровы, не поминайте лихом старую учительницу». Полицейских это бесило, и они старались быстрее увести арестованную.

— Куда? — крикнул я, словно мог сейчас же броситься вслед за ней и спасти.

— В конюшню,— ответил Миколка, тяжело дыша: он побывал уже в разных концах поселка.— Гитлеровцы там что-то вроде концлагеря устроили, всех арестованных туда сгоняют.

— А Тихон Гордеевич?

— Скрылся. В доме у него все вверх дном перевернули. Надийку с бабушкой...

— Не надо,— остановил я Миколку,— я все знаю.

Мы помолчали.

— Слушай, Миколка,— предложил я,— пойдем к конюшне, может, что разузнаем?

— Бесполезно. Я уже там побывал. Конюшню охраняют немцы. Стоят автоматчики и даже близко никого не подпускают.

Утром, стуча по калиткам палкой, по улице прошел хромоногий Юхим Антонович. Возле каждого дома он выкрикивал:

— Германские власти приказывают в три часа дня всем жителям собраться на площади. Состоится казнь врагов германской империи, всем в три часа быть на площади.

Я задернул окно занавеской, чтобы не видеть розовую лысину соседа, который донес на маму, но его голос долго еще раздавался у соседних домов.

Притихшая тетка Паня упала вдруг на колени и принялась торопливо молиться. Из ее горячего и торопливого бормотания я уловил только одно: «Господи, не допусти!»

— Тетя Паня, я смотреть казнь не пойду. И вы не ходите. Немцы специально казнь устраивают, чтобы напугать народ.

— Господи, не допусти! — причитала тетя Паня.— Куда мы денемся? Плетками нас погонят...

— Не погонят! — твердо заявил я.— Закроем дом на замок, а сами в погреб спрячемся.

Мы с Миколкой, который снова появился у нас, быстро натаскали в погреб соломы. Тетка Паня укутала Толика в ватное одеяло, повесила на дверь замок и присоединилась к нам. Сквозь щель мы сумели так замотать проволокой щеколду на двери погреба, как будто щеколда была закрыта не изнутри, а снаружи. Чей-то зычный голос громко прокричал: «Всем на площадь! Всем на площадь!» Кто-то даже рванул на себя дверцу погреба, но потом затихли шаги и возгласы, а с площади доносился только нестройный гул. Кого будут казнить? Этот вопрос мучил меня. Вдруг там мама? Пообещал же Кузя ее повесить. Нет, мама ушла задолго до облавы. Она в партизанском отряде.

Со стороны площади тем временем зазвучала речь. Нам было хорошо слышно, потому что говорили в рупор. Резкий, лающий голос на ломаном русском языке зачитывал приказ германского командования:

— За помощь партизанам... за диверсию на железной дороге... за укрывательство бежавших пленных, за... приговорены... Винниченко Иван...

— Сцепщик со станции, я хорошо его знаю,— прошептал Миколка.

— ...Корецкая Люба.

— Тоже со станции — стрелочница. Ей восемнадцать лет исполнилось.

— ...Ярош Ульяна...

— Неужели Ульяна Лукьяновна? Ее-то за что?

— Шевчук Надежда,— глухо донеслось с площади.

Мы с Миколкой переглянулись, фамилию Шевчук носила Надийка. Другой Надежды Шевчук в нашем поселке не было.

Далекая толпа на площади загудела, застонала, выплеснула отдельные крики.

— За что? Душегубы! Зверюги!

— Молчать! — приказал лающий голос в рупор. Раздался пистолетный выстрел.

Люди опять громко закричали, и чувствовалось, что они побежали в разные сторо-

ны — был слышен топот бегущих ног, треск плетей, хлопанье калиток.

На площади громко хохотали немцы и полицейские. Кто-то хохотал прямо в рупор. Я знал, что люди смеются от радости, но разве можно смеяться над чужим горем?

Я был потрясен. К великой радости тетки, я перестал отлучаться из дома. Миколка почти не приходил ко мне, он работал на станции учеником, Петрика никуда не выпускали родители.

Нежданная гостья

Однажды у нашей калитки остановилась укутанная в шаль девушка в резиновых сапогах, заляпанных грязью. Видно, она пришла издалека и очень устала. Я подумал, что это какая-нибудь беженка, хлеба и картошки попросит. Но где их взять, у нас у самих продукты подходили к концу. Все же я вышел на крыльцо и молча уставился на беженку.

Девушка неожиданно спросила:

— Володя Зернов — это ты?

— Я.

— Привет тебе от Седого.

— Не знаю я никакого Седого.

— Вот те раз! Он сказал, что красный галстук тебе повязывал! — едва шевеля губами, прошептала девушка.

— Тихон Гордеевич! — обрадовался я. — Он жив?

— Тихона Гордеевича я не знаю, — сурово отрезала девушка, — я знаю Седого, и он приказал передать тебе, чтобы через день ты пришел в будку путевого обходчика. Знаешь, что западнее поселка?

Не дождавшись ответа, она повернулась и пошла прочь. И я даже не успел спросить ее про маму. Сначала я не мог простить себе, что замешкался с вопросом, но потом подумал, что девушка все равно мне этого бы не сказала. Надо терпеливо ждать встречи с Тихоном Гордеевичем. У меня вдруг сделалось хорошее настроение: Тихон Гордеевич жив. Не удалось схватить гитлеровцам старого чапаевца. Значит, мама жива! И я стал петь вполголоса старую песню, которую так любили все мальчишки нашего поселка:

Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с врагами на бой.
Вперед вы, товарищи,
не смейте отступать,
Чапаевцы смело привыкли умирать!

Я спел эту песню тетке Пане и Толику, и тетка, не видевшая, как я разговаривал с приходившей девушкой, не могла понять, откуда взялась у меня эта веселость.

— Песельник ты неважный, — сказала тетка Паня, — а песня хорошая.

Сказав тетке, что я иду навестить Петрика, который якобы заболел, я огородами пошел к железнодорожной насыпи. Патрулей я не боялся. Они дежурили только у станции. В будке путевого обходчика я застал беззубую старуху, которая из козьей шерсти вязала варежки.

— Щедой, говоришь? — переспросила, шепелявя, старуха. — Не знаю.

Она продолжала вязать, а я начал нервничать, нахлобучил ушанку и хотел было уйти, но старуха неожиданно сказала:

— Ты рано пришел. Штупай, шоколик, к тому лешку, там, где шено в копнах, штупай, штупай потихоньку.

Узкая тропинка вдоль жнивья вывела меня к поляне с тремя копнами сена. Я огляделся по сторонам. Тихо, безлюдно. Лес без листьев выглядел тоскливо и неуютно. Я сел спиной к копне сена, которое пахло теплыми ливнями, земляникой, и, наверное, задремал, потому что не заметил, как передо мной выросли Тихон Гордеевич и какой-то незнакомый старик в брезентовом балахоне.

— Тихон Гордеевич! — Я изо всех сил прижался к его телогрейке. Она пахла дымом, табаком, лесом.

Мы зашли в лес и сели на поваленное дерево. Тихон Гордеевич стянул с головы ушанку и опустил голову. Она была совсем белой. И еще я заметил, что из-под телогрейки выглядывал бинт.

— Меня расстреливали, Володя, — сказал он очень тихо. — Вместе с твоей мамой.

— С мамой?

— Будь мужчиной, Володя, — сказал Тихон Гордеевич, положив руку мне на плечо. — Я позвал тебя, потому что очень в тебя верю. Твою маму и меня схватили, когда мы были уже около леса. Нас выдал Кузя-парикмахер. Убежать не было никакой возможности. Немцы и полицейские шли спереди и сзади, а предатель Кузьма насмехался над нами: «За ваши заслуги вас полагается повесить, да жаль, виселица занята. Значит, от германских властей вам особая милость — расстрел». Мама твоя всех подбадривала, говорила: «Выше голову, товарищи! За нас отомстят!» Нас поставили на дно карьера, а немцы, и с ними Кузя, встали сверху, над обрывом. Торопились, потому что уже темнеть начало. При первых же выстрелах я упал ничком на каменистую землю. Другие на меня попадали. Тех, кто стонал, немцы пристреливали из пистолетов. Вот и меня в плечо задело. Кто-то смертью своей меня спас, заслонил, и я даже не знаю, кому я обязан жизнью. Не уберег я твою маму, Володя...

Спутник Тихона Гордеевича встал и осторожно, чтобы не шуметь, пошел к опушке. То ли он хотел посмотреть, нет ли чего подозрительного на тропинке, а может, решил оставить нас вдвоем в трудные минуты мужского разговора. Я молчал. В горле что-то застряло, мешало дышать, я откашливался, но все напрасно.

— Тихон Гордеевич, — спросил я, глотая слезы, — а может, мама тоже жива осталась? Может, ее только ранило, как вас?

— Нет, мой дорогой, когда немцы уехали, я из-под трупов выкарабкался и нашел твою маму. Пуля попала ей прямо в сердце.

В лесу дробно стучал дятел. Спутник Тихона Гордеевича вернулся, достал кисет с махоркой и скрутил цигарку.

— Как думаешь жить, Володя? — спросил Тихон Гордеевич.

Я не торопился с ответом, хотя мне было ясно, что я должен делать. Я должен отомстить за маму.

— Возьмите меня в партизаны, Тихон Гордеевич!

— Нельзя, сынок,— мягко сказал Тихон Гордеевич.— Не обижайся, партизанить — это не для маленьких.

— А Надийка? Разве Надийка была больше меня? Я видел, немцы ей табличку «партизан» нацепили на шею.

— Славная была девчурка,— горестно сказал Тихон Гордеевич,— хорошей связной была.

Тихон Гордеевич обнял меня, поцеловал и пообещал:

— Володя, когда понадобится твоя помощь, я обязательно позову тебя.

Как во сне я шел по извилистой тропке назад домой. Может ли так быть, что мамы нет? Как объяснить это Толику? Каждый вечер он хнычет и требует маму. Но пуще всего я боялся сообщить это тете Пане.

Выслушав мой рассказ, тетка Паня заголосила:

— Ой, вы мои сиротинушки горемычные! И на кого же вас покинула матушка родимая? И кто же вас приголубит и приласкает? Кто же вас уму-разуму научит?

Толик, услышав жалобные причитания тетки, тоже расплакался. Я не выдержал и сказал:

— Тетя, зачем вы так голосите? Маму уже не вернуть.

— Бесчувственный ты,— обиделась тетка.— Так положено по обычаю. Горе криком выйдет, слезами изольется — человеку легче становится.

Через несколько дней в дом пришли родственники отчима и мамина двоюродная сестра тетка Федосья, жившая в селе недалеко от нашего поселка. Они решали, как поступить со мной и Толиком.

— Володя большой, он сам себе пропитание заработает,— рассуждала тетка Паня.— Двоих мне одной не вытянуть, а младшего я забрала бы к себе.

— Все ясно, дорогие родственнички,— заключила тетка Федосья.— Сговорено. Вы Толика берете, свою кровь, а мне, значит, Володя достается, наша кровь, зерновская.

Мне не хотелось расставаться с братом, но идти против всех я не мог. Взрослые разделили наши вещи.

Укладывая мои вещи в мешок, тетка Федосья сказала:

— Не расстраивайся, парень. У меня таких звоночков, как Толик, двое. Скучать не дадут. А там, где две ложки в котел опустятся, и для третьей место найдется. Собирайся, сельским жителем станешь.

Прежде чем тетка успела завязать мой заплечный мешок, я слетал на чердак за жестянкой, в которой прятал красный галстук. Галстук, мамин подарок, я аккуратно спрятал в книгу, сунул ее подальше в мешок. Теперь я был готов.

По обычаю мы присели на дальнюю дорожку, перецеловались друг с другом, я закинул мешок за спину, и мы вышли на улицу. Я оглянулся и в последний раз помахал Толику рукой. Толик стоял на подоконнике, весело тряс тоненькой ручонкой. Он еще мало что понимал.

Тетка Паня догнала меня у калитки и сунула в карман два черных сухаря.

— Не взыщи, больше нет,— прошептала она.— Тетку Федосью слушайся, как мать родную. Когда закончатся бои, приходи навестить Толика. За него не волнуйся, мы его на ноги подымем.

Мы шли огородами, чтобы не встречаться с патрулями. Приморaживало. С неба жесткой крупой сыпался снег. Мы с теткой отворачивались, прикрывали лица руками, иногда шли спиной к ветру — ничего не помогало. Колючий снег и ветер обжигали лица. На краю поселка мы встретили двух полицейских. Они замерзли до посинения. Один хотел было проверить нашу поклажу, другой, грея руки в рукавах, спросил:

— Самогон есть?

Услышав отрицательный ответ, сн грозно заорал:

— Проваливай! На все четыре стороны!

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Есть музей в Соколовке!

«Если друг оказался в беде, ему помогут везде» — так называлась операция, объявленная «Боевым листком» в четвертом номере журнала за 1980 год. И вот недавно в редакцию от тимуровцев штаба «Гайдариана» пришло письмо:

«Наш музей снова открыт. Как мы ждали его! Теперь почти каждый день в нашем музее бывают экскурсии для ребят Северо-Казахстанской области.

Огромное наше спасибо Всесоюзному штабу Тимура, всем тимуровским отрядам и командам, которые помогли нам в беде, помогли восстановить наш музей!

Штаб «Гайдариана»,
с. Соколовка, Северо-Казахстанская область,
Казахская ССР».

Доброе слово

«Боевой листок» начинает новую рубрику. В ней будут печататься отзывы взрослых людей о тимуровской работе. Открываем рубрику письмом персонального пенсионера Н. Гаврилова из города Петрозаводска:

«Хочу через журнал поблагодарить тимуровцев из седьмого класса «Б» 18-й петрозаводской средней школы.

Я — персональный пенсионер, заслуженный лесовод РСФСР. Нам с женой — за семьдесят. Без помощи тимуровцев трудно справляться с домашними делами. А ребятишки и в магазин сходят и полы вымоют, на зиму всегда утепляют, заклеивают окна. Большое спасибо тимуровцам!»

ИНТЕРВЬЮ «БОЕВОГО ЛИСТКА»

Операция «ПОЧТА»

Как обидно бывает, когда тридцать первого декабря вечером открываешь почтовый ящик, а там пусто. Все тебя забыли, никто не поздравил. Проходит три дня, и ты вынимаешь из ящика веселые новогодние открытки, читаешь теплые дружеские слова, вздыхаешь облегченно: все-таки помнят. Но кто виноват в том, что поздравления опоздали? Почта? Значит, там нужна помощь.

Ученики школы № 30 города Вильнюса организовали помощь почтамту в праздничные дни. Идею эту подал Валерий Михайлович Матюхов, учитель русского языка и литературы. Это было еще в 1977 году. С тех пор ребята регулярно сортируют почту на железнодорожном почтамте.

Семиклассник Дима Ранцев, председатель совета отряда, говорит:

— Дело это несложное, но требует большого внимания и аккуратности. И еще — без прочных знаний географии на почте работать трудно. Некоторым нашим ребятам пришлось основательно заняться географией. Но даже лучшие географы школы иногда попадают в затруднительное положение.

— Бывают письма с «таинственными» адресами,— вступает в разговор Тая Сороко.— Указан район, название поселка и улицы, номер дома есть и фамилия адресата, а названия области нет. Вот и приходится заниматься «расследованием».

— Случается, что в груде корреспонденции находишь вдруг письмо, адресованное тебе самому,— улыбается Саша Лапида.— Да мало ли интересного происходит на почте!.. В прошлом году, в новогодний вечер, мы так увлеклись работой, что еле-еле успели прибежать домой, чтобы встретить праздник. Зато почту разобрать успели всю, и нам было радостно оттого, что завтра утром наши адресаты получат поздравления.

ОТ «БОЕВОГО ЛИСТКА»: Ребята из города Вильнюса поделились с тобой и твоими товарищами своим опытом. Нам кажется, он интересен. Хотелось бы узнать: проводит ли ваш отряд, команда, штаб такую операцию? Ждем писем!

После беседы делегаты слета сфотографировались вместе с заместителем министра сельского хозяйства СССР А. А. Поморцевым и начальником отдела пропаганды сельскохозяйственной науки П. И. Звегинцевым.

«ДУШОЙ И СЕРДЦЕМ ВНИКАЙТЕ

Встреча делегатов VIII Всесоюзного пионерского слета с заместителем министра сельского хозяйства СССР Анатолием Александровичем ПОМОРЦЕВЫМ

На встречу с заместителем министра и членами коллегии министерства приехали те, кто в свои пионерские годы уже немало потрудился на полях и фермах страны. Приехали ребята из лучших ученических производственных бригад, участники и победители всесоюзных трудовых операций «Зернышко» и «Пионерская ферма», члены юннатских кружков, «Малой Тимирязевки», школьных лесничеств. Они вручили заместителю министра Анатолию Александровичу Поморцеву рапорт о своих трудовых делах.

Миллион тонн зерна, **свыше миллиона тонн** хлопка-сырца, **30 тысяч тонн** чайного листа, **сотни тысяч тонн** овощей и фруктов, **более 5 миллионов** кроликов, **миллионы голов** домашней птицы, ягнят, поросят — вот **ежегодный** вклад пионеров страны в народное хозяйство!

— Замечательно работаете, дорогие ребята! — сказал Анатолий Александрович, принимая рапорт.— В успехах колхозов и совхозов — немалая ваша заслуга. Партия и правительство высоко оценили труд ребят из сельских школ. Многие из них награждены орденами и медалями СССР.

У нас в стране всякий труд почетен. И все же мы можем с уверенностью говорить о том, что древнейшая на земле профессия земледельца особенно важна и почетна!

Труженики полей кормят население всей страны и дают сырье заводам и фабрикам. От них зависят рост и могущество нашего государства. Мы должны год от года больше выращивать хлеба, овощей, фруктов, получать молока, мяса и других продуктов, чтобы крепла наша Родина, чтобы обильнее был стол советского человека.

Сегодня в сельском хозяйстве все больше

В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»

техники, машин, механизмов, все шире используются достижения науки. Профессия земледельца позволяет молодежи широко применять выдумку, смекалку, изобретательность, творческий подход к делу.

«Сегодня сельскому хозяйству нужны не просто рабочие руки,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев,— а специалисты высокой квалификации, владеющие современной техникой, подлинные мастера своего дела».

На селе появились новые специальности: мастера машинного доения заменили доярок, операторы в белых халатах стоят у приборов в крупных животноводческих комплексах. В таких комплексах, на таких фермах работать и вам, ребята.

Никогда не забывайте, что земля, живая природа ждут от вас не только умения нажимать кнопки и поворачивать штурвалы. Как бы ни были умны машины, испокон веку земледелец был добрым и сердечным человеком, по-сыновнему привязанным к родной земле, честным и совестливым в работе. Не будет и у вас успеха, если не станете отдавать делу всю душу и все сердце.

И мы надеемся, что, вернувшись домой, вы будете еще глубже вникать в сельское хозяйство, душой и сердцем понимать родную землю, ее нужды и заботы.

Анатолий Александрович пригласил ребят рассказать о своих делах.

Неля Мухина (Кореневская средняя школа № 2, Курская область, 6 класс).

— Я живу в Курской области и очень горжусь тем, что наша Кореневская школа на всю область знаменита своей ученической бригадой. Вот уже четвертый год мы участники ВДНХ, не раз получали награды за свою работу, особенно за высокие урожаи сахарной свеклы. Бригада у нас теперь богатая — свой автобус, свой комбайн «Нива», проигрыватели, магнитофоны.

А сейчас у нас новое дело — школьная кролеферма. Некоторые ребята и раньше выращивали дома кроликов, для себя. Но не все этим увлекались. А когда услышали, что в других школах такие фермы есть и лозунг даже появился «По силам одному — кролеферма на дому!» — тут уж во всех отрядах прошли собрания и каждый обязался за год по три-четыре кролика вырастить и сдать школе. У нас дома в прошлом году было 50 кроликов, я сдала 10 кроликов и 20 шкурок. Больше всех в нашей школе. Папа помогал мне только траву косить, а так я все сама успевала — и кормить, и воду носить, и клетки чистить, и лечить, если надо.

А. А. Поморцев: Пионерские фермы — очень хорошее дело. Это ваше активное участие в

том, чтобы больше было в стране мяса, чтобы лучше развивалось животноводство. Такие фермы хорошо бы создать во всех сельских школах.

Бахрам Матьякубов (Туркмения, поселок Газа-Базар, 6 класс).

— А у нас главное — хлопок. Вокруг нашего колхоза — хлопковые поля, и вся наша работа идет на этих полях. Весной помогаем при посадке, потом при прополке. Прополка, конечно, механизированная, но мы идем за машинами и пропалываем сорняки, которые остаются после машины. Но самое важное и для нас и для наших родителей — уборка. В эти дни мы рано утром собираемся в школе и на машине едем в поле, чтобы начать работу, пока не так жарко. Надеваем такие хлопковые фартуки с карманами. Идем после комбайна и подбираем хлопок, чтобы не было потерь. Старшие ребята собирают по 7—8 тонн за лето. Я собрал полторы тонны, считаю, что это мало, постараюсь собирать больше. В прошлом году наша ученическая бригада план выполнила на 130% и колхоз занял первое место!

А. А. Поморцев: Молодцы, хлопкоробы! Видно, что в успехе колхоза есть и ваша заслуга! А раз ребята за комбайнами подбирают хлопок, значит, потери урожая в колхозе минимальные.

Таня Луценко (Николаевская область, Павловская средняя школа, 7 класс).

— В нашем совхозе уже есть ферма, где работают не доярки, а мастера машинного доения. Мне там очень нравится — чисто, красиво, аппараты сверкают, и доярки в белых халатах. Очень хочется стать мастером машинного доения и работать на такой ферме в родном совхозе. А пока я помогаю маме на уткоферме. Там 10 000 уток, а механизации на этой ферме пока нет. Воды для уток надо много — утки любят купаться. А какие ненасытные! С одного конца двора накормишь, дойдешь до другого, а те уже опять кричат, опять кормить надо. И так весь день. Маме бывает трудно. Вот мы и шефствуем над утками, помогаем. А скоро полегче станет: начали водопровод от реки тянуть.

И все-таки хочется не только помогать, но и самим настоящее дело делать. Мечтаем свою ферму школьную организовать, самим телят выхаживать, приучаться к работе на ферме. Мы уже готовы хоть завтра работу начать, но председатель все никак не решится нам телят доверить...

А. А. Поморцев: По вашим рассказам, дорогие ребята, чувствуется, как вас привлекают новые машины, современная техника в сельском хозяйстве, новые профессии.

Должен сказать, что в одиннадцатой пятилетке все больше будет таких хозяйств, где на полях работают уже не отдельные машины, а целая цепочка или система машин. Тогда можно всю тяжелую работу от посева до уборки зерна, скажем, или кукурузы механизировать и почти совсем исключить ручной труд. Это мы называем индустриальной технологией в выращивании сельскохозяйственных культур. Уже есть такие хозяйства, которые по новому способу выращивают зерно, кукурузу, картофель, свеклу.

Мне кажется, ребята должны бывать в таких хозяйствах, изучать их опыт в школе, в производственных бригадах. Ведь тут надо учиться не только отдельным навыкам, но и глубже вникать в этот сложный процесс, изучать всю технологию. Эту работу нельзя откладывать: вам, ребята, управлять в недалеком будущем этими машинами, вам добиваться, чтобы все больше сельскохозяйственных культур выращивалось новым индустриальным способом.

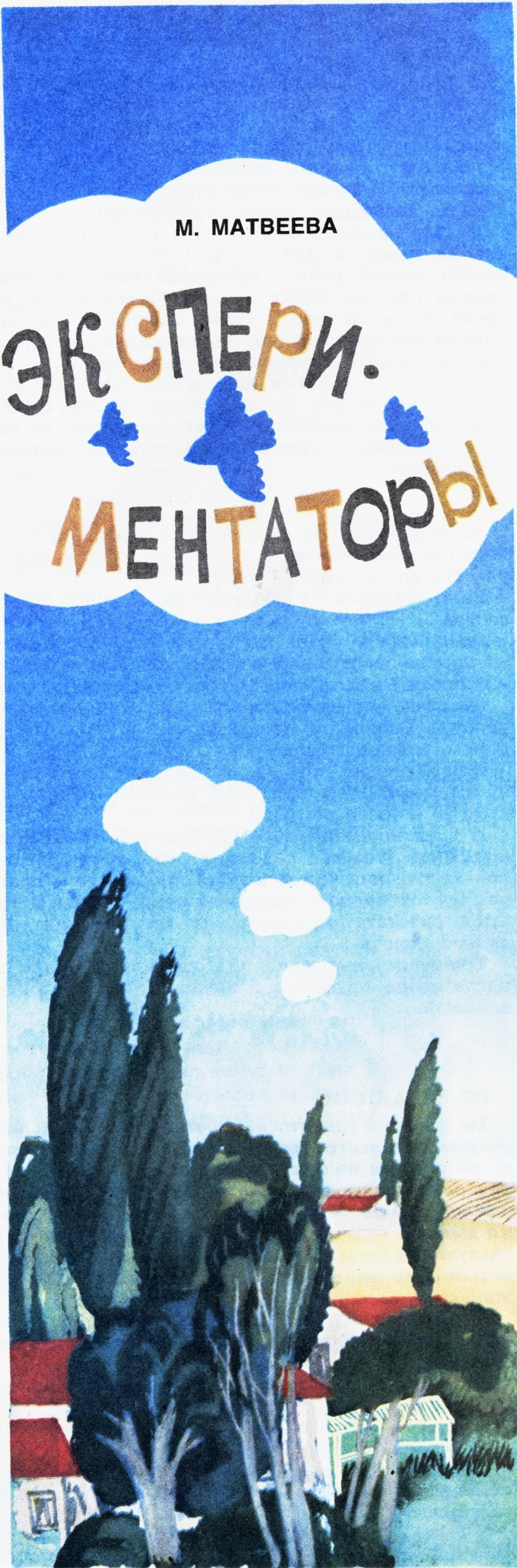
И еще одно. Вы многое делаете, чтобы сократить потери, особенно во время уборки, при доставке зерна или овощей в города. Это очень важно! Ваш острый глаз, хозяйская забота, ваши дозоры, патрули, посты помогают нам сберечь драгоценные тонны зерна, картофеля, овощей.

Мы надеемся, что в вашей пятилетке трудовых дел не будет забыта и юннатская исследовательская работа. В стране создана широкая сеть сельскохозяйственных научных центров. Надо шире привлекать к этой работе юннатов — пусть они приобретают навыки творческой работы, учатся быть инициативными, упорными, настойчивыми.

Страна нужны не только ваши руки, ваш труд. Самое дорогое — ваше сердечное, заинтересованное отношение к труду, к призванию земледельца, ваше желание помогать общенародному делу. Новых вам, дорогие ребята, успехов и побед на этом пути!

Беседу записала В. БЛИЗНЕНКОВА.

На ВДНХ в павильон юных натуралистов и техников я приехала узнать адрес пришкольного участка, где ребята ведут селекционную или опытническую работу. «Поезжайте на Полтавщину,—посоветовали мне,—не ошибетесь!»

Автобус везет меня от Полтавы в колхоз имени Тараса Григорьевича Шевченко, в Кошмановскую среднюю школу. За окном—черная жирная земля. Квадраты полей расчерчены рядами остроконечных тополей. Оазисами на перепаханной весенней земле кажутся деревеньки с красными кирпичными домами, садами и старыми липами во дворах.

Пять делянок—пять сортов

Не каждый шестиклассник может похвалиться тем, что колхоз прислушивается к его советам. А вот Света Кузуб, Лена Лавринович, Валера Савчук, Света Кононенко... в общем, все звено Вали Мандрики из 6 «А» класса доказало: сорт картофеля «элла» пора заменять «чаривницей», не будет «элла» больше приносить колхозу таких урожаев, как раньше.

Весной Валино звено отмерило себе на пришкольном участке сто пятьдесят квадратных метров. Ребята разделили огород на пять делянок—пять вариантов (как они тут говорят), каждый квадратик земли одинаково удобрили перегноем и минеральными удобрениями—нитрофоской. Ящики с клубнями пяти сортов—«чаривницу», «темп», «гатчинский», «эллу» и «коту»—двадцать дней держали в теплице, чтобы картофель дал ростки. А в начале мая посадили картофель на делянках.

«Чаривница»—местный сорт, украинский, «эллу» сажают в колхозе уже несколько лет. Да что-то урожаи не сравнить с теми, что собирают в Полесье, на Черниговщине. Там в лучшие годы «элла» с одного гектара по 220—250 центнеров дает. А в колхозе имени Шевченко—вдвое-втрое меньше: дождей над Кошмановкой проходит мало. Сорт «кота» вывели зарубежные селекционеры. Надо и его проверить: какие урожаи будет давать, устойчив ли против болезней...

Сорта картофеля ребята не сами выбирали, их рекомендовала Устимовская опытная станция. Станция занимается селекционной работой именно для хозяйств Полтавской области. Но станция находится в Глобинском районе, а колхоз имени Шевченко—в Машевском. Невелико вроде расстояние, а разница в земле все-таки есть. Поэтому, прежде чем сажать овощи на огромных колхозных полях, хорошо бы их опробовать на маленьком кусочке своей же земли.

Такой опытнической работой кошмановские школьники занимаются уже лет двадцать пять—столько, сколько работает в школе Раиса Степановна Мищенко, заслуженный учитель УССР.

Как много у взрослых в колхозе хлопот—любой сельский подросток знает: хлебная страда, овощи и фрукты, корм скоту... Да еще у всех свои сады-огороды. Летом взрослые просто разрываются, не до селекции тут, не до опытов... А сорта менять все-таки надо, это тоже понятно: во-первых, появляются все более урожайные и неприхотливые, во-вторых, и земля постепенно меняет свой хи-

мический состав. Так и получилось, что большую долю опытов в колхозе шестиклассники взяли на себя.

Почему помидорам не рады?

Валя Мандрика показывала мне дневник наблюдения своего звена. Тетрадочка пестрела цифрами: когда сажали картофель, когда пропалывали, сколько вносили удобрений... Это были записи Экспериментатора. И в какой-то момент стало мне казаться, что все сельские ребята должны жить и живут заботами преобразования природы, охраны ее богатств. Но в тот же день в гостинице я познакомилась с учительницей, которая работает в сельской школе, и школа эта тоже стоит на земле, самой природой созданной для богатых урожаев. Учительница нарисовала мне совсем другую картину. Работать на пришкольном участке ребята не хотят. Отлынивают, где только можно, рассаду помидоров сажают кое-как. А когда выдается большой урожай, никто ему не радуется, ребята говорят: помидоров навалом и на полях, и дома на огородах—три копейки килограмм.

Может, важно понять, что твоя работа не бессмысленна, что она нужна людям? Если бы было ясно, почему на пришкольном участке надо сажать именно помидоры и куда потом собранный урожай пойдет, наверное, ребята по-другому отнеслись бы к своей работе.

Вот кошмановские шестиклассники в важности своей работы уверены. На опытном участке «чаривница» дала 220 центнеров с гектара, «темп»—180 центнеров, а «элла»—только 90. Конечно, на опытном участке, где за каждым кустом картофеля, как за цветком, ухаживать можно, урожай будет больше, чем на поле. Но шестиклассники понимают это. Поэтому в следующем году ребята из старших классов во время производственной практики высадят «чаривницу» на поле в шестьдесят гектаров. Агроном колхоза говорит: «Если получите по сто центнеров с гектара, будете молодцы! Тогда точно сорт картофеля поменяем на всех колхозных полях».

Куда идут овощи и фрукты с пришкольного участка, даже перваки знают—в школьную столовую и в столовую интерната, где живут ребята из соседних небольших деревень. Если летом постараться, всю зиму будешь есть жареную картошечку да хрупать соленые огурчики.

У колхоза и школы как будто негласный договор существует: относиться друг к другу серьезно. Колхоз подарил школе три трактора, плуги, бороны... Для пришкольного участка выделяет дорогие удобрения, какие даже сельчанам для огородов не продает.

Береза лист выпускает— пора картофель сажать...

— Я маме на огороде давно помогать начала,—рассказывала мне Оля Мотиенко.—Только раньше как было: мама говорит—пора картофель сажать, а как она узнала, что пора, я и не думаю. Как она сказала, так и делаю. После пятого класса мы только одно лето на пришкольном участке поработали, а я уже столько всего про растения узнала. Картофель надо сажать, когда береза лист выпускает. На участке мы пробовали картофель и полным клубнем высаживать, и верхушкой, и глазками, а потом смотрели, где урожай лучше. Полным клубнем лучше всего сажать. А еще мы проверяли, как площадь питания влияет на рост лука. На разных делянках между рядами лука оставляли то восемь сантиметров, то десять, то двенадцать. Я теперь, когда дома лук сажаю, междурядье двенадцать сантиметров делаю.

То, что рассказывала Оля, не новостью было и для ее мамы, и для Раисы Степановны. После пятого класса ребята на пришкольном участке своими глазами видят то, что объясняли им на уроке ботаники зимой. А вот шестой и седьмой классы уже проводят опыты, которые и для взрослых могут дать неожиданные результаты.

Так было с сортами картофеля, так было и с сортами помидоров. Последние годы колхоз сажал помидоры «киевские», а ребята доказали: не боятся болезней и урожай дают выше «грунтово-грибовские».

* * *

На обратном пути в автобусе я мысленно перечисляла, чему научила работа на пришкольном участке кошмановских ребят.

Валя Мандрика «заболела» выведением новых сортов.

Олег Карюк из ее звена раньше не очень-то спешил на работу налегать. А летом—как очнулся: и попросить его не успеешь, он уж сам все делает.

Непоседе Сергею Базальчуку нравятся посевные работы. Теперь он сам разбивает клумбы перед домом, сажает деревья вокруг пруда.

Оля Мотиенко, хоть и продолжает помогать маме на птицефабрике, для себя решила—работа на поле ей больше по душе.

И всем кошмановским ребятам работа на пришкольном участке показала, что труд на селе—творческий, интересный. Парни и девушки не уезжают из колхоза после окончания школы. Остаются работать на полях, на молокозаводе, на птицефабрике.

Тринадцать выпускников Кошмановской школы награждены орденами и медалями за трудовую доблесть.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Ты можешь удивиться: работа на пришкольном участке начинается весной, а редакция рассказывает об успехах полтавских школьников зимой. Но недаром существует пословица: «Готовь сани летом, а телегу зимой». Уже сейчас ты и твои одноклассники должны подумать, что вы будете выращивать в следующем году на пришкольном участке, где возьмете семена и рассаду, куда пойдет ваш урожай...

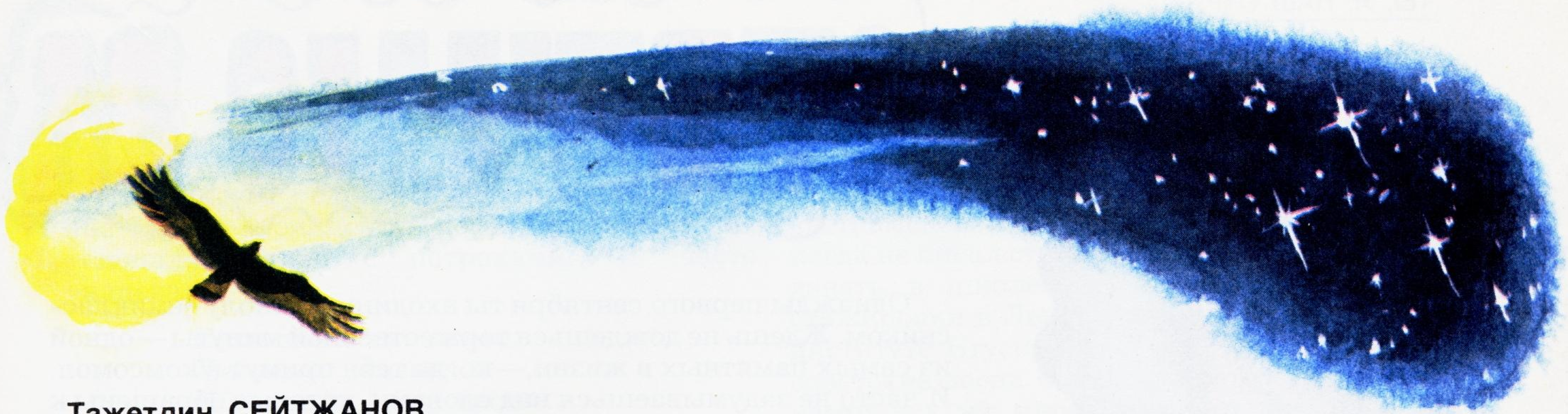
А тех ребят, в чьих школах работа на пришкольном участке налажена, мы просим ответить на вопросы:

1. Как вы помогаете своему родному совхозу, колхозу?

2. Пригодились ли вам знания, полученные на уроках биологии?

3. С какими опытными станциями, научно-исследовательскими институтами вы поддерживаете связь?

Рисунок Ю. ИСАЙКИНА.

Тажетдин СЕЙТЖАНОВ,
народный поэт Каракалпакии

Школьный звонок

Простился я со школой навсегда,
И все же до сих пор издалека
Я узнаю мгновенно, без труда
Летящий неустанно сквозь года
Тревожный голос школьного звонка.

Стоят передо мною и сейчас
Рядами парты, черная доска.
О, как я волновался —
Первый раз
Позвал меня в залитый солнцем класс
Тревожный голос школьного звонка!

Путь к знаньям крут, как путь на перевал.
В сверкающую высь, за облака,
В орлиный край, к вершинам снежных скал
Меня неодолимо увлекал
Тревожный голос школьного звонка.

В осеннее ненастье и зимой,
Когда была дорога нелегка,
Меня встречал и провожал домой,
Как добрый друг и верный спутник мой,
Тревожный голос школьного звонка.

В каникулы скучал я по нему,
Томительна была моя тоска:
Едва рассвет сметал ночную тьму,
Мне чудился в разбуженном дому
Тревожный голос школьного звонка.

Стал взрослым я,
Лежит простор земной
И ждет моих забот наверняка.
Еще велик мой долг перед страной,
И, где б я ни был, он идет за мной —
Тревожный голос школьного звонка.

Разговор с отцом

— Взрослым бы сделаться мне наконец,
Взяться за нужное дело, отец.
Кто б научить меня этому мог?
— Книга, сынок!

— Дал бы степям я напиться воды,
Чтоб зацвели они, словно сады.
Кто б научить меня этому мог?
— Книга, сынок!

— К звездам хочу проложить я пути,
К звездам хочу корабли повести.
Кто б научить меня этому мог?
— Книга, сынок!

— Светлое небо и Родину-мать
Рад бы я звонким стихом воспевать.
Кто б научить меня этому мог?
— Книга, сынок!

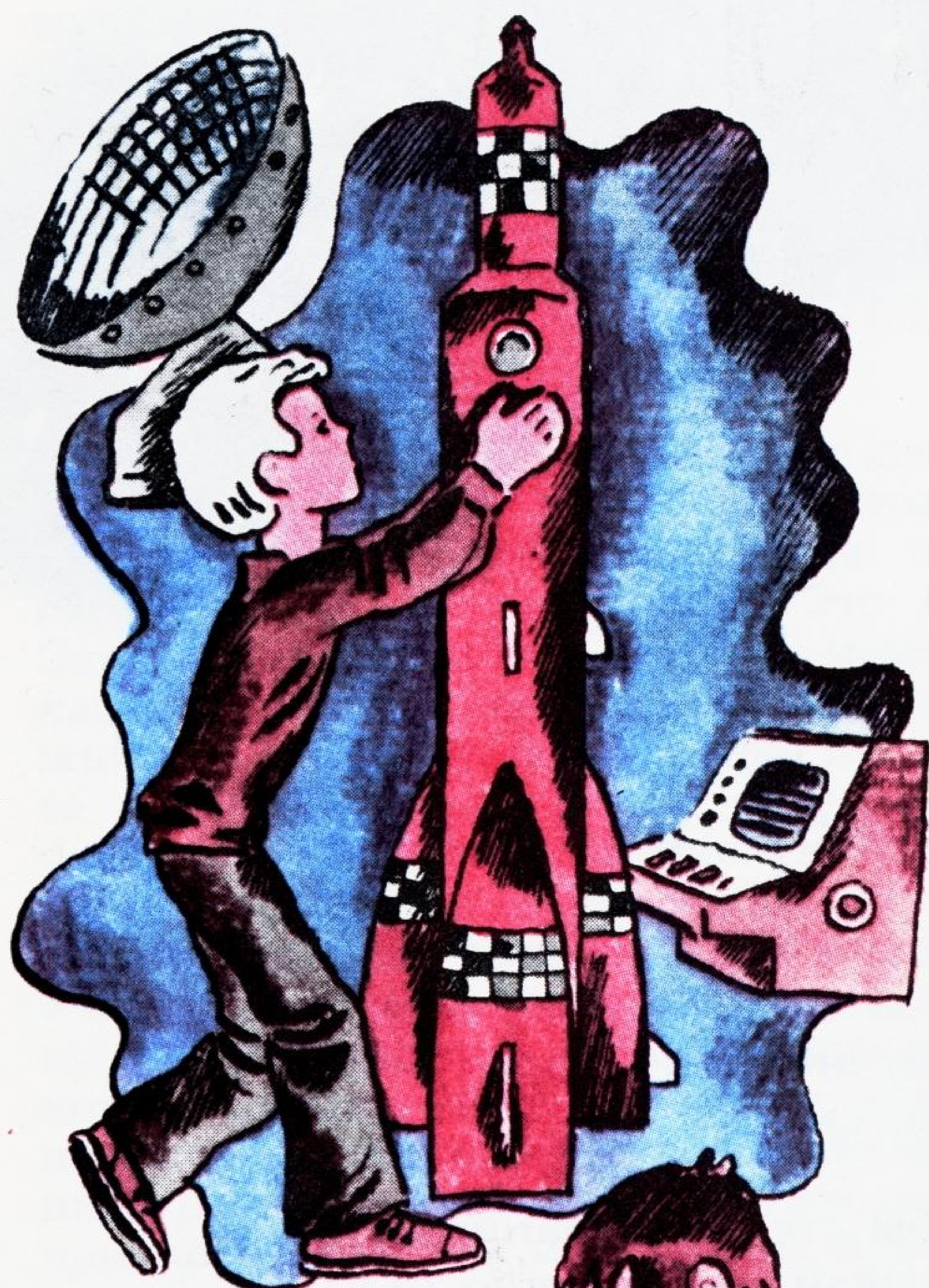
— Что бы ни делал я,
По Ильичу
Жить и работать всегда я хочу.
Кто б научить меня этому мог?
— Книга, сынок!

Перевел с каракалпакского
Я. СЕРПИН.

Рисунок Д. БАРАБАША.

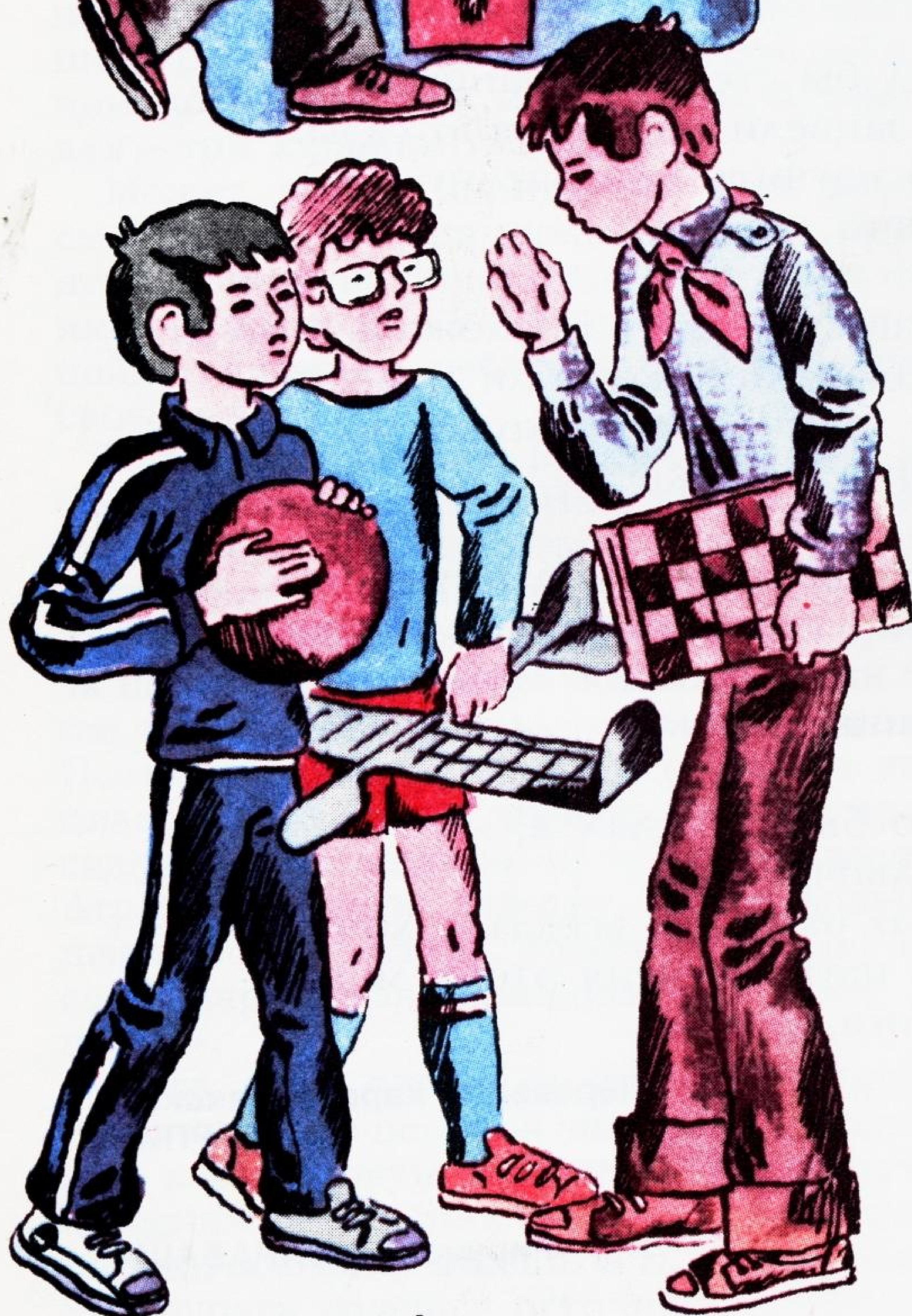

ОТВЕЧАЮ ЗА

Однажды первого сентября ты входишь в школу семиклассником. Ждешь не дождешься торжественной минуты — одной из самых памятных в жизни,— когда тебя примут в комсомол. И часто не задумываешься над словами, которые обращены к тебе, семикласснику: «Старший пионер!» А старший — это значит ответственность. Старший — организатор всей пионерской жизни в школе. Старший — пример во всем. Старший — значит, умеешь видеть, где ты нужен, кому необходима твоя помощь.

Сегодняшний наш рассказ о старших пионерах школы № 53 и школы № 57 Краснодара. Как они несут свое почетное звание — **СТАРШИЙ ПИОНЕР.**

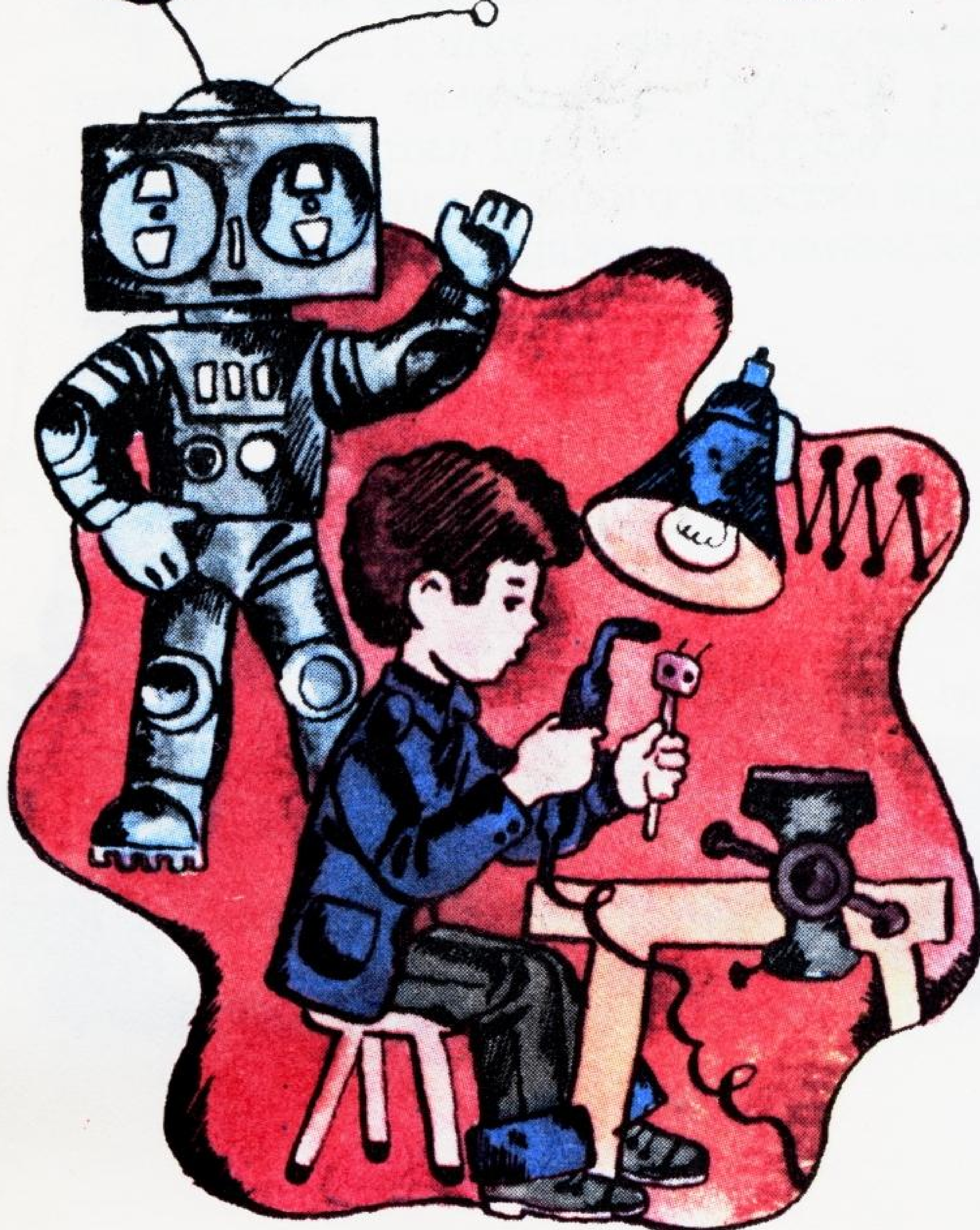

Какой же сегодня праздник?

Обычное утро в школе № 57. Как всегда, в раздевалке суматошно: кто-то торопится пройти в класс, кто-то прямо у порога переобувается... Дежурные у дверей немного свысока поглядывают на эту суету, сегодня они — хозяева в школе. И вдруг в их глазах мелькает удивление: Таня Кушнарева из 7 «А» снимает пальто, а под ним — пионерская форма, а вон и еще ребята из 7 «Б» в белых рубашках. Какой же сегодня праздник? Оказывается, сегодня семиклассников посвящают в старшие пионеры!

После уроков председатели советов отрядов седьмых классов ведут свои отряды в зал. Туда же под марш входит и комитет комсомола школы. Отряды построены, застыли на сцене ребята из комитета комсомола. Звучит наказ комсомольцев пионерам. Впервые семиклассники слышат, как их называют старшими пионерами. Отныне они — первые помощники комсомольцев.

На этой же линейке каждый из пионеров получит личное задание от комитета комсомола.

Умеешь? Научи других!

Очень тщательно разрабатывает комитет комсомола те задания, которые дадут каждому пионеру на линейке: смотрят, кто какое раньше пионерское поручение выполнял, беседуют с классным руководителем, разговаривают с ребятами: что больше любишь, что умеешь, к чему душа лежит.

Лена Порошенко из 7 «А» — массовик-затейник. Ребята из комитета знают, как весело проходят в ее классе КВНы. Вот и получай, Лена, задание — помоги шестиклассникам организовать школьный вечер, посвященный одному из предметов. «По какому предмету хочешь?» «По математике, конечно». «Помогай, советуй, выручай, если надо, но за подшефных их работу не делай, пусть сами стараются!»

Андрей Леонов ведет кружок в третьем классе наравне с учителем труда. А с чего началось? Увлекался выжиганием, с удовольствием ходил на уроки труда. Но чтобы передать кому-то свое увлечение, об этом не думал. А на линейке посвящения досталось ему задание: обучить азам технического творчества малышей. Очень интересно оказалось — научить других тому, что хорошо знаешь и умеешь сам. Теперь

Песня зовет к борьбе

Дед Хесуса Родригеса любил говорить, что, не будь у кубинцев их песен, янки давно бы слопали остров с потрохами. Он часто напевал:

Если замолчит певец,
Умолкнет жизнь,
Ибо жизнь — это песня...

Дед умолк навсегда в застенках Батисты. Но песню не забыл отец Хесуса.

Что станет с жизнью,
Коль певец
Свой голос не возвысит
за страдальцев —
За бедняков в лохмотьях?

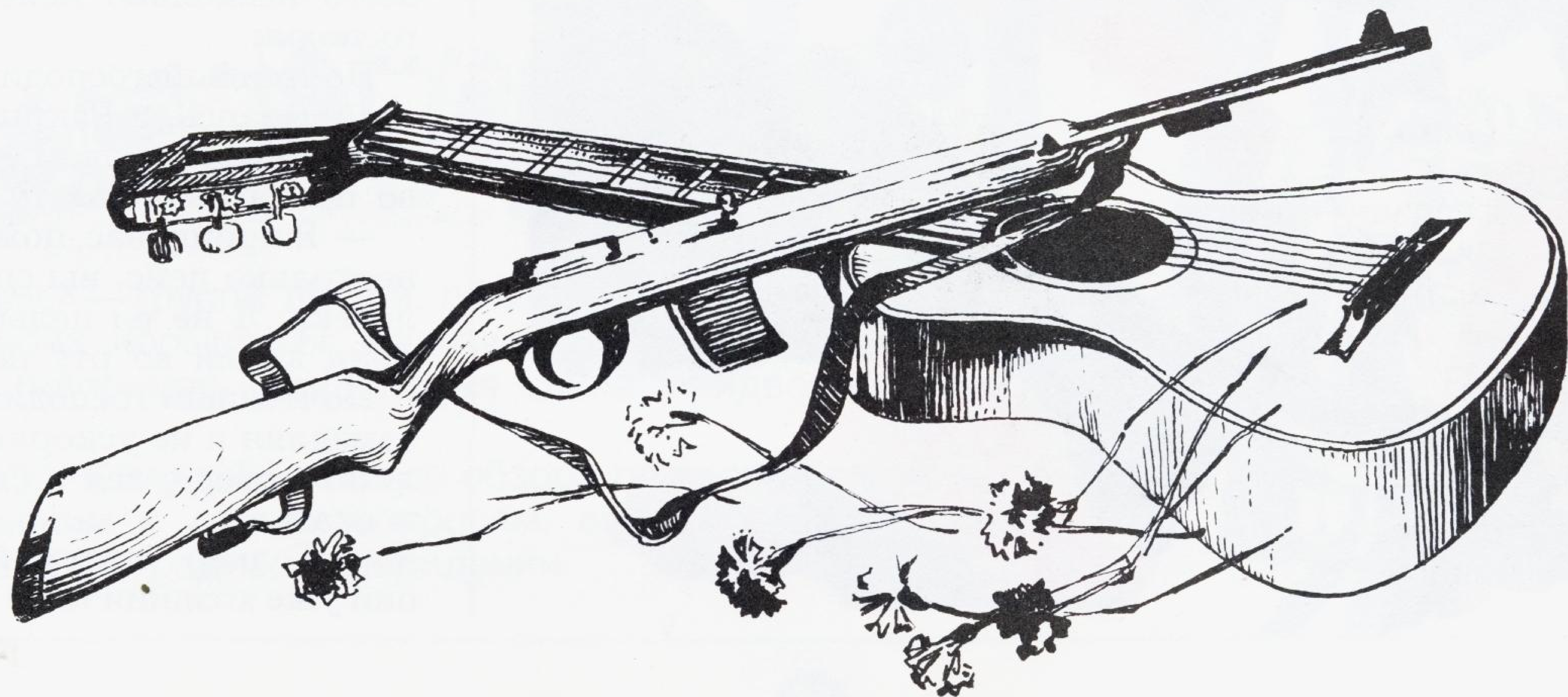
Вместе с товарищами он развинтил рельсы железной дороги, ведущей в Санта-Клару. По ней мчался на всех парах эшелон с солдатами Батисты, чтобы помешать повстанцам Че Гевары захватить город. Обо всем этом Хесус Родригес узнал из рассказов старших. И, отправляясь в Москву на V интернациональный студенческий фестиваль политической песни, он взял с собой не только песню деда, но и новую песню, посвященную двадцатилетию кубинской революции. Ее припев «Э вива ля революсьон» в едином порыве подхватывали и гости, и зрители фестиваля.

Кроме 300 делегатов фестиваля, зал вмещал приблизительно столько же студентов Университета имени Патриса Лумумбы, где проходил фестиваль. Здесь учатся девушки и юноши из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Как правило, у себя на родине все они активисты прогрессивных политических организаций или движений. И для них политическая песня — часть повседневной борьбы. Это боевые товарищи, которым доверяются самые дорогие мысли и чаяния. К ним обращаются за помощью в трудную минуту. И неважно, если они принадлежат иному народу, иной культуре. Например, вьетнамец Нгуен Вьет Чинь поет под гитару «Журавлей» Расула Гамзатова. Куплет на русском, куплет на вьетнамском в собственном переводе. Он никогда не писал стихов. Его призвание — преподавать в школе математику. Но во время стажировки в Ленинградском педагогическом институте Нгуен Вьет Чинь сделал открытие: советские песни о войне говорят сердцу вьетнамца так же много, как и сердцу русского. Старший брат Чиня ушел прямо из школы на фронт и пять лет провоевал на Юге. Младший недавно призван в армию и служит на Севере. Далеко от родины забросила судьба среднего брата, но когда он берется переводить на родной язык «Хотят ли русские войны» или «У незнакомого поселка»,— это расстояние как будто сокращается.

Темба Табете слышал о войне не из песен. Еще совсем недавно он выносил своих раненых товарищей из-под обстрела. Темба родом из Соуэто, пригорода Иоганнесбурга. Он был старостой школы, когда ученики решили выступить с демонстрацией протеста против режима апартеида, обрекающего детей с черной кожей на самое низкое положение в обществе. Расистские власти жестоко подавили демонстрацию. И тогда сотни школьников решили бежать за границу, чтобы в рядах патриотов бороться против угнетателей с оружием в руках. Среди них был и Темба.

Сейчас он изучает экономику и право, сочиняет зовущие к борьбе песни и вместе с товарищами исполняет их перед студенческой аудиторией.

Для песен борьбы нет границ. Два столетия назад это впервые доказала «Марсельеза», столетие назад — «Интернационал». А сегодня русские, литовцы, осетины, немцы, африканцы, афганцы, латиноамериканцы в едином порыве вскакивают с мест и скандируют вместе с чилийцами из ансамбля «Лаутаро» припев — «Эль пуэбло! Унидо! Хамас сера венсидо!» («Народ! Только сплотившись, ты победишь!»). Кажется, весь университет скандирует. Да, вместе мы непобедимы. Таков урок политической песни.

Праздник Холи

А. САХАРОВ

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Завтра придет праздник Холи. И пусть в жизни было и будет много трудностей, но завтрашний день он, Ракиш, должен встретить, как все индийцы, в хорошем настроении и не с пустым желудком. А главное — в чистой рубашке, которая по древнему обычаю будет тут же залита краской из бутылочек-брызгалок, из лопающихся бумажных пакетиков. Это будет веселый и радостный праздник. В этот день даже самые почтенные господа будут выпачканы. Потом наступит вечер, и вся Индия начнет отмываться, стирать краску с лиц и рук, чистить и сушить одежду. Это нетрудно: краски водяные и легко смываются. Но все это будет завтра, а сегодня Ракишу необходимо заработать к празднику по крайней мере две-три рупии, чтобы купить полдюжины бананов и накормить праздничным завтраком себя и старика Мохэна. Одну рупию он уже набрал и теперь старался добрать остальное.

Здесь, на улице Джанпатх, были его владения — маленькая асфальтовая площадка возле Тибетского базара. Всего несколько квадратных метров, но они принадлежали только ему. И все знали, что здесь торгует газетами семилетний Ракиш Шарма, друг старого Мохэна.

По всей улице Джанпатх и на улицах Нового и Старого Дели сотни и тысячи таких же малышей, каждый в своих владениях, зарабатывали себе на жизнь. Кто чем мог. Продавали газеты, помогали перетаскивать багаж, торговали цветами, чистили обувь или просто просили милостыню. Для них эти подачки были единственным источником жизни.

Ракиш появился на Джанпатхе два года назад, когда ему не было и пяти. Он бежал сюда из Старого Дели, из этой толчеи, где людей было, наверное, больше, чем песка перед зданием Красного Форта. Здесь толпами бродили люди, которые долгими месяцами не могли найти себе работу и теперь медленно умирали с голоду. Нищенствовать они также не могли, потому что все районы Старого Дели уже были забиты нищими всех возрастов. Время от времени появлялись чиновники, которые набирали людей для работы на прокладке дорог, строительстве заводов, мостов. Государство старалось по мере сил занять этих несчастных, дать им средства к жизни, но рабочих мест было так мало, а желающих так много.

Старик Мохэн рассказывал Ракишу, что, когда в 1947 году на башне Красного Форта взвился национальный флаг Индии, им казалось, что все, о чем мечтал Махатма Ганди, вот-вот станет действительностью, что на индийскую землю придут справедливость и благосостояние. Время шло, многое менялось, но многое оставалось по-прежнему. Правда, белые господа уже не могли больше помыкать индийцами, и теперь люди с гордостью говорили: «Это наша Индия». Исчезли колониальные власти, многие западные фирмы свернули свои дела в Индии, язык хинди стал государственным языком, началась большая работа по строительству школ, больниц, жилищ. Но все это было каплей в море страданий многомиллионных масс.

...Ракиш первым увидел этого белого господина. Прекрасный костюм, дорогие ботинки, красивый галстук, седые виски. Рядом с ним шла высокая дама в ярком сиреневом платье. На ее пальцах сияли золотые кольца, на шее сверкало красивое ожерелье. Теперь Ракиш наверняка знал, что завтрашний праздник Холи встретит хорошо.

Еще несколько шагов, и белый господин со своей дамой вошли в его, Ракиша Шармы, владения.

Мальчик подбежал к ним и протянул газету «Патриот»:

— Прошу вас, купите газету, всего несколько пейс, купите, господин.

Почтенный господин шел не оглядываясь, а Ракиш продолжал семенить рядом, настойчиво протягивая газету.

— Я прошу вас, пожертвуйте несколько пейс, вы спасете человека. Я не ел целый день, у меня капли во рту не было.

Почтенный господин шел, не замедляя и не ускоряя шаг. Он лишь повернулся к своей даме и сказал:

— Только подумай, Пегги, они уже хозяйничают на Джан-

патхе. Чего доброго, скоро доберутся и до Малча марг[1]. А во времена отца их и духу здесь не было...

Почтенная дама повернулась к нему:

— В те времена они вообще к англичанину не подходили на пушечный выстрел, а этот черномазый трогает тебя за пиджак.

Дама говорила неправду. Ракиш не притрагивался к почтенному господину, он просто бежал рядом и делал свое дело. Трогать людей руками по законам улицы было не принято.

Мальчик снова забежал перед почтенным господином и протянул ему газету:

— Ну, купите, господин, спасите бедного мальчишку. Вы же видите, как я голоден.

И тут произошло неожиданное: почтенный господин оглянулся по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, ударил Ракиша ногой в бедро. Удар пришелся в то место, где нога мальчика не была прикрыта лохмотьями. Ракиш взвизгнул, как собачонка, и упал на мостовую. Он еще не понял, в чем дело, а почтенный господин шагнул к нему и ударил еще раз:

— Вот тебе, грязная скотина!

Ракиш лежал на тротуаре. Газета отлетела прочь, и легкий вечерний ветерок слегка шевелил ее страницы. Потом он встал на четвереньки и посмотрел в ту сторону, куда направились почтенные господа: они прошли несколько шагов и повернули в сторону отеля.

Нога Ракиша нестерпимо болела. Он приподнял лохмотья и увидел большое багровое пятно.

Белый господин, конечно, мог не покупать газету. Но не имел права бить Ракиша. Это знал даже самый последний нищий. Это знали люди всей Индии. Прошли те времена, когда белые могли безнаказанно избивать индийцев. Об этом думал Ракиш, хромая обратно к Тибетскому базару. Вид у него был настолько удрученный, что мальчик продал в тот вечер еще несколько газет и набрал две рупии.

К утру боль в ноге поутихла, и Ракиш поднялся, надел свою единственную непорванную рубашку.

В овощной лавке он купил Мохэну несколько бананов на завтрак. На это ушла рупия. На остальные деньги мальчик приобрел бумажные пакетики с краской. Ракиш отдал бананы старику и вышел на улицу. Ему нестерпимо хотелось есть, но пакетики с разведенной краской были для него сегодня дороже еды.

Мальчик прошел по улице Джанпатх и остановился напротив большого отеля. Здесь было тихо. В этот день белые господа избегают выходить на улицу. Сейчас они сидят по своим номерам и ждут, когда отшумит Холи.

Наконец Ракиш услышал, как служитель отеля, дежуривший у входа, крикнул в сторону стоянки автомобилей:

— Машину мистера Уисби к подъезду!

Из стеклянных дверей отеля вышел вчерашний почтенный господин. Он был одет в светло-серый костюм. Рядом с ним шла миссис Уисби в длинном зеленом платье. В момент, когда они вышли из дверей отеля, от стоянки автомашин тронулась роскошная «Тойота». В тот же миг Ракиш метнулся к почтенным господам и с размаху влепил в серый пиджак мистера Уисби сразу два бумажных пакетика. Они с шумом разорвались, и красная и зеленая краска потекла по одежде мистера Уисби. Еще один взмах руки, и на зеленом платье миссис Уисби расползлось фиолетовое пятно. А кругом стояли и радовались люди. Хохотал служитель отеля, смеялись водители такси, улыбались велорикши. Ах, этот веселый праздник Холи! Пусть и белые господа привыкают к его радостям и шуткам, пусть они веселятся вместе с индийцами.

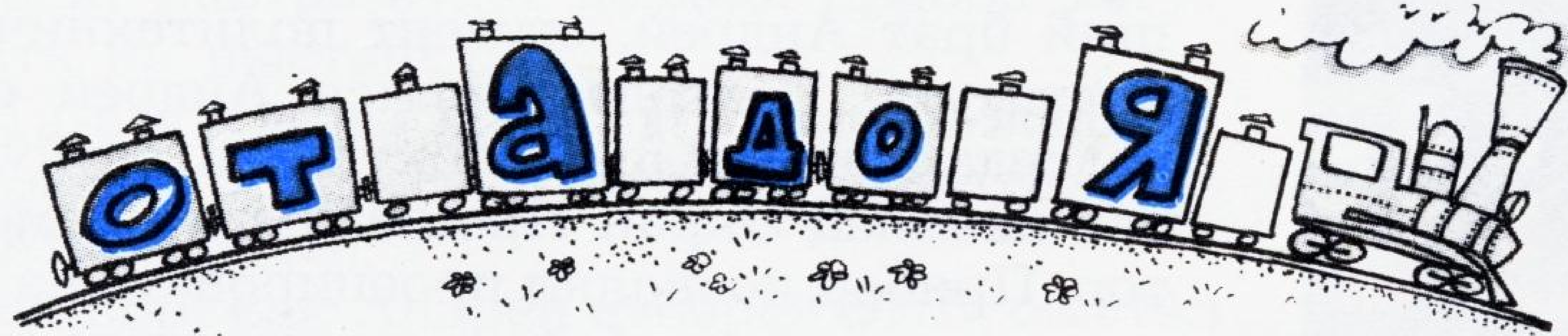
Вдруг смех стих. Мистер Уисби прыгнул к Ракишу и схватил его за плечо. Лицо почтенного господина побледнело от гнева. И тут же индийцы шагнули в его сторону — и служитель, который лишь несколько секунд назад с поклоном распахнул перед ним дверь отеля, и таксисты, и рикши. В праздник Холи никто не имел права наказывать индийца, если он по обычаю выпачкал кого-нибудь краской. Любой человек должен с достоинством принять веселую шутку, нравится ему это или нет.

Мистер Уисби еще держал Ракиша за плечо, а люди все ближе и ближе подходили к белому господину, и пальцы у них были сжаты в кулаки.

Мистер Уисби оглядел надвигавшихся на него людей, опустил руки и тихо сказал: «Олл райт, господа, олл райт». Затем круто повернулся и исчез вместе с женой в дверях отеля.

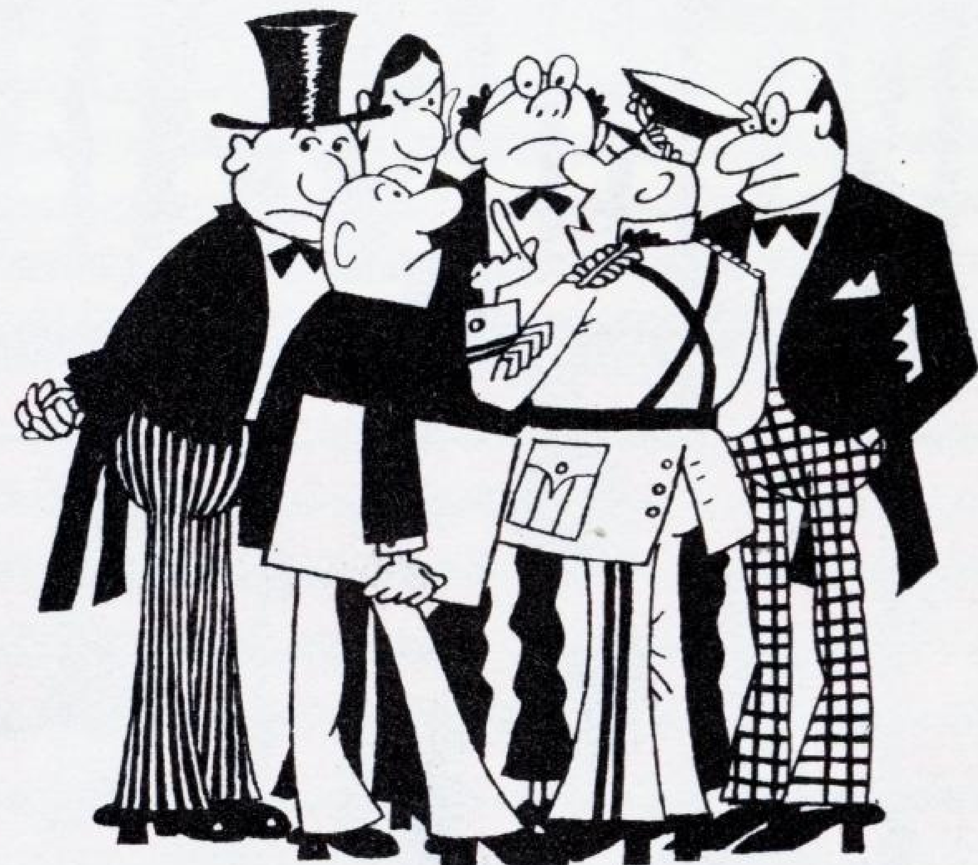
А на улице Джанпатх затихал веселый праздник Холи. Ракиш Шарма сидел на своем любимом пятачке близ Тибетского базара, грелся на солнце, обсыхал и смотрел на белую стену дома, на которой кто-то совсем недавно, пока он стоял около отеля, написал краской огромными буквами всего два слова — «Наша Индия».

[1] Район Дели, где расположены богатые особняки.

КЛИКА — группа людей, объединившихся для достижения своих корыстных, авантюристических и преступных целей (например, фашистская клика, придворная клика).

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ — автор обзора по экономическим, политическим и другим вопросам, выступающий в газете, журнале, на радио, телевидении.

В. РЫБИН

ЭКРАН ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Апрельское солнце неистово сушило мокрый весенний асфальт. Было жарко и душно.

Только что закончились уроки в 6 «Б», и Алеша Голубкин, на ходу размахивая портфелем и пугая воробьев на тротуаре, быстро шагал домой. Пуговицы его рубашки расстегнулись до пояса, галстук сбился, пиджак топорщился на спине, как колючки у ерша, и сам он весь был похож на ерша, готового уколоть в любую минуту.

Последнее время с Алешей творилось что-то неладное. То он перепутал день и принес в школу не те учебники, то с ним отказался дружить лучший в классе спортсмен Генка Смирнов, то мальчишки не приняли в футбольную команду... Вот даже сейчас, когда Алеша спешит домой, на его пути вдруг появляется черная кошка. Она выскочила из подворотни и нацелилась перебежать дорогу.

— Куда?! — Голубкин замахнулся на нее портфелем. Но было уже поздно. Кошка стрелой проскользнула прямо под ногами Алеши. Голубкин хотел было запустить в нее портфелем, но передумал: надо торопиться. Сегодня или никогда! Момент самый благоприятный. Отец — в командировке, мать вернется с работы поздно, брат уехал на выставку научно-технического творчества. «Сегодня или никогда!» — еще раз подумал Алеша.

Вот уже месяц он ждал дня, когда сможет испытать действие загадочного ЭПВ — Экрана Прошедшего Времени. Прибор изобрел старший брат Андрей, студент политехнического института. Полгода носился Андрей с ЭПВ, недоедал, недосыпал, похудел и осунулся. И вот наконец Экран Прошедшего Времени готов. Прибор позволял проецировать на специальном экране любой, по усмотрению испытуемого, период из его прошлой жизни. Для этого надо лишь вставить обычный лист бумаги с отпечатками пальцев в специальную прорезь, сфокусировать импульсатором свое лицо, переключить регулятор времени и... пожалуйста, любуйся собой на экране, смотри, каким ты был пять, шесть, десять лет назад.

Или в прошлом году, или на прошлой неделе... Оригинальнейший прибор! Андрей и раньше изобретал всякие занимательные штучки, но все они не шли в сравнение с ЭПВ.

Алеша днями напролет наблюдал, как брат, разложив по всей комнате схемы и инструменты, что-то паял, резал, соединял. Он даже кое в чем помогал Андрею. Но вот беда — в день испытания прибора, месяц назад, тот выставил Голубкина-младшего за дверь, закрылся на ключ и на слезные просьбы Алеши показать работу ЭПВ не откликнулся. Вышел брат через полчаса, какой-то смущенный, даже немного печальный.

— Что, не работает? — настороженно спросил Алеша, стараясь сквозь полураскрытую дверь рассмотреть ЭПВ.

— Работает. Да еще как!

— А почему не пляшешь?

— С чего это? — удивился Андрей.

— Ну, от радости, что получилось. Все ученые пляшут, когда что-нибудь изобретут или сделают открытие.

Брат ничего не ответил. И вот тогда Алеша решил во что бы то ни стало испытать ЭПВ на себе. Вдруг прибор подскажет, почему Голубкин такой невезучий?!

...Дверь долго не открывалась. Наконец щелкнул входной замок, и Алеша вбежал в прихожую. Портфель полетел под вешалку, ботинки — в угол, пиджак — на стул. Быстрей! Быстрей! Завтра будет поздно: прибор могут забрать на выставку.

— Та-а-к, где-то здесь был ключ, — вспоминал Алеша, обшаривая нижний ящик серванта. — Ага, вот он!

С тех пор, как Андрей изобрел ЭПВ, он стал закрывать свою комнату на ключ. От посторонних. И первым среди посторонних, конечно же, значился Голубкин-младший. Но Алеше удалось подсмотреть, куда Андрей прятал ключ. И теперь войти в комнату брата не составляло никакого труда.

В комнате было сумрачно и прохладно. Сквозь темную занавеску пробивался бледный луч света и падал на металлический хлам в большом фанерном ящике. В углу, на столе, рядом с книжным шкафом стоял ЭПВ. Он напоминал телевизор. Вот только всяких кнопок, рычагов и тумблеров на щитке управления ЭПВ было больше, чем у обычного телевизора.

Немного робея, Алеша тщательно осмотрел со всех сторон прибор, сел за стол и принялся изучать надписи на щитке управления.

Разобраться в системе включения ЭПВ оказалось делом нехитрым. Он достал чистый лист бумаги, обмакнул лежащую на столе кисточку в банку с тушью и помазал ею кончики пальцев. Затем приложил каждый палец к бумажному листу так, чтобы остались рельефные отпечатки. Теперь этот лист нужно опустить в прорезь. Где она? Нашел! Алеша включил питание от электросети, навел глазок импульсатора на лицо и начал поворачивать рычаг «Давность».

Рычаг плохо поддавался.

— А-а, чем больше срок давности, тем труднее переключать... — догадался Алеша. — Так, еще-е-е. Все. Больше не могу.

Указатель срока давности застыл на отметке «8» — то есть восемь лет. Как ни старался Голубкин опустить указатель ниже, ничего не получилось. Не хватало сил.

— Ну и ладно, — решил он. — Начнем с восьми лет... — И нажал кнопку «Экран».

В приборе что-то глухо щелкнуло, и тотчас замысловатыми волнами засветился экран. Волны постепенно увеличивали амплитуду колебания, и вдруг на экране появилось изображение комнаты: стол, тумбочка у двери, диван, на стене — ковер... Ба! Да это же их спальня!

В углу на диване под толстым ватным одеялом лежит Алеша. Глаза закрыты, щеки горят нездоровым румянцем, лоб прикрыт мохнатым белым полотенцем... Рядом с градусником в руке сидит мама. Ее влажные от слез, усталые глаза смотрят куда-то в черно-синее окно. Неяркий свет от настольной лам-

пы выхватывает из ночного мрака мамины руки — худые, но такие выносливые...

Увиденное потрясло мальчика.

— Ну и Андрей, ну и молодец! Это ж надо такое придумать!..

Другая картина: Алеше уже лучше, он бегает по комнате, играет с котом Филькой.

Но вот экранный Алеша насторожился, замер на мгновение и бросился к дивану, под одеяло. В комнату входит мама. Она что-то говорит, засовывая ему градусник под руку, показывает на учебники...

— А-а, наставляет, чтобы читал учебник...

Мама уходит. Мальчик на экране лениво листает книгу... Что там? Опять правила по грамматике? Надоели эти правила!..

Новый кадр: книга летит на пол. Алеша, настороженно поглядывая на дверь, вытаскивает градусник из-под одеяла и... опускает его в стакан с горячим чаем. Фокус удался! Мама озабоченно мечется по комнате, закрывает форточку, накидывает на сына еще одно одеяло, заглядывает в рот и ощупывает горло Алеши. Температура опять поднялась! Беда!

— Вот так дела! — замер над экраном Алеша.— Неужели это было? Не помню...

Голубкин попытался переключить рычаг «Давность», но не тут-то было.

— Реле времени! — вспомнил он.— Картина будет длиться ровно запрограммированные десять минут... Хочешь не хочешь, а придется смотреть.

Наконец десять минут истекли. Алеша взялся за рычаг, повернул его в обратную сторону — теперь особых усилий не требовалось,— и установил указатель на отметке «12». Ему двенадцать лет. Он — ученик пятого класса...

На экране зима, заснеженный лес, группа ребят с лыжами в спортивной форме и с номерами на спине...

— Это же урок физкультуры,— вспомнил Алеша.— Лыжный кросс на два километра, на время...

Мальчишки выстроились цепочкой один за другим, девчонки в стороне — они пока «болеют». На дистанцию уходит первый лыжник, второй, третий... Дошла очередь и до Голубкина. Взмах флажком, и Алеша срывается с места... Быстрей, быстрей, еще быстрей! Лыжи предательски отдают назад: поленился смазать. Но Голубкин рвется вперед. Спуск, подъем, поворот за кустом орешника... Алеша отстает. Еще немного — и он наверняка уложится в зачетное время. Но что это? Алеша вдруг останавливается, смотрит влево, вправо и, не замечая поблизости ребят, сходит с лыжни и устремляется наперерез ушедшим вперед мальчишкам. Ловко он их провел — почти полкилометра срезал!

А вот другая сцена, после финиша. Возмущенные ребята обступили Алешу и что-то кричат ему. И больше других возмущен Генка Смирнов, лучший в классе лыжник: как это Голубкин умудрился финишировать первым?!.

Алеша закрывает глаза, чтобы не видеть продолжения сцены...

Еще кадр: мальчишки бегут по школьному коридору на улицу. В руках у Алеши футбольный мяч.

— Это опять физкультура, только на стадионе... в мае,— вспомнил Голубкин.

Алешу обгоняет Колька Чижов, их вратарь, и что-то кричит ему. Алеша останавливается, отрицательно качает головой. Колька уговаривает, размахивает руками...

— А-а,— насупился Алеша,— это когда я ему по воротам бил... «Ударь! — просит Чижов, пританцовывая в распахнутых настежь дверях коридора.— Ну ударь, не бойся!»

Алеша не выдерживает. Ставит на пол мяч, разбегается и... звон разбитого окна сливается с огорченным воплем окруживших Голубкина мальчишек: «Мазила!» Алеша потрясен. Как же так?! С восьми шагов, по таким воротам и... промазать!

А к Голубкину уже спешит завуч Елена Львовна.

«Это Чижов меня заставил, вон тот, белобрысый...— смущенно оправдывается Алеша.— Я не хотел...»

«Предатель! — вопит возмущенный Колька.— Ты сам пнул, мазила! А еще нападающий нашей сборной!..»

В следующем кадре появляется кабинет математики.

— Неужели и контрольную ЭПВ помнит?! — В глазах Алеши появился страх.— Это же такая мелочь...

На переднем плане показалось бледное, усталое лицо математички Анны Петровны. Она что-то объясняет ребятам, изредка кивая на доску. А на доске большими буквами выведено: «Контрольная работа. 2 часа».

Еще кадр: Алеша лихорадочно подсчитывает что-то на клочке бумаги и тут же записывает ответ в тетрадь. Решен один пример, второй... Кажется, и задача получается... «Скорее, скорее...— подгоняет себя Алеша.— Успею и фильм по телевизору посмотреть...»

— Какой же фильм тогда шел? «Чапаев»? А может, «Мы из Кронштадта»? Нет, кажется, многосерийный, приключенческий...

«Все, решил!» — экранный Голубкин спешит отдать контрольную Анне Петровне.

Учительница удивлена, никак не ожидала от Алеши такой прыти.

«Неужели решил? За один час?..»

«За один час!» — радостно кивает мальчик.

«А проверил?»

«Проверил!»

И вот тетрадь на столе, а Голубкин, расталкивая прохожих, несется по улице домой. А на следующий день... вспомнить стыдно! Пятнадцать ошибок и жирная красная двойка!

Новый кадр. На экране — Андрей. В руках у него — паяльник, провода. На столе — какой-то невзрачный прибор... Алеша рядом, держит моток изоляционной ленты.

— Это Андрей ремонтирует динамик,— вспомнил Голубкин-младший недавний случай с радиоприемником и покраснел. Приемник тот долго не работал. Вообще он был старый, но мама почему-то хранила его, наверное, потому, что это был подарок отца. Мама не раз просила Андрея починить приемник. Наконец Андрей занялся им. Припаяв в динамике отлетевший контакт, брат попросил Алешу включить приемник. Алеша включил, да только вместо розетки радиосети угодил в электросеть... В приемнике, помнится, что-то угрожающе загудело, и с тех пор он безнадежно молчит.

Как же оплошал тогда Алеша? Опять поторопился?..

Голубкин уже не пытался переключать временной регулятор. Рассеянным взглядом смотрел на экран и думал о своем. Настроение упало. Недолгое изумление увиденным сменялось то раздражением, то жалостью к себе. Но и раздражение, и жалость, чувствовал Алеша, уходили куда-то в сторону. А на смену им зрело недовольство собой, своей бестолковой прошлой жизнью... Сколько же нелепого произошло с ним за эти годы... Сколько огорчений из-за его дурного характера пережили мать, учителя, друзья... Алеша ухмыльнулся: а ЭПВ-то хитер, не показывает «примерную» жизнь — были же у него и удачные дни! И пятерки получал, и на субботнике металлолома больше других собрал, и хорошее изложение написал в первой четверти... Почему прибор вспоминает только его промахи? А может, их так много, что и вспоминать больше нечего?!

— Да я же сам хотел узнать, отчего мне не везет,— спохватился Алеша, и новая догадка ошеломила его:

— Значит, ЭПВ и мысли читает?! На расстоянии!.. Точно! Вот почему Андрей вышел смущенным из своей комнаты, когда впервые испытал прибор — ЭПВ превзошел его расче-

Рисунки Д. БАРАБАША.

ты, сам отбирал кадры из прошлой жизни. Читал мысли и отбирал!..

Алеша выключил прибор и несколько минут сидел не шелохнувшись.

— Все! Хватит! — решил Алеша.— Надо самому браться за свое воспитание! Взялся же за себя Андрей — сам не раз говорил. Взялся, и вот результат: ЭПВ, выставка, без пяти минут инженер... И друзей у Андрея полно, и мама на него никогда не сердится...

Алеша закрыл комнату брата и прошел к своему столу. Достал ручку, лист бумаги. Долго смотрел поверх листа, наконец вывел посередине:

ПЛАН ПЕРЕВОСПИТАНИЯ
АЛЕКСЕЯ ГОЛУБКИНА.

Тут он остановился, задумался, взглянул на свои вещи, разбросанные повсюду, отложил «ПЛАН» и принялся убирать комнату.

Прошел час. В прихожей треснул звонок — вернулась с работы мама. В правой руке она держала, как обычно, большую сетку с продуктами, в левой — газеты и сумочку.

— Я помогу,— засуетился Алеша.

— Да я сама, сынок,— мама шагнула в прихожую, пытаясь локтем захлопнуть дверь.

— Нет-нет.

Алеша внес на кухню сетку и аккуратно выложил продукты.

— Хлеба еще забыла купить...

— Я сейчас сбегаю. А потом мы вместе будем готовить ужин, хорошо?

— Хорошо, Алеша,— мать пристально посмотрела на сына.— Что-то я тебя не узнаю сегодня...

Я — за дискотеку!

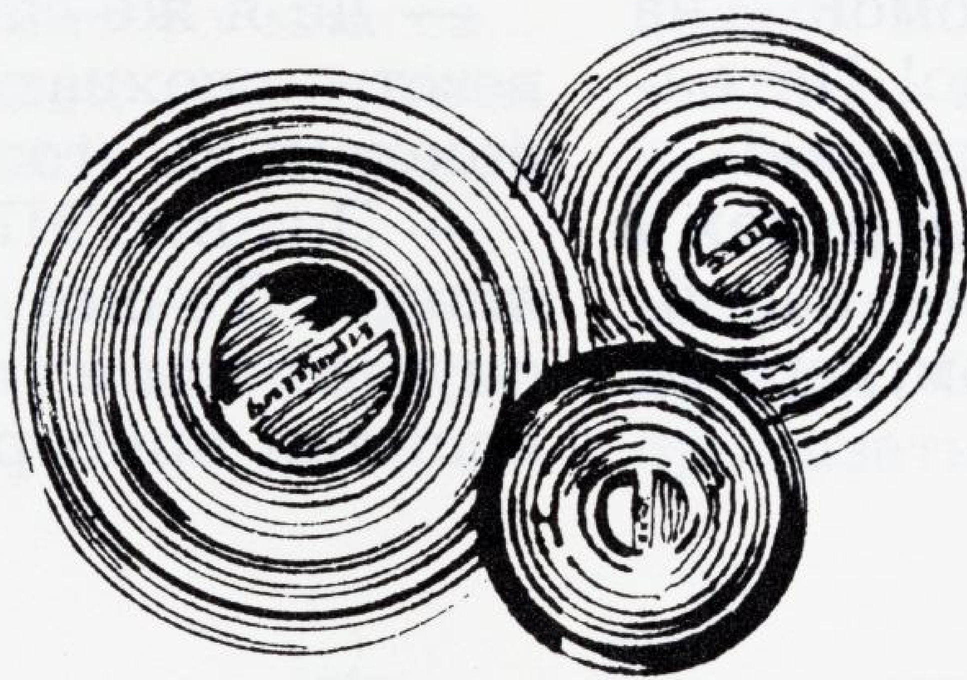
В нашей школе у старшеклассников часто бывают дискотеки. И однажды наш шестой класс на Новый год попал на такую дискотеку. Актовый зал был увешан гирляндами и шарами. Ведущие рассказывали о популярных ансамблях, и каждый из зала мог дополнить. Потом прошла небольшая викторина: ребята называли участников ансамблей и песни, которые они исполняют. Танцевали мы под музыку тех ансамблей, о которых только что услышали.

Дискотека нам очень понравилась. Теперь мы уже не просто так слушаем музыку, а интересуемся, кто ее исполняет, чем знаменит этот коллектив музыкантов.

Сейчас мы проводим и классные дискотеки. Покупаешь пластинку и думаешь: а вдруг пригодится для дискотеки? Поговоришь с товарищами. Если многие ею заинтересуются, нескольким ребятам поручаем узнать как можно больше об этом ансамбле и рассказать о нем всем. Иногда мы не можем достать магнитофон в школе, тогда приносим его из дома.

Я желаю всем большого успеха в проведении дискотек.

Т. ЕРМОЛАЕВА,
г. Киев.

«Свет мой зеркальце, скажи...»

Прочитала вашу статью о доброте в журнале «Пионер» № 6 и почему-то захотелось написать. Наверное, потому, что мне сейчас очень плохо и я не знаю, что делать. Я не верю теперь в доброту. Мне так трудно одной. А ведь недавно все было хорошо.

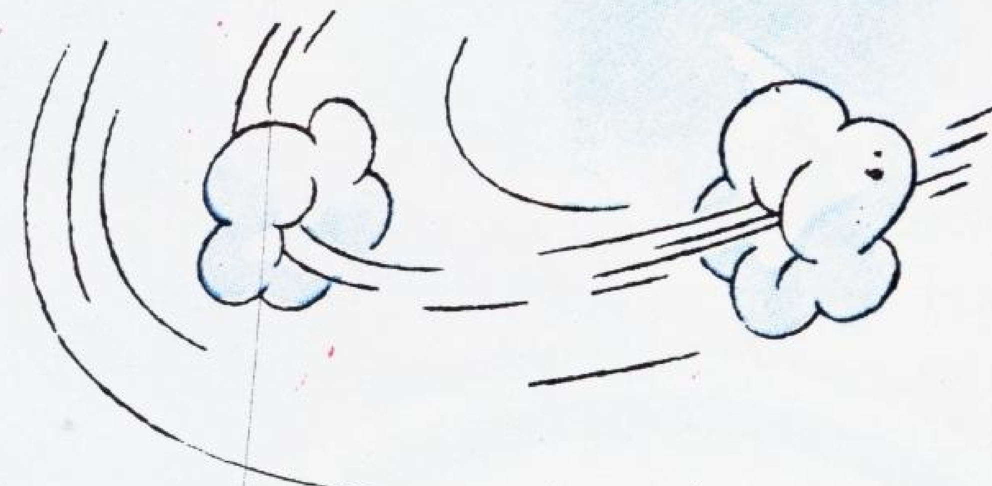
Я потеряла подругу. Я никогда не думала, что она сможет так поступить. Когда-то мы дружили вчетвером и были неразлучны. Потом одна из нас, Марина, уехала. Как нам было жалко с ней расставаться! Нас осталось трое: Аня, Валя и я. Мы дружили по-прежнему. И вдруг произошла ссора. Валя зашла как-то в субботу ко мне и позвала на школьный вечер. Я удивилась, почему нет Ани. Валя ответила, что Аня не хочет идти со мной: ей стыдно, что я некрасивая. Как только мы пришли, я сразу посмотрелась в зеркало. Я же не уродина, многие называют меня симпатичной. Мне стало так плохо! Я хотела зареветь, но удержалась, с вечера не сбежала, даже улыбаться себя заставила, чтобы Вале не портить настроения. Потом появилась Аня. Она не замечала нас с Валей. Валя очень рассердилась на Аню, она сказала, что больше не будет дружить с Аней. А я подумала: а может, Аня сказала правду и не надо расстраиваться? Сказать правду — это ведь не предать. Но Аня говорила с Валей, а не со мной. Это жестоко. Я бы так ни с кем не могла поступить. Неужели любят и дружат только с хорошенькими и красивыми? Какое счастье, когда ты кому-то нужен.

Я плакала уже потом, после вечера, дома. Мама позвала меня есть, и я поняла, как хорошо, что у меня такая мама и я кому-то нужна. И все равно мне плохо, потому что я потеряла подругу.

К. С.,
Красноярский край.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Это какое течение?

Ученик. Это Северо-Атлантическое течение, по которому путешествовал Гольфстрим.

Лариса Лих,
Алма-Атинская область.

* * *

Учитель. Что такое атмосфера?

Ученик. Атмосфера — это где люди летают вверх ногами.

Света Ербатырова,
Северо-Казахстанская область.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Назови синонимы к слову «желтый».

Ученик. Лимон, апельсин, мандарин.

Юля Воротникова,
г. Москва.

* * *

Учительница. От чего произошло причастие «жарившийся»?

Ученик. От картошки.

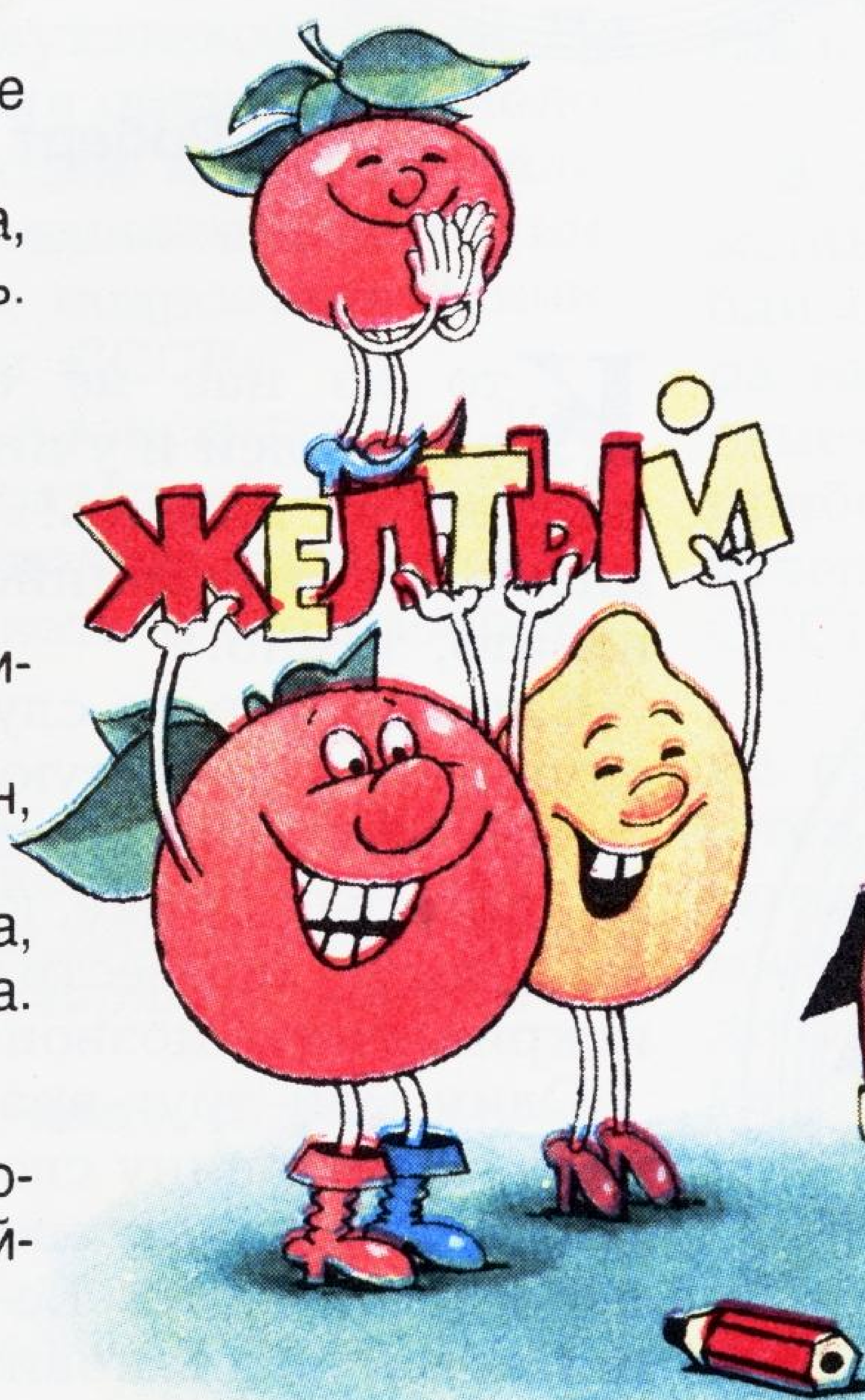
Максим Алексеев,
г. Магнитогорск.

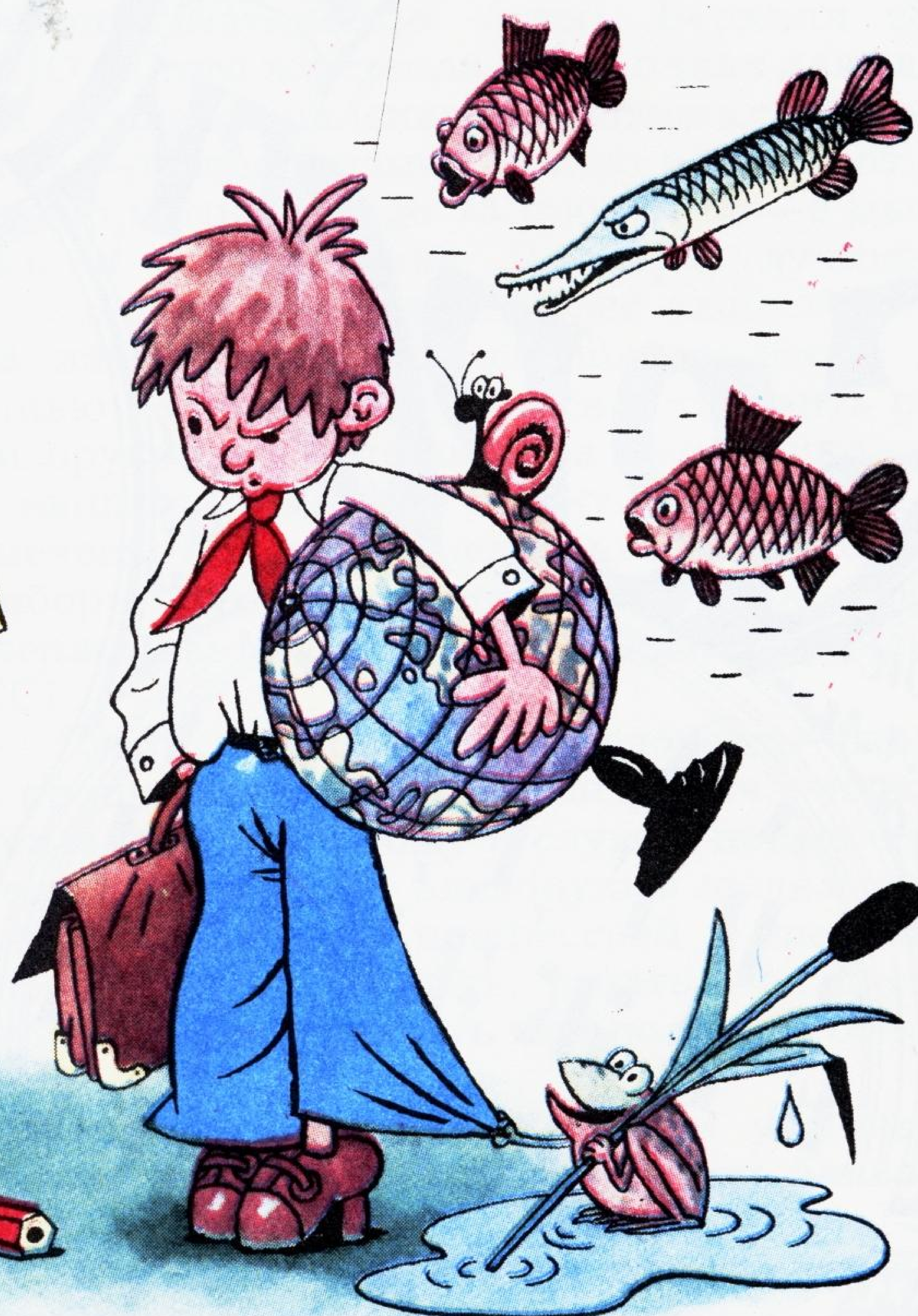
НА УРОКЕ ФИЗИКИ

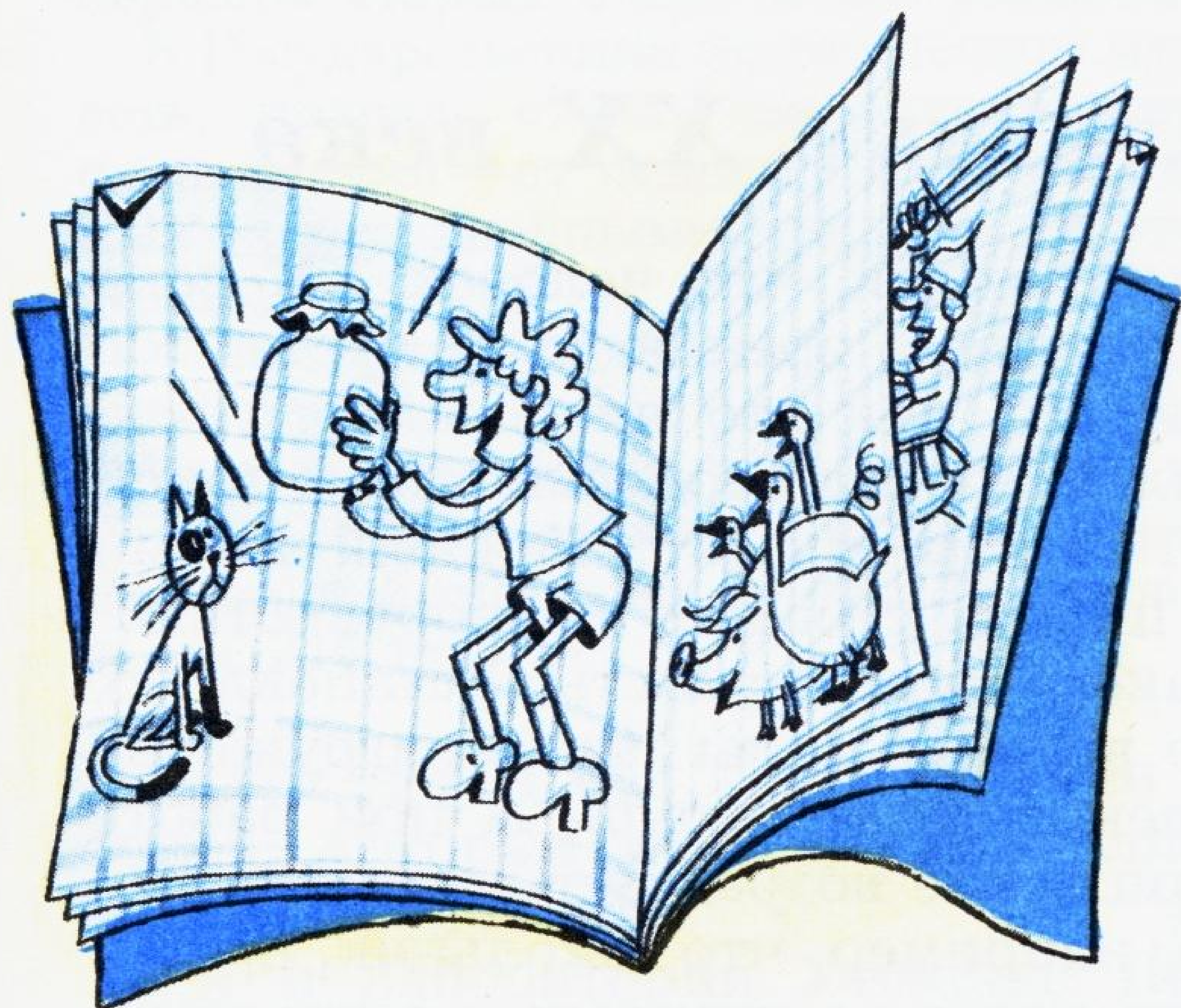
Учитель. Что такое скорость?

Ученик. Это когда машина едет быстро-быстро...

А. Зацерклянный,
г. Николаев.

Из школьных сочинений

«Когда мама ушла на работу, я убрал всю кухню и разбил варенье».

«Борис, выйдя к хутору, услышал гогот гусей, хрюканье свиней и крышу старого дома».

«В честь битвы на Неве Александра Македонского прозвали Невским».

«Мысли как назло не хотели думать».

«Над нами светило солнце и безоблачные облака».

«Иванушка рос не по дням, а по ночам».

«Он вынул из норы свою усатую мордочку».

«Нечто важное залезло на крышу».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА.

Береги глаза смолоду!

Роберт БАБЛОЯН

Кто из нас не слышал частые наказы родителей и учителей: «Паша, с книгой в постель не ложись!», «Саша, когда пишешь, низко не наклоняйся!», «Маша, перестань вязать, темно!»

Слышим — и не слушаемся, делаем вид, что слушаем, а зачастую попросту не слышим. А между тем уже с юных лет возникают привычки, которые позже, когда мы станем взрослыми, могут привести к болезням: сутулости, искривлению позвоночника, близорукости.

Один мой друг-врач как-то сказал мне: «В первую половину своей жизни человек постоянно разрушает свое здоровье: недосыпает, переедает, курит. Во вторую половину жизни пытается восстановить его: принимает лекарства, обращается к врачам. Но подорвать здоровье гораздо легче, чем восстановить».

«Болезнь» XX века

Ученые подсчитали, что человек XX века получает с помощью зрения до 95 процентов информации. Но, как это ни досадно, глаза наши оказались неподготовленными к такой нагрузке. И вот результат: каждый пятый выпускник школы страдает близорукостью.

Что это такое — близорукость? Установлено, что меньше всего мышцы глаза нагружены, когда человек смотрит вдаль. А при работе вблизи напряжение возрастает во много раз. Подсчитано, например, что школьник, проведя несколько часов за книгами и тетрадями,

нагружает мышцы глаз в такой же степени, как нагрузил бы мышцы рук, поднимая штангу! Оказывается, чем ближе предмет, тем больше напрягаются мышцы, округляющие хрусталик, и мышцы, которые двигают глаз.

Постепенно глаз приспосабливается к такой нагрузке, но за это мы расплачиваемся тем, что начинаем хуже видеть вдаль. Человек становится близоруким.

Так что же, цивилизация и прогресс — враги нашего здоровья, нашего зрения?

— Да,— утверждают некоторые офтальмологи (специалисты по глазным болезням),— близорукость — особенность XX века, а для XXI века — неизбежность.

Где же выход из положения?

Я иду к человеку, который утверждает, что с близорукостью нужно и можно бороться. Более того, вот уже много лет он успешно занимается восстановлением зрения у детей.

Очки, которые лечат

В Москве, на Петровском бульваре, в небольшом дворике стоит двухэтажный дом. На нем вывеска: «Лаборатория оптико-физиологических методов коррекции и восстановления зрения Научно-исследовательского института гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР».

Здесь и работает Юрий Александрович Утехин — заведующий лабораторией, кандидат технических наук, автор нового изобретения.

Но прежде чем рассказать о его изобретении, немного фактов.

В нашей стране около 50 миллионов близоруких людей, миллионы из них носят очки. В других развитых странах тоже в среднем каждый пятый носит очки. А в Японии, например, носит очки каждый третий студент.

Интересно, а есть ли на свете коллекционеры очков?

В Братиславе я видел необычный музей часов. Мне даже пластинку подарили с записями музыкального боя часов самых разных видов, форм и времен.

Вот бы создать у нас специальный музей очков Собрать бы в одном месте все сохранившиеся образцы старых очков и все сведения о них!

В Государственном историческом музее в Москве есть, правда, стенд, где можно увидеть самые разные очки — от пенсне и моноклей до современных очков с двойными стеклами. Но это всего лишь стенд...

— А кто изобрел очки? — возможно, возникнет у вас вопрос.

Имя изобретателя известно. Жил и умер он в Италии. В эпитафии сказано: «Здесь покоится Сальвино Армати, изобретатель очков». Рядом дата — «1317 год».

И вот через 660 лет изобретен новый тип очков, которые впервые позволили остановить близорукость.

...Я в лаборатории Утехина. Передо мной высокий, сухощавый, спортивного вида человек. Говорит четко, коротко, часто поглядывая на часы: пациенты ждут.

— Юрий Александрович, скажите, пожалуйста, в чем секрет вашего изобретения?

— Прежде всего следует сказать, что близорукость — это не болезнь, а в большинстве случаев лишь оптическая «настройка» глаза на близко расположенные предметы. Секрета из своего изобретения я не делаю. Моим методом оптического регулирования, «настройки» зрения уже пользуются врачи почти в тридцати городах страны. В основе метода — применение специального, нового вида очков. Вы уже знаете, что работа глаза на близком расстоянии вызывает напряжение определенных групп глазных мышц. И вот эту нагрузку мы перекладываем на оптику. Наши пациенты получают две пары очков: одни для дали, а другие — для работы вблизи. Мы сокращенно их назвали БСПО (бифокальные сферопризматические очки). Верхняя зона БСПО из того же стекла, что в очках для дали, а на нижнюю наклеиваются специальные элементы — сферопризмы. Они-то и снимают основную нагрузку — до 75 процентов — с мышц глаза и с хрусталика. По мере улучшения зрения очки меняют на более слабые.

В лаборатории мне сообщили, что с помощью новых очков удается остановить рост близорукости у большинства школьников, обратившихся к Ю. А. Утехину. Эти очки были отмечены бронзовой медалью ВДНХ СССР, и приборы для их изготовления и контроля утверждены Министерством здравоохранения СССР.

— Глаза современного человека,— сказал на прощание Юрий Александрович,— нуждаются в помощи. Этому и служат новые очки, которые позволяют близоруким людям заниматься выбранной профессией и любимым делом: читать, рисовать, вязать,— не рискуя увеличить близорукость или получить осложнения.

...Я рассказал лишь об одном ученом из многих, посвятивших себя лечению близорукости.

И все же, перефразируя старую русскую пословицу, можно сказать: человек — кузнец своего здоровья. И чем раньше он это поймет, тем лучше для него самого. Беречь глаза надо смолоду!

От редакции:

Лаборатория Ю. А. Утехина пока еще не может, к сожалению, принять всех желающих и обеспечить их новыми очками. Тем, кто хочет улучшить свое зрение, надо заниматься самостоятельно по методу «Зоркость», разработанному Ю. А. Утехиным. Познакомиться с его советами можно в журналах «Физкультура и спорт» № 2, 1979 г., № 12, 1980 г.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Фотография А. МИРУМЯНА

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ — ЗЕРКАЛО ПРОШЛОГО?

В последние годы самым увлекательным занятием астрономов был поиск черных дыр — таинственных небесных тел.

Если бы наше Солнце сжалось в шар радиусом всего в три километра, оно тоже превратилось бы в черную дыру. Солнце не излучало бы больше ни тепла, ни света, и на нашей Земле наступили бы мрак и холод. (Не пугайтесь, на самом деле с нашим Солнцем такого не случится. Только звезды-гиганты с массой вдвое больше Солнца или еще больше в конце своей жизни могут превратиться в черные дыры.)

Сила притяжения черной дыры настолько велика, что никакие тела, даже свет, не могут ее преодолеть и вылететь наружу. Черная дыра все притягивает и поглощает, а обратно не выпускает ничего. Со стороны такое тело действительно выглядит совершенно черным.

Существование черных дыр предсказал еще в 1798 году французский астроном, физик и математик П. С. Лаплас. И даже получил правильную формулу для вычисления их радиуса. А сложная и красивая теория тяготения А. Эйнштейна, созданная в начале XX века, открыла удивительные особенности таких тел.

Одна из особенностей: вблизи черной дыры происходит замедление времени. Для того, кто падает в черную дыру, и для внешнего наблюдателя картина падения будет выглядеть совершенно по-разному. Для наблюдателя со стороны течение времени по мере приближения тела к черной дыре замедляется, и падение тела в черную дыру, с его точки зрения, будет продолжаться бесконечно долго. С точки зрения же падающего в черную дыру, падение займет всего лишь полчаса. В момент пересечения радиуса черной дыры скорость падающего достигнет скорости света и... Никто не знает, что будет дальше.

Некоторые теоретики предсказывают, что падающий начнет догонять лучи света, упавшие в черную дыру раньше него, и таким образом он увидит все прошлое нашей Вселенной. Другие идут еще дальше и предполагают, что черная дыра другим концом выходит в другую Вселенную. По мнению этих ученых, наша Вселенная не единственная, и черные дыры являются как бы переходами из одной Вселенной в другую.

Все эти догадки выглядят очень интересно, но остаются догадками. А существуют ли черные дыры на самом деле? Пытаться обнаружить на небе совершенно черное пятнышко — безнадежное занятие: размер черной дыры — несколько километров — ничтожно мал для межзвездных расстояний, да и атмосфера Земли мешает вести наблюдения.

Советские ученые академик Я. Б. Зельдович и доктор физико-математических наук Р. А. Сюняев предложили хитрый способ: искать такие случаи, когда черная дыра существует не сама по себе, а входит в двойную систему с какой-нибудь обыкновенной звездой. Двойных звезд, вращающихся вокруг друг друга на небольшом расстоянии, на небе очень много. Если на месте одной из этих звезд окажется черная дыра, она своим чудовищным полем тяготения начнет вытягивать вещество из звезды-соседки. Во время падения на черную дыру вещество раскалится до миллиардов градусов и начнет ярко светиться. Энергия свечения при такой температуре в основном сосредоточена в рентгеновских лучах. Из-за вращения звезд с Земли свечение будет казаться мерцающим.

Значит, на небе надо искать источники свечения в рентгеновских лучах, и притом периодически меняющие свою яркость.

Земная атмосфера задерживает рентгеновские лучи. Такие поиски стали возможны

только с запуском искусственных спутников. На спутниках установили рентгеновские телескопы, и вскоре было обнаружено около десятка таких источников свечения. Самый интересный из них — Лебедь-Х-1 (источник Х-лучей № 1 в созвездии Лебедя). Он находится на расстоянии 6000 световых лет от Земли, светится в рентгеновских лучах и меняет яркость с периодом 5,6 суток. Направили туда обычный оптический телескоп с Земли и обнаружили двойную звезду, у которой виден только один компонент — обыкновенная, не яркая звездочка. Изучили ее движение — оказалось, она кружится вокруг какого-то невидимого тела. Неужели черная дыра?

Услышав об открытии этого объекта, теоретики подсчитали, что при таком тесном расположении звезд поле тяготения черной дыры должно не только вытягивать вещество из звезды-соседки и вызывать его свечение в рентгеновских лучах, но еще и деформировать саму звезду так, что она станет похожей на огурец, вытянутый в сторону черной дыры. При вращении вокруг черной дыры этот «огурец» поворачивается к Земле то своей длинной стороной, то короткой, от этого и мерцание звезды.

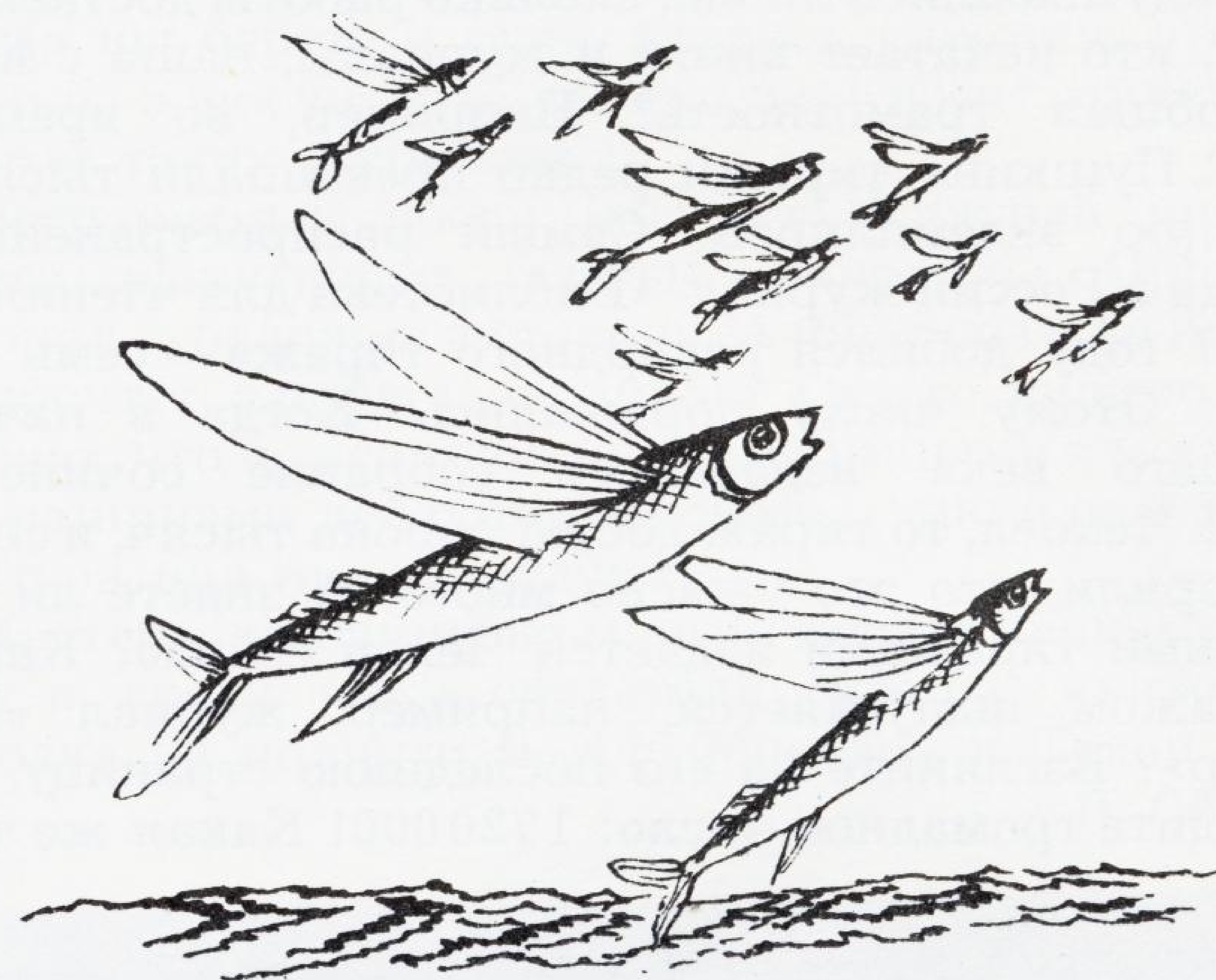
Ученые Крымской обсерватории проследили за изменением яркости звезды. Оказалось, все действительно так и есть. Яркость меняется! Была открыта первая черная дыра!

Жаль только, что расположена она далековато от Земли. Но, может быть, удастся найти черные дыры и поближе.

Г. ВОРОНОВ,
кандидат физико-математических наук

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Пролетела стайка рыб

«Я много слышал о летающих рыбах. Где они водятся? Зачем им крылья? Занесены ли они в Красную книгу?»

Саша ШАШКОВ, 3-й класс,
пос. Рыркайний, Магаданская область.

Летающие, а точнее, летучие, рыбы водятся в тропиках и субтропиках Атлантического, Индийского и Тихого океанов. В наших, более северных водах их нет — только изредка попадаются они на юге Дальнего Востока, в заливе Петра Великого.

Рыбка эта очень интересная. Она небольшая — до 45 сантиметров. Боковые плавники у нее длинные и могут растопыриваться, как крылья. Когда за рыбкой гонится какой-нибудь хищник, она выпрыгивает из воды, расправляет «крылья» и некоторое время парит в воздухе — точь-в-точь как бумажный «голубь». В конце концов, пролетев довольно далеко — до 150 метров,— она опять падает в воду, но к этому времени хищник теряет ее из виду.

Чтобы пролететь как можно дальше, рыбка применяет хитрую технику взлета. Перед «стартом» она высовывает из воды все тело и начинает усиленно работать хвостом — как настоящий гидросамолет. К моменту взлета рыбка разгоняется до скорости 18—20 метров в секунду и поднимается в воздух иногда на 10-метровую высоту.

Правда, так высоко летучие рыбы забираются редко, обычно они скользят над водой на высоте не больше метра.

Особой редкости летучие рыбы не представляют — в тропических морях они то и дело встречаются целыми стайками. Промыслового значения они не имеют. Да и как ловить такую рыбу, которой ничего не стоит упорхнуть из сети?..

А. ДМИТРИЕВ

Птицы видят ультрафиолетовый свет.

* * *

При ходьбе бо́льшая часть энергии расходуется на переставление ног.

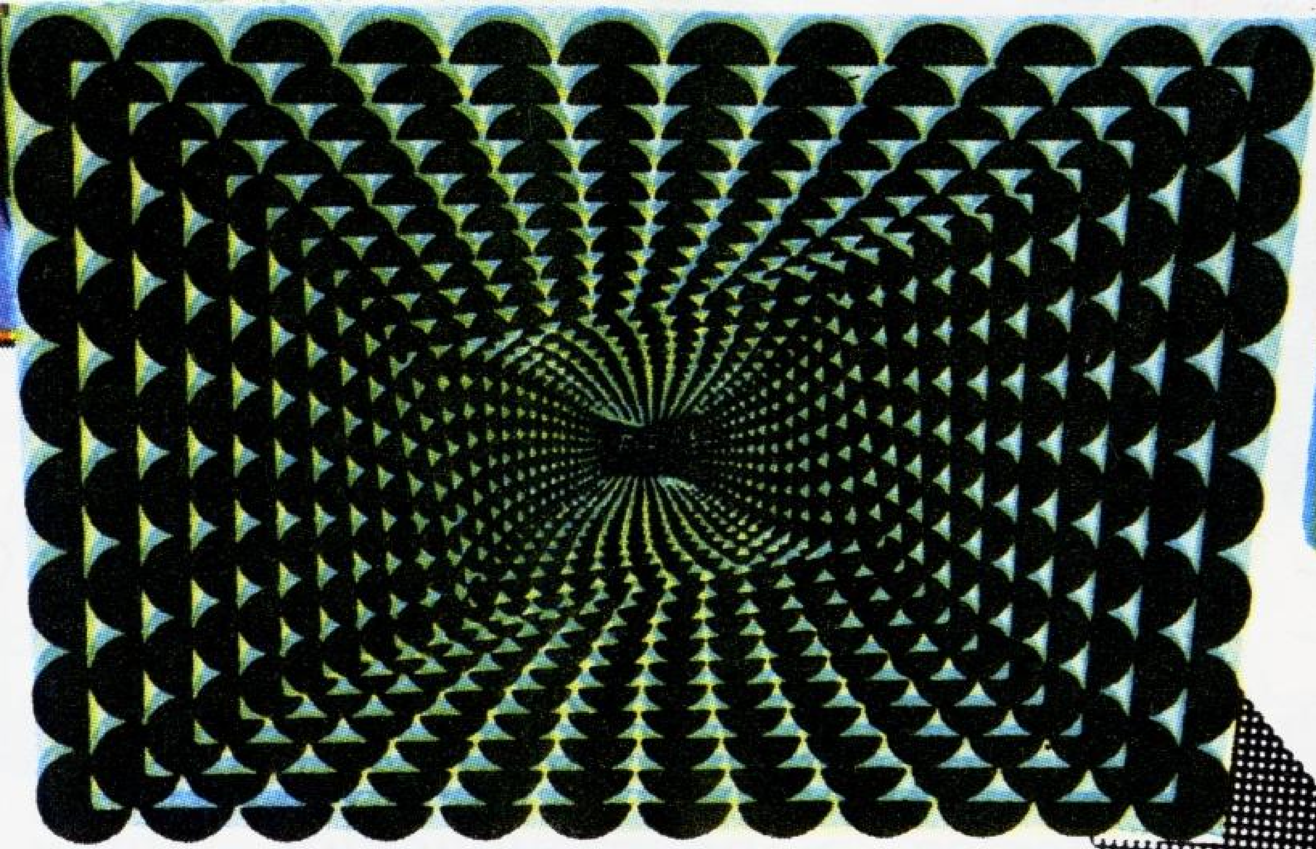
* * *

34 миллиона лет назад у Земли было такое же кольцо, как и у Сатурна.

* * *

Выведены бактерии, способные удалять из нефти серу.

ГДЕ ЧТО — МЫ БЫЛИ, МЫ ВИДЕЛИ

КНИЖНЫЙ ГОРОДОК

Когда-то здесь была маленькая железнодорожная станция Лопасня. Невдалеке от нее, в деревне Мелихово, долгое время жил великий русский писатель А. П. Чехов. Теперь бывшая Лопасня — это целый город, и новое название — Чехов — подходит к нему как нельзя удачнее. Не только из-за близости Мелихова, но и потому, что расположился здесь крупнейший в Московской области полиграфический комбинат. Счет книгам, журналам, вывозимым отсюда, идет на миллионы. И, конечно, законная доля этих миллионов достается сочинениям «хозяина» книжного городка, Антона Павловича Чехова.

Задумывались ли вы, сколько работы доставляет тем, кто печатает книги и журналы, наша с вами всеобщая грамотность? Например, во времена А. С. Пушкина тиражи редко превышали тысячу-другую экземпляров. Самый распространенный тогда в России журнал «Библиотека для чтения» в 1837 году добился рекордного тиража — семь тысяч. Этому числу поражались. Когда в начале нашего века издавалось собрание сочинений А. П. Чехова, то тираж достиг сорока тысяч, и снова говорили, что это ужасно много. А знаете ли вы, какими тиражами издается Чехов сейчас? Каким тиражом выпускается, например, журнал «Пионер»? Взгляните на его последнюю страницу. Вы увидите громадное число: 1720000! Какая же техника нужна, чтобы успеть напечатать столько экземпляров каждый месяц?

Чтобы посмотреть на такую технику, я и поехал в Чехов. Первое, в чем я убедился: многое в полиграфическом деле сохранило свои названия только по традиции. Например, называется рабочий наборщиком, а на самом деле ничего он не набирает. Это когда-то стоял человек, вытаскивал из кассы по одной буковке (литере), набирал из них на доске-верстатке строчки, а затем и страницы. Вот и назывался наборщиком. А нынешний наборщик просто печатает (и печатает очень быстро) на какой-то невиданной пишущей машинке, из которой выходят не странички, а лента с дырочками. Эти дырочки — условный код, по нему фотонаборный автомат с огромной быстротой переносит текст на фотопленку — создает негативное изображение журнальной страницы. Потом из пленок монтируют листы. С них изображение переносят на валы — громадные цилиндры из полированного металла. А уж потом машина оттискивает все, что изображено на валах, на бумагу.

Машину называют машиной, видимо, тоже только по традиции. Когда слышишь это слово, представляешь себе автомобиль, ну, паровоз. В крайнем случае самолет. А это сооружение размером с хороший трехэтажный дом хочется назвать как-нибудь по-другому. В помещение обычного цеха эта

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Ложка борща и... сода, мыло, зола

Что может быть вкуснее огненно-красного ароматного борща! Ты готов съесть всю тарелку да еще и добавки попросить. Но оставь все-таки одну ложку и сделай простой опыт.

Вылей ложку борща на блюдце и добавь немного питьевой соды. Ты увидишь, что цвет борща изменился, стал фиолетово-синим. А теперь капни уксуса — и жидкость вновь станет красной. Кстати, когда мама готовила борщ, она наверняка добавляла в кастрюлю ложку уксуса, иначе борщ был бы хоть и вкусным, но некрасивым.

Что происходит с борщом, когда ты добавил в него соду, а потом уксус? Что в нем есть такого, что способно менять цвет? В борще есть мясо, свекла, морковка, лук, чеснок... Конечно, красный цвет ему придает свекла.

Поэтому возьми немного сырой свеклы, натри ее на терке, залей холодной водой, а спустя некоторое время отожми жидкость через марлю. Получится красный настой, который, как и борщ, будет менять цвет от соды и уксуса.

А только ли сода и уксус способны менять цвет свекольного настоя? Раствори в воде немного мыла (именно мыла, а не стирального порошка) и добавь его к красному настою — он посинеет. Посинеет он и в том случае, если к нему добавить немного воды, настоянной на печной золе — так называемом щелоке. А вот вернуть настою красный цвет можно не только с помощью уксуса, но и лимонного сока, и сока кислых антоновских яблок.

Итак, уксус, лимонная кислота и яблочный сок придают свекольному настою красный цвет; это значит, что у них есть что-то общее. Так же что-то общее есть и у соды, мыла и щелока, от которых свекольный настой синеет.

Что такое уксус? Это разбавленный раствор уксусной кислоты; в лимонном соке содержится лимонная кислота, а в яблочном соке — кислота яблочная. Значит, красный цвет свекольному настою придают все кислоты. Растворы же соды, мыла и щелока придают свекольному настою синий цвет, потому что все они обладают щелочными свойствами. Все кислоты — кислые на вкус, а все щелочи — мылкие на ощупь.

Но далеко не всегда кислоты и щелочи можно различать на вкус и на ощупь: для химика это слишком грубый метод, да и не все вещества можно пробовать. А вот с помощью свекольного

машина ни за что бы не влезла, и пришлось для них — таких сооружений на комбинате два — построить особое здание размером с небольшой крытый стадион. Эта громадина и делает самую главную работу, перенося слова, придуманные писателем, рисунки, созданные художником, на бумажные листы.

Кстати, знаете ли вы, что полиграфисты называют листом? Это не страничка журнала и даже не две. Машина, которую я видел, одним оборотом валов оттискивает два листа, а на каждом по 32 журнальные страницы. Широкая бумажная лента вылетает из-под валов, размещенных где-то под потолком, и устремляется вниз, как водопад. На лету этот поток как бы сжимается, складывается вдвое — и на стол послушно ложатся пачками готовые, еще теплые разноцветные листы.

Спросил я технолога Зою Петровну Пугачеву — она нам цех показывала,— с какой же скоростью печатает машина, а она поглядела на счетчик и отвечает: скорость средняя, тринадцать тысяч оттисков в час. Ну и ну! Сколько же, спрашиваю, выйдет, если она разгонится до предельной скорости? Зоя Петровна отвечает: до двадцати тысяч.

Чтобы журнал получился разноцветным, а не унылым, черно-белым, одно и то же изображение приходится оттискивать на бумаге не один раз, а четыре. Каждый раз другим цветом. И места, окрашенные по-разному, должны стыковаться друг с другом так, чтобы никто стыков не заметил. Легко ли это при такой колоссальной скорости! То бумага чуть-чуть подрастянется, то проскользнет — и все: брак. Зато когда она налажена как надо, то и миллионный тираж для нее не обуза: несколько дней работы — и готово. Остается сложить листы в тетрадки, склеить из них привычные для нас книжечки, упаковать их в пачки — и развозить журнал подписчикам.

На полиграфкомбинат ведет отдельная ветка железной дороги. Здесь расходуют столько бумаги, что другим способом ее не завезешь. Да и готовой продукции здесь получаются сотни и тысячи тонн. Когда вы берете в руки журнал, кажется, что он легкий, а посчитайте-ка, сколько весит миллион-другой таких журналов...

Неграмотных среди нас нет. Каждый читает книги, выписывает газеты и журналы. Прочтет журнал — отложит в сторону. А иной раз и до конца не прочтет, а порвет, запачкает. Оттого, видимо, так бывает, что не все знают, какими умными и могучими машинами делаются журналы, какие искусные мастера над ними колдуют.

Мастера, живущие во многих местах нашей страны, и среди них — обитатели Чехова, книжного городка на полпути между Москвой и Тулой.

П. САВКО

сока любую кислоту можно отличить от любой щелочи.

Вещества, меняющие свою окраску под действием кислот и щелочей, называются индикаторами. В свекле содержится красящее вещество — бетанин: оно и служит индикатором. Но как индикатор бетанин не очень удобен — он и неустойчив и малочувствителен. Поэтому в лабораториях в качестве индикаторов используются другие красители — как природные, так и искусственные.

С помощью индикаторов можно не только просто различать кислоты и щелочи, но и определять их количества. Ведь если к раствору, содержащему неизвестное количество кислоты и немного индикатора, добавлять по капле раствор, содержащий известное количество щелочи, то в какой-то момент щелочь как бы съест всю кислоту и от следующей капли щелочи цвет раствора резко изменится. Если же мы заметили, сколько щелочи мы добавили, можно вычислить и количество кислоты, которое содержалось в растворе.

Это одна из разновидностей химического анализа. Такой анализ используется в научных и заводских лабораториях.

Вот чему могут нас научить простые опыты с ложкой борща.

В. БАТРАКОВ

А ТЕПЕРЬ ПОСЧИТАЙТЕ САМИ

Задача Кирика Новгородца

Возможно, эта задача не покажется вам трудной, но решить ее полезно, чтобы понять, как далеко ушла вперед математика со времен средневековья. Условие задачи: сколько дней и часов прожил на свете человек, которому в 1136 году исполнилось 26 лет?

Решение ее историки нашли в рукописном трактате, созданном в том самом 1136 году древнерусским ученым монахом Кириком Новгородцем,— ему-то и исполнилось тогда 26 лет. По тем временам человек, который мог решать такие задачи, считался великим книжником и мудрецом.

А. В. МИТЯЕВ

Викторина, посвященная морякам-подводникам

Выучка и мужество советских моряков известны всему миру. Наши подводные лодки ходили подо льдами на Северный полюс. Группа атомных лодок совершила подводное кругосветное плавание.

Сегодня моряки-подводники охраняют мирный труд социалистической Родины. Мужеству, стойкости, героизму учатся они у моряков прежних поколений...

Издавна на флоте существует традиция — давать новым кораблям славные имена кораблей-ветеранов. Гордое имя родного корабля зовет молодых моряков исполнять воинский долг так же доблестно, как исполняли его моряки далеких лет.

Есть у нашего Военно-Морского Флота атомный ракетоносец «Красногвардеец». Имя он получил в честь североморской лодки Д-3.

Лодки этого типа были первыми нашими подлодками. К началу Великой Отечественной войны «Красногвардейцу» исполнилось десять лет. И он был уже известен всему миру. В 1938 году лодка совершила труднейший поход в Гренландское море. Туда дрейфом выносило льдину с научной станцией «Северный полюс-1». Опасались, что, попав в теплое течение, льдина станет разрушаться. Если бы это случилось, лодка должна была бы снять со льдины наших ученых.

Поход к Гренландии закалил моряков «Красногвардейца», дал им опыт плавания в суровых условиях Севера. И в годы войны они доблестно сражались с фашистами. До весны 1942 года «Красногвардеец» потопил шесть вражеских транспортов и один сторожевой корабль. Первой среди всех кораблей советского флота лодка награждена орденом Красного Знамени, и в числе первых кораблей ей было присвоено гвардейское звание...

Весной 1942 года «Красногвардеец» ушел в новый поход. По радио командование получило сообщение о том, что потоплен транспорт, а два транспорта повреждены. После этого связь с лодкой оборвалась. Лодка погибла при обстоятельствах, никому до сих пор не известных. Но нет сомнения, что краснознаменный гвардейский экипаж и в последний тяжелый час не уронил своей чести.

Какие имена, кроме «Красногвардейца», перешли от подводных лодок Великой Отечественной войны к современным подводным лодкам?

Фашисты боялись наших подводных лодок. За ними охотились вражеские самолеты, эсминцы и миноносцы, сторожевые корабли и катера.

Однажды маленькая североморская подводная лодка М-171 прокралась в фиорд Петсамовуоно (теперь Печенгский залив) и двумя торпедами потопила два судна, стоявшие у причала. Тут же лодка развернулась, чтобы выбраться из узкого фиорда. Моряки ждали, что вот-вот посыплются в воду глубинные бомбы. Но не было ни взрывов, ни

шумов сторожевых кораблей... Все стало ясно, когда лодка вдруг остановилась и начала неожиданно всплывать, сильно наклонив корму. Это означало только одно: лодка попала в сеть. Фашисты закрыли выход из фиорда.

Наши моряки стали раскачивать лодку, чтоб освободиться от стальных пут. В это время над лодкой прошел вражеский корабль и сбросил две глубинные бомбы. Больше фашисты бросать не стали. Они надеялись, что в тщетной борьбе с сетью лодка израсходует электроэнергию и воздух.

И все же лодке удалось выбраться из сети. Она опустилась на предельную глубину, двинулась вперед и снова уткнулась в заграждение.

Командир лодки старший лейтенант В. Г. Стариков принял решение всплыть и стрелять по врагам из пушки. Офицеры и артиллеристы получили гранаты, чтобы драться на палубе. Если возникнет угроза захвата лодки фашистами, лейтенант Смычков взорвет ее, бросив гранату в артиллерийский погреб...

Дышать в лодке было уже почти нечем. Приближался грозный час. И тут забрезжила надежда — начался прилив. На самой малой глубине, самым малым ходом лодка двинулась в сторону моря. И весь экипаж услышал легкий шорох под килем — о лодку терся верхний трос сети.

Фашисты проглядели этот момент. Спохватившись, кинулись вдогонку. До ночи сыпали с кораблей глубинные бомбы, то теряя лодку, то снова сближаясь с ней. В спасительной темноте лодка всплыла. Люди дышали свежим воздухом, освобождаясь от напряжения, которое длилось чуть ли не сутки. Ночью же зарядили аккумуляторы. А на другой день пришли на базу. И маленькая пушечка лодки-малютки ударила два раза — по числу потопленных судов врага.

Стремление бороться до конца не раз выручало подводников из гибельных обстоятельств. Что ты знаешь о таких случаях?

Всю Великую Отечественную войну на Балтийском море воевала подводная лодка «Фрунзевец». Лодки этого типа — минные заградители,— помимо торпед, были вооружены еще и минами. От мин «Фрунзевца», от его торпед погибло более 20 кораблей и транспортов врага. Вот один из боевых эпизодов...

Приближался конец войны. На Земландском полуострове в Восточной Пруссии советские войска окружили восемь вражеских дивизий. Наступлению наших войск мешали корабли противника: они подходили близко к берегу, вели орудийный огонь. «Фрунзевец» находился в том же районе. Его

Так уходили подлодки в суровые и дальние походы в годы Великой Отечественной войны...

командир, капитан 3-го ранга Владимир Константинович Коновалов, решил торпедировать вражеский эсминец. Стреляли тремя торпедами. На эсминце после взрыва двух торпед вышли из строя котлы, и корабль потонул.

Это было в феврале 1945 года. А в середине апреля, когда бои на Земландском полуострове уже заканчивались, «Фрунзевец» снова наведался в те края. Трехторпедным залпом он потопил большой теплоход «Гойя», на котором пытались эвакуироваться семь тысяч гитлеровцев.

Победы «Фрунзевцу» давались нелегко. Лодка не раз подрывалась на минах, ее таранил сторожевой корабль врага, ей приходилось возвращаться домой без перископов — как бы ослепшей. Враг был опытный, сильный, и для победы требовалось быть и сильнее и опытнее, чем он.

Сейчас рубка «Фрунзевца» стоит в одном из гарнизонов Балтийского флота как символ героизма советских подводников.

Первый в мире подводный минный заградитель был построен в России. Как он назывался? Кто создал его проект?

Большие лодки типа К — крейсерские — имели шесть торпедных аппаратов в носовой части и четыре на корме. Такие лодки могли ставить мины и могли, всплыв, вести артиллерийский бой из четырех орудий.

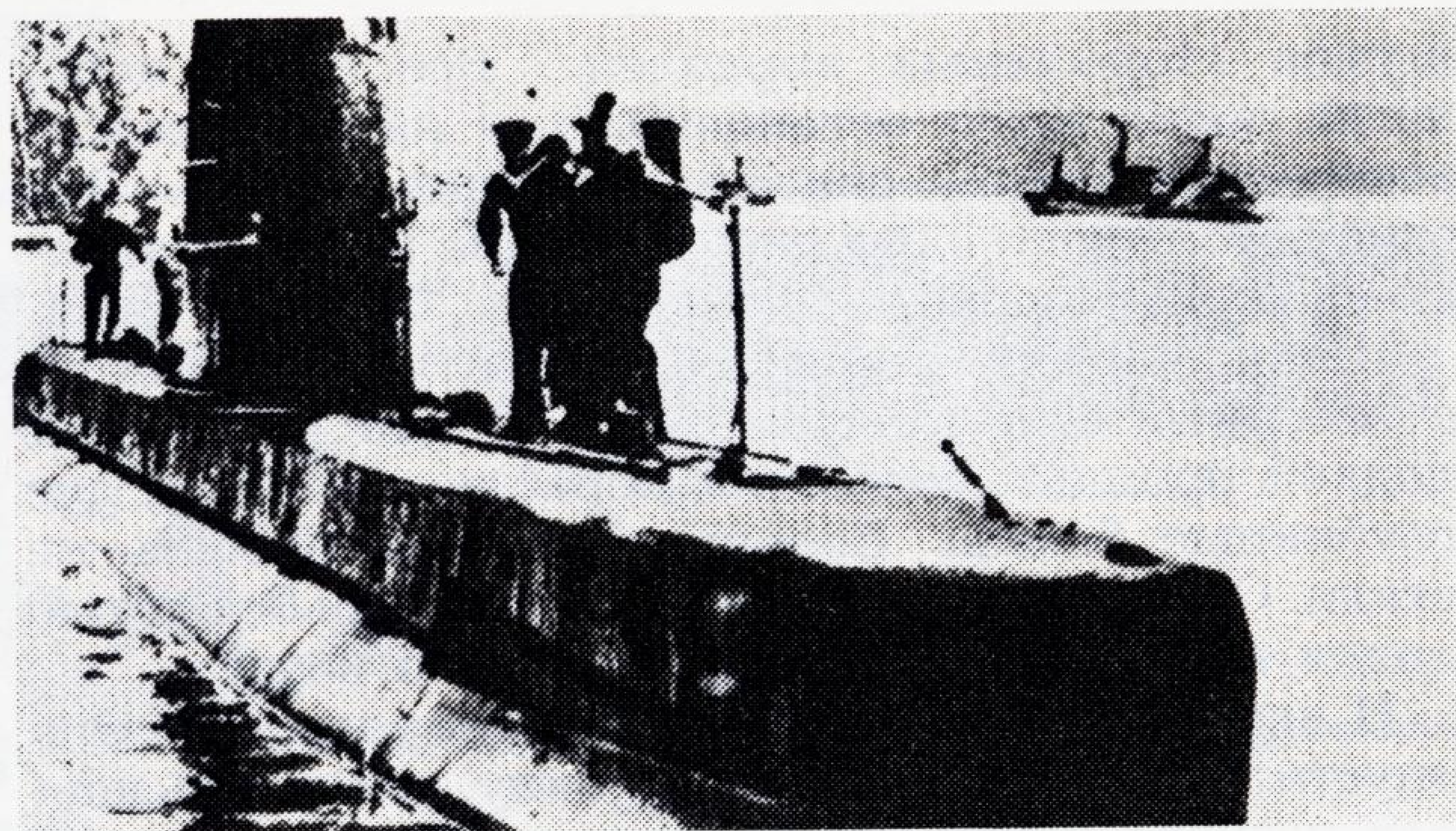
В начале осени 1941 года подводная лодка К-2 обнаружила вражеский транспорт. Получилось так, что торпедировать его было невозможно. Командир капитан 3-го ранга Василий Прокофьевич Уткин приказал всплыть и обстрелять неприятеля. Комендоры успели выпустить в транспорт около

тридцати снарядов, когда появился фашистский самолет и принялся сбрасывать бомбы. Лодка вовремя ушла под воду, и уже под водой моряки услышали взрыв котлов вражеского судна.

Победа, добытая артиллеристами, обрадовала экипаж. Когда возвращались домой и подошли к входу в гавань, выстрелили из орудия — известили всех об удаче в походе.

После этого случая и другие лодки, входя в гавань, стреляли из носового орудия столько раз, сколько было потоплено кораблей врага. Обычай этот вскоре распространился по всем нашим флотам.

На каком флоте обычай зародился? Где воевала подводная лодка К-2?

Подводная лодка вернулась на базу. Тревожное Баренцево море позади.

Это произошло на Балтике в феврале 1945 года. Наша подводная лодка С-13 возвращалась на базу. Все было спокойно, как вдруг акустик обнаружил шум винтов. Гитлеровская лодка преследовала нашу, обстреливая ее торпедами. А у наших торпед не было. Для защиты оставалось единственное оружие — маневр. Командир лодки капитан 3-го ранга Александр Иванович Маринеско искусно выводил свой подводный корабль из-под ударов. Четыре часа длился неравный поединок. Ни одна торпеда не попала в цель. Фашисты ушли восвояси, а С-13 благополучно дошла до базы.

Как С-13 осталась без торпед? На какие цели она израсходовала их до встречи с подводной лодкой противника?

Фашисты близко подошли к Севастополю. Боеприпасы, продовольствие защитникам города доставляли по морю. Но корабли могли подходить к городу только ночью. В темноте надо было разгрузиться, взять раненых и, пока не рассвело, отойти подальше в море. Иначе гибель. Проще было подводным лодкам. Если они не успевали уйти до рассвета, то опускались в бухте на грунт и лежали до темноты...

В одну из июньских ночей подводная лодка М-32 доставила севастопольцам мины, патроны и авиационный бензин. Выгрузку сделали вовремя. Светать только начало, а лодка уже опустилась на грунт. Все было бы хорошо, но в отсеки проникли пары бензина. Дышать с каждым часом становилось труднее. Запах бензина дурманил, люди начали терять сознание. Надо было бы всплыть, провентилировать отсеки, но над бухтой дежурили вражеские бомбардировщики. Настал час, когда в лодке остался один бодрствующий человек — главный старшина Николай Кондратьевич Пустовойтенко. Именно ему командир передал свои часы, когда почувствовал, что уже не может сопротивляться обморочному сну. Это произошло в 5 часов вечера. Всплывать же можно было не раньше 9 часов. Летом дни длинные, темнеет поздно.

Как же трудно было прожить эти четыре часа и не заснуть! Пустовойтенко неимоверными усилиями взбадривал себя: если не он, то никто другой не спасет экипаж и лодку. Стрелки часов наконец показали 9. Пустовойтенко попытался разбудить командира. Не добудился. И никого из экипажа не смог разбудить. Тогда он один стал у механизмов. Лодка полувсплыла. Пустовойтенко открыл люк в рубке, глотнул свежего воздуха и почувствовал, что теряет сознание. Неимоверным усилием заставил себя задраить люк, иначе лодку залило бы водой. Теперь в лодке не было ни одного бодрствующего человека.

Пустовойтенко очнулся в полночь. Что разбудило его? Видимо, чувство ответственности за жизнь товарищей. Главный старшина снова открыл люк, выполз на палубу и так лежал, пока не прояснилось сознание. Тогда он вынес на воздух командира, включил вентиляцию.

Один за другим приходили в сознание моряки. Они запустили двигатели, рывком стронули лодку с камней, на которые отнес ее ветер, и взяли курс на Новороссийск. Лодка М-32 снова была готова к бою с фашистами.

Знаешь ли ты другие примеры великого братства моряков-подводников?

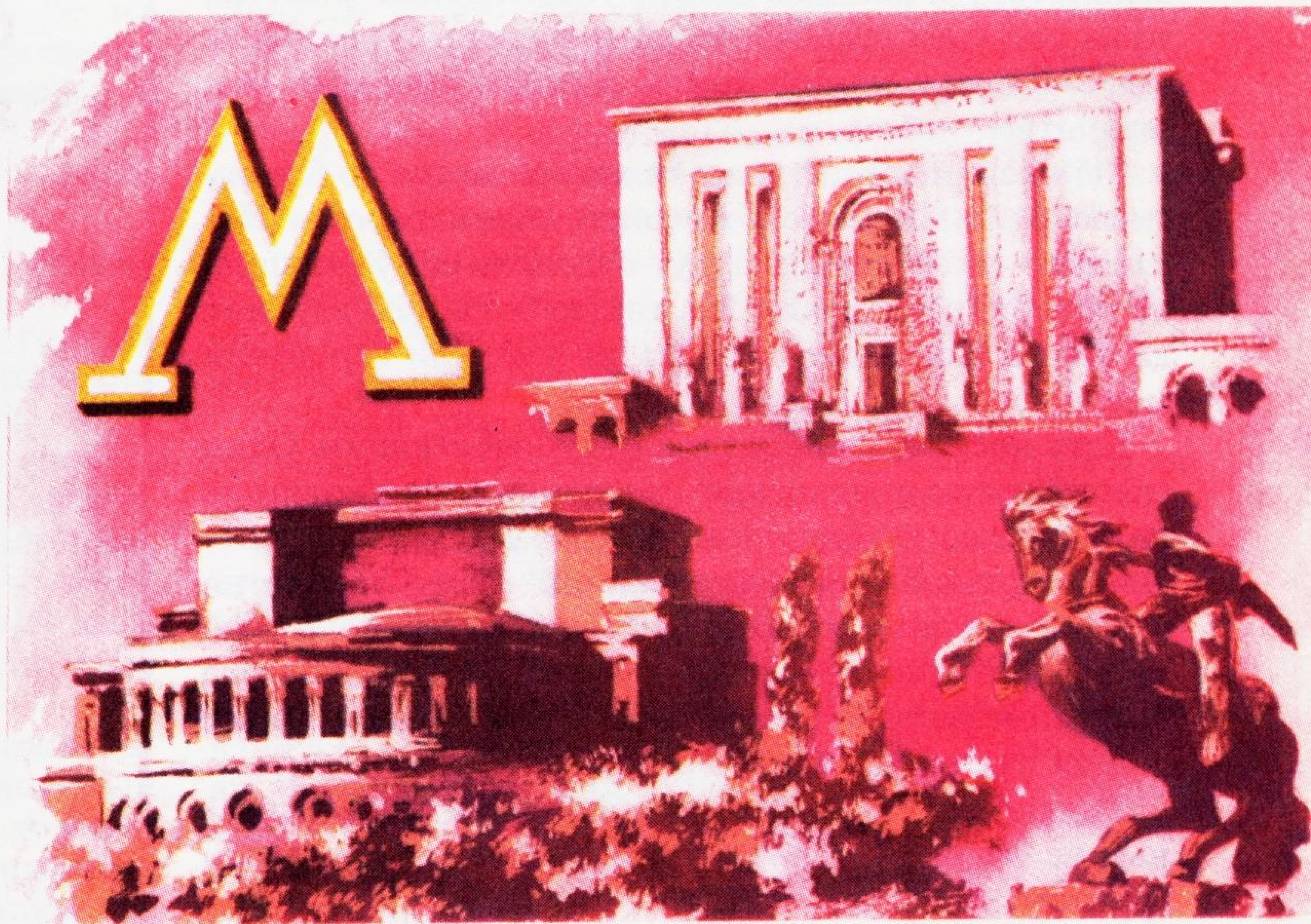
Дорогие ребята! Ждем ваших ответов с рассказами о героях-подводниках не позже 1 января. Лучшие работы будут отмечены премиями.

Рисунки А. БОРИСОВА.

МАРШРУТАМИ
ОДИННАДЦАТОЙ
ПЯТИЛЕТКИ

Зорий БАЛАЯН

Сотворение чуда

У меня трое малышей. Старшая, Сусанна, ходит во второй класс. Младшие, Лусине и Гайк,— в детский сад. По долгу службы я часто бываю в Москве и всякий раз, возвращаясь, рассказываю о своей поездке.

Малыши мои уже неплохо представляют себе Красную площадь, Третьяковку, Лужники. Они и в Ереване ходили в детскую картинную галерею — первую в мире — и на прекрасный стадион «Раздан». Так что воспринимали мои рассказы без особого труда.

Но вот беда: никак я не мог объяснить им, что такое метро. Подробно рассказывал про поезда, мчащиеся под землей, и про бегущие лестницы-эскалаторы, и фотографии им показывал. И все равно ловил себя на том, что они не очень себе представляют, что же это такое...

В Ереване метро не было. Но оно строилось! И мы все ждали день, когда откроется Ереванский метрополитен. И, пожалуй, больше всех ждали этот день мои малыши. Им очень хотелось как можно скорее потрогать руками метро, словно это камень какой. А собственно, так оно, по сути, и есть. Камень. Только камень, к которому притронулась рука варпета — так испокон веку в Армении называют мастеров. Настоящих мастеров.

И вот весной 1981 года, накануне женского праздника, словно в подарок нашим мамам и бабушкам, сестрам и дочерям, в Ереване открылась первая очередь метро.

Уже поздно вечером, после того, как закончился торжественный митинг, после того, как первый рейс совершили сами строители подземного сооружения, мы с Сусанной, Лусине и Гайком пошли к метро. К станции «Молодежная».

Мы спустились по широким лестницам в фойе. Когда шагнули на выплывающий из-под ног эскалатор, дети чуть было не упали. Но быстро привыкли и уже без моей страховки сами легко становились на ступеньки. Мы выходили из голубых вагонов, чтобы осмотреть каждую из первых пяти станций. Я-то раньше видел их. Видел, когда и самих станций не было. Пешком прошел по будущим путям. Писал о строящемся метро. Но сейчас все было иначе. Дети резвились, веселились. А я смотрел на них, радовался общему празднику и не мог сдержать слез...

Армения — страна гор. Почти все, что у нас есть — наши поля и сады, села и города,— выращено и построено на Армянском нагорье, на горных склонах, на скальном основании. Большая часть республики расположена на тысячу метров выше уровня моря.

И Ереван не исключение. Дома и улицы города разбросаны на склонах горы на самой разной высоте — от девятисот до полутора тысяч метров над уровнем моря. Перепад высот — шестьсот метров! Одна только эта цифра говорит о том, как сложно здесь строить метро. И если, например, на станции «Площадь Ленина» нужно спускаться по

На станции «Площадь Ленина» — высокие светлые залы с яркими изящными светильниками.

эскалатору к поездам долгие томительные минуты, то на соседней станции поезд выходит в буквальном смысле слова из-под земли и долго еще идет под открытым небом.

Сейчас предстоит довести линию метро до Советского района — самой высокой точки города. Несколько сотен метров будут отделять саму станцию от поверхности земли. На такую большую глубину да еще в скальных породах не уходили строители метро ни в одной стране мира!

Есть несколько проектов будущей станции. Одни специалисты предлагают привычные, но уходящие на большую глубину эскалаторы. Другие — гигантские лифты. Какой будет станция — пока неясно, но бесспорно одно: метро дойдет и до этого района. Оно здесь особенно нужно. Пятнадцать лет назад это был каменистый пустырь, а сейчас здесь живет двести тысяч ереванцев...

Трудности у наших метростроевцев были связаны не только с перепадом высот и скальным грунтом.

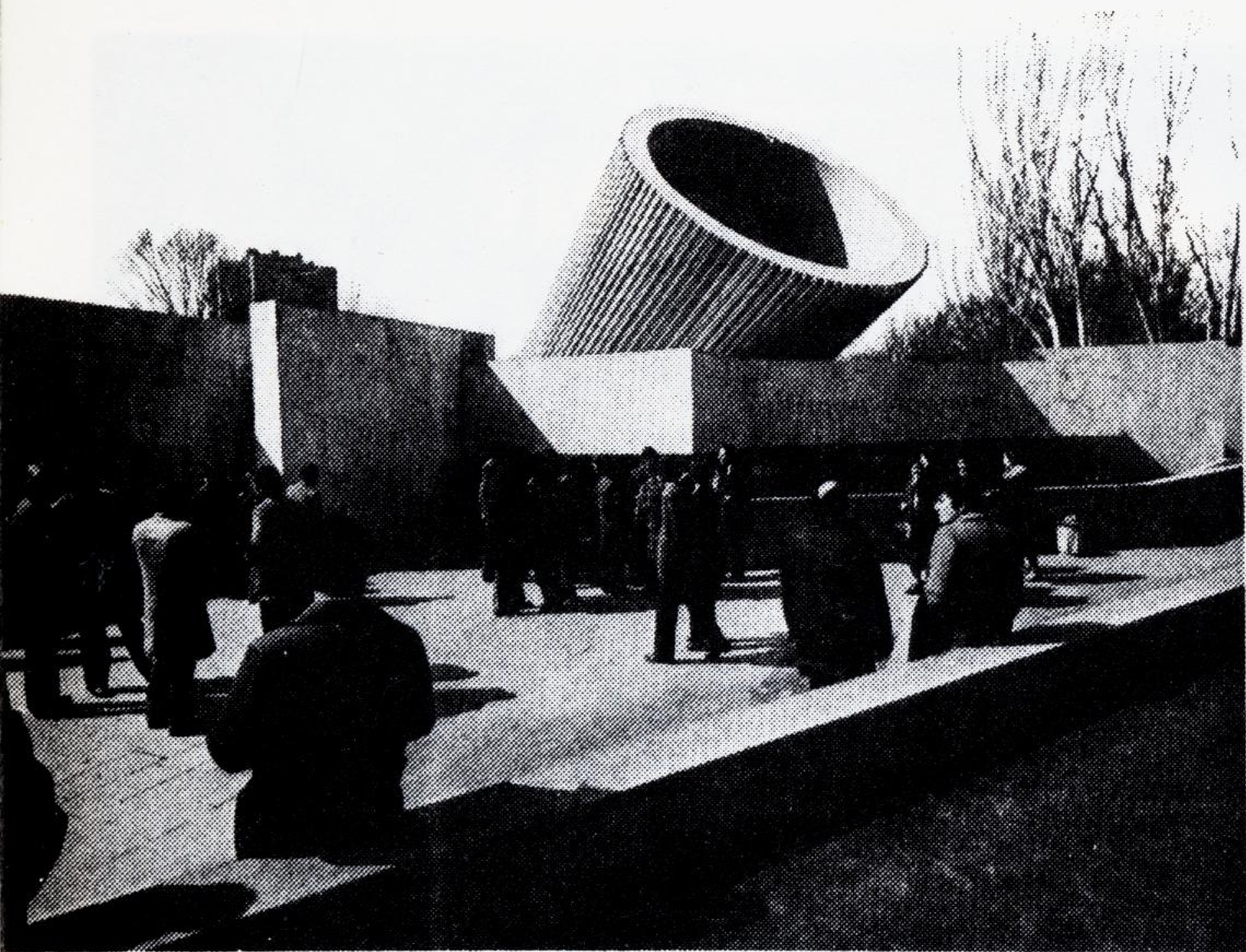
На всем пути строители встречали подземные ручейки и даже одну настоящую реку.

Древние легенды, мифы и сказки рассказывали нам о героях, которые меняли русла рек. Так они делали, чтобы подвести воду к людям. Но даже в сказках до сих пор никто не помышлял повернуть реку глубоко под землей. Это сделали наши современники — советские метростроители в Ереване.

Две пятилетки трудились они в невероятно сложных условиях. На прокладке тоннелей, на строительстве станций работали люди разных национальностей. Недаром одна из станций называется «Барекамутюн» — «Дружба». Советские люди, дружба наших народов действительно сотворили чудо. Об этом я сказал моим детям. И теперь они не только хорошо представляют себе метро. Они знают, что такое чудо.

г. Ереван.

Поднимаешься по эскалатору на станции «Молодежная» и выходишь прямо в парк.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Рассказывает писательница Евгения Александровна ТАРАТУТА.

...Однажды в детстве я прочитала книгу, сразу перечитала ее и читала потом много-много раз... Случилось так, что не только эта книга во многом определила мою судьбу, но и я вмешалась в судьбу ее автора и тоже во многом ее изменила.

С детства я очень любила читать. Но книг у меня было мало. Родилась я во Франции, в Париже, куда бежал с каторги мой отец, профессиональный революционер, а потом, накопив денег на дорогу, туда приехала и моя мать, учительница. Конечно, книг они с собой не привезли. Но моя мама знала наизусть множество стихотворений Лермонтова, Пушкина, Некрасова, Тютчева, а отец любил русские народные песни. Это и была моя первая устная библиотека.

В 1917 году мы вернулись в Россию, а с 1918 года жили в Москве. Там рядом с нашим домом была детская библиотека имени Г. А. Усиевича, и я каждый день ходила туда. Заведовала библиотекой замечательная женщина — Лидия Аполлоновна Кроткова,— умная, добрая, талантливая, страстно любившая детей.

Когда мне было десять лет, я не расставалась с двумя книгами — они всегда лежали у меня под подушкой. Это были маленькое издание «Евгения Онегина» Пушкина и «Астрономические вечера» Клейна. Я знала их наизусть...

В этой библиотеке я взяла роман **Э. Войнич «Овод».** О нем я уже давно слышала от родителей. Мой отец вел в начале века революционные кружки в Екатеринославе, давал читать рабочим-кружковцам этот роман. А мама рассказывала мне, что, оставшись в детстве круглой сиротой, она решила уйти в монастырь. Но в это время прочитала «Овод» и... пошла в революцию.

Герой романа — итальянский революционер по кличке Овод вошел в мою жизнь навсегда. Я открывала книгу на любой странице и не отрывалась от нее до конца. Я не мечтала о новом платье, о новых лентах для кос, о новых туфельках. Я мечтала только о том, чтобы у меня был свой «Овод». Но родители никак не могли мне эту книгу достать. Срок для чтения в библиотеке был две недели. Я возвращала книгу, а потом брала ее снова. Дни, когда у меня не было «Овода», казались мне серыми и скучными...

Однажды в библиотеке объявили конкурс на лучшее сочинение об устройстве Солнечной системы. Я уже изучила «Астрономические вечера», и мое сочинение было признано лучшим.

— Какую книжку ты хочешь в премию? — спросила меня Лидия Аполлоновна.

— «Овод»,— прошептала я, не веря своему счастью.

— Ну, «Овод» у нас только плохонькая, растрепанная книжка без картинок. А вот «Спартак» есть в хорошем издании...

Роман Джованьоли «Спартак» я тоже, конечно, читала и любила, но мечтала я только об «Оводе».

Торжественная надпись, сделанная размашистым почерком Лидии Аполлоновны, еле уместилась на обороте титульного листа маленькой книжечки. Она поставила дату — 15 февраля 1925 года — и приложила круглую печать.

Книжка была в желтой бумажной обложке. Я сама переплела ее, сделала красный коленкоровый корешок, красные сатиновые уголки. В течение жизни мне приходилось расставаться со многими книгами, но маленькая книжечка с красным корешком сохранилась до сих пор.

Тщетно я искала в книгах ответа: кто же автор «Овода»? Расспрашивала учителей, потом профессоров в университете. Никто не мог мне рассказать о ней. Никто ничего не знал об «Оводе». А в воспоминаниях старых большевиков, в мемуарах писателей я встречала рассказы о том, что именно этот роман помог человеку стать революционером. Например, в повести «Красные дьяволята» П. Бляхина героиня повести Дуняша переодевается мальчиком и берет себе кличку Овод. И герой романа Н. Островского тоже старался жить по «Оводу»...

В 1954 году я смогла наконец начать изучение этого романа. И, представьте себе, я нашла портрет автора «Овода» — английской писательницы Этель Лилиан Войнич, нашла портрет ее мужа — польского революционера Михаила Вильфрида Войнича, нашла портрет ее отца — английского математика, ученого и философа Джорджа Буля. Но главное, я нашла самого автора «Овода»!

Ей был уже девяносто один год. Она жила в Нью-Йорке. Жила в бедности. Считала, что все ее забыли, как забыли и ее роман «Овод».

Мы стали переписываться. Она узнала о своей мировой славе, об известности романа в СССР. Мы — о ее дружбе с русскими революционерами, о том, что в юности она побывала в России.

Сейчас у меня 193 издания романа «Овод» на всех языках мира. Есть книги, подаренные Этель Лилиан Войнич. Но самая дорогая — книжечка с красным корешком. Именно эту книжку я перечитывала, именно ее страницы я запомнила наизусть на всю жизнь!

Обо всем этом я написала книгу **«По следам «Овода».** Название придумал мой друг — писатель Лев Кассиль.

Недавно эта книга вышла четвертым изданием. Из нее вы можете узнать все подробности того, как мы нашли Войнич, узнать о ее жизни, о том, как в последние годы изменилась ее судьба, как «Овод» нашел свою настоящую родину в нашей стране.

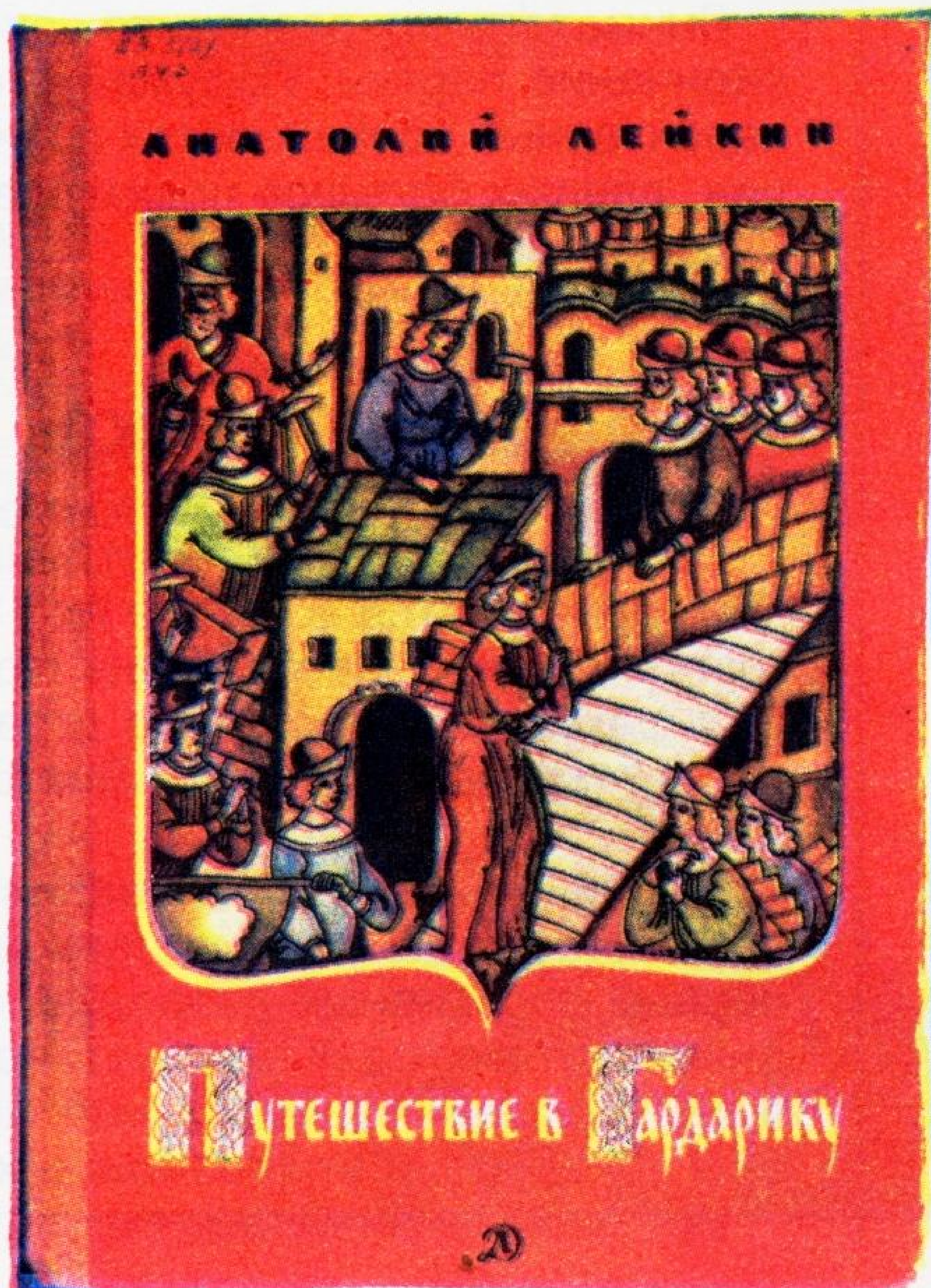
...А началось все так давно, более полувека назад, в детской библиотеке имени Г. А. Усиевича.

НЕ ПРОПУСТИ: НОВАЯ КНИГА

ГАРДАРИКА ЖДЕТ ТЕБЯ

Ты любишь путешествовать? Тогда собирайся!

Вон уже качается на волнах расписная ладья, она ждет тебя. Ты отправишься в страну Гардарику. Слышал когда-нибудь про такую страну?

Не пытайся искать ее на современных картах... Гардарикой — «страной городов» — звали Древнюю Русь скандинавские мореплаватели — варяги.

В путешествие по этой стране зовет тебя книга **Анатолия Лейкина «Путешествие в Гардарику».** Вместе с автором проплывешь ты по знаменитому речному пути «из варяг в греки», зайдешь во многие русские города, великие и малые, узнаешь, как они возникли, воевали и как, отразив нападение врагов, снова строились на пепелищах.

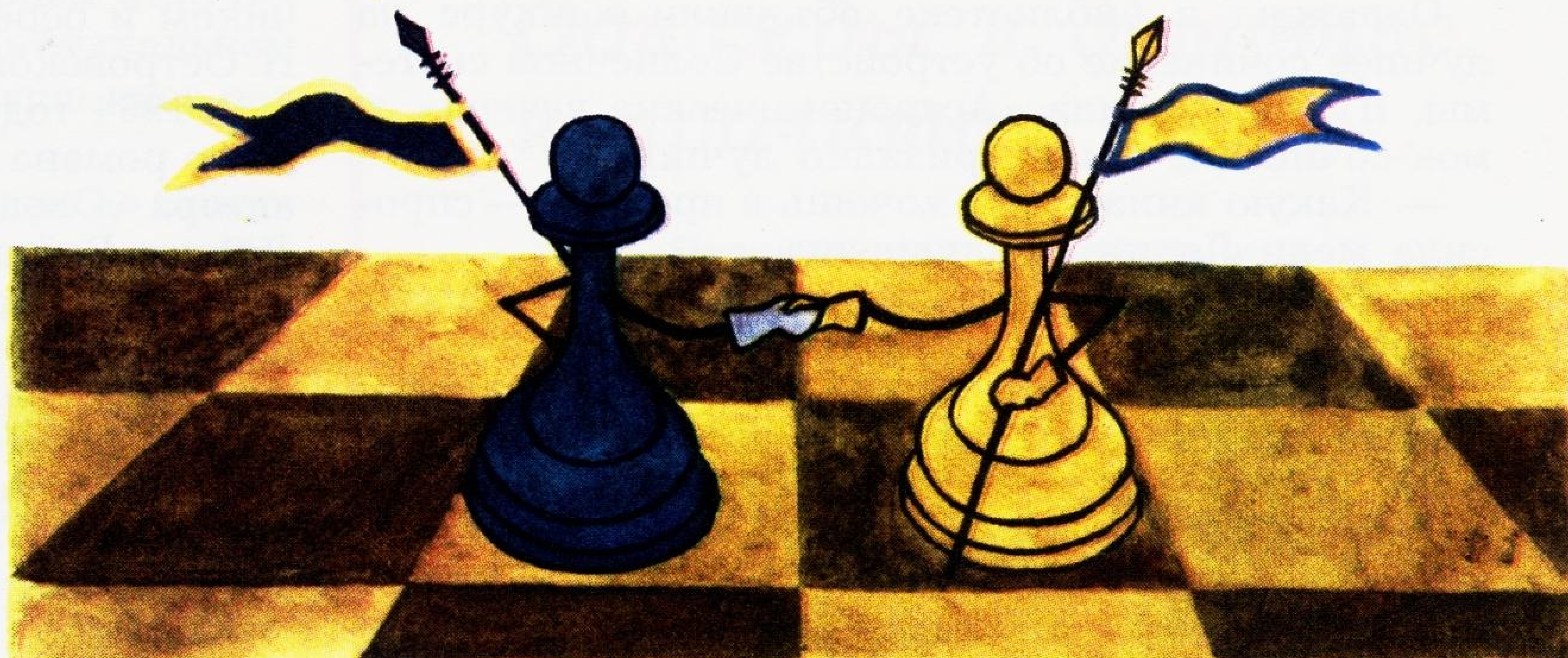
Ты узнаешь, как появились на гербах Ростова и Суздаля олень и сокол. И удивишься, откуда на гербе русского города Владимира лев, которого никогда не видели в этих краях, да еще с мечом в лапах...

Интересно? Тогда — в путь! Мы не станем открывать тебе тайны городских гербов Гардарики. Ты все узнаешь сам.

Н. БРЮКВИНА

Ведет А. ДРУЯНОВА.

70 лет Михаилу Ботвиннику

Михаилу Моисеевичу Ботвиннику, замечательному советскому шахматисту, много лет владевшему «шахматной короной» мира, исполнилось семьдесят лет.

В шахматы он начал играть в школьные годы. В 1925 году, когда ему было четырнадцать лет, Ботвинник в сеансе одновременной игры победил тогдашнего чемпиона мира Хосе Рауля Капабланку.

Михаил Моисеевич сделал очень много для создания советской шахматной школы. Сейчас доктор технических наук М. М. Ботвинник руководит лабораторией, которая занимается созданием «электронного гроссмейстера».

За выдающиеся успехи и в связи с семидесятилетием Советское правительство наградило М. М. Ботвинника орденом Октябрьской Революции.

Этюд М. Ботвинника

Одно из увлечений М. М. Ботвинника — составление этюдов. Попробуйте решить один из них, который он составил, когда ему было 14 лет.

(Диаграмма № 1)

Найдите, как, начиная игру, белые в этой позиции добиваются победы.

Вам наверняка понравится остроумный план атаки, которую ведут белые.

Турнир, который никогда не кончается...

Действительно, соревнования клуба «Белая ладья» не кончаются никогда! Летом в городе Первомайске проходил финал XIII Всесоюзного первенства клуба, а сейчас уже во всех пионерских дружинах ребята проводят новые отборочные встречи.

Участникам турниров «Белая ладья» предлагает решить интересные задачи международный мастер по шахматной композиции Э. Погосянц.

(Диаграмма № 2)

Найдите, как в этом положении белые дают мат в три хода.

Решив задачу, переставьте белого короля с d7 на a5. Вы увидите новую задачу, в которой мат снова достигается в три хода.

И еще одна перестановка. Ладью d3 можно поставить на c8. Решение, конечно, изменится, но дистанция сохранится — снова три хода.

А четвертая перестановка касается уже пешки.

(Диаграмма № 3)

И здесь белые могут при правильной игре дать мат в три хода.

Вы, конечно, обратили внимание, что во всех позициях главный герой сражений — белая ладья.

Повторить успех мамы

В проходившей недавно Спартакиаде школьников Москвы удачно выступил ученик 6-го класса «Б» 404-й школы Володя Гаспарянц. Он хорошо учится в школе. Особенно нравится ему математика, увлекается Володя и гимнастикой.

«Мечтаю повторить успех мамы,— говорит Володя.— Ведь она занимала высокие места в шахматных соревнованиях, стала кандидатом в мастера. Постараюсь и я стать хорошим шахматистом».

(Диаграмма № 4)

К этому положению пришла одна из партий Спартакиады. Белыми играл Вова Гаспарянц, черными — Игорь Ашин.

Володя хорошо использовал свой позиционный перевес. События развивались так:

46. Крh4—g5 Сc4—b5 47. Лc3:c6 Сb5:c6 48. Крg5—h6 Сc6—f3 49. Kf6—h7! Сf3—h5 50. Kh7—g5+ Крf7—g8 51. Kg5:e6 Крg8—f7 52. Ke6—g7 Сh5—f3 53. e5—e6+ Крf7—f6 54. e6—e7 Крf6:e7 55. Крh6:g6 a6—a5 56. h3—h4. Черные сдались.

Внимательно разберите это окончание партии. Подумайте о характерных особенностях позиции, давших большое преимущество белым.

Красивая атака

Двенадцатилетняя Светлана Матвеева учится в школе № 13 города Фрунзе. Света очень любит шахматы и постоянно играет в турнирах клуба «Белая ладья».

На финальных соревнованиях прошлого года она получила первый спортивный разряд. А в финале этого года Света установила рекорд турнира, набрав 9 $^1/_2$ очков из десяти возможных.

Вот как закончилась ее пар-

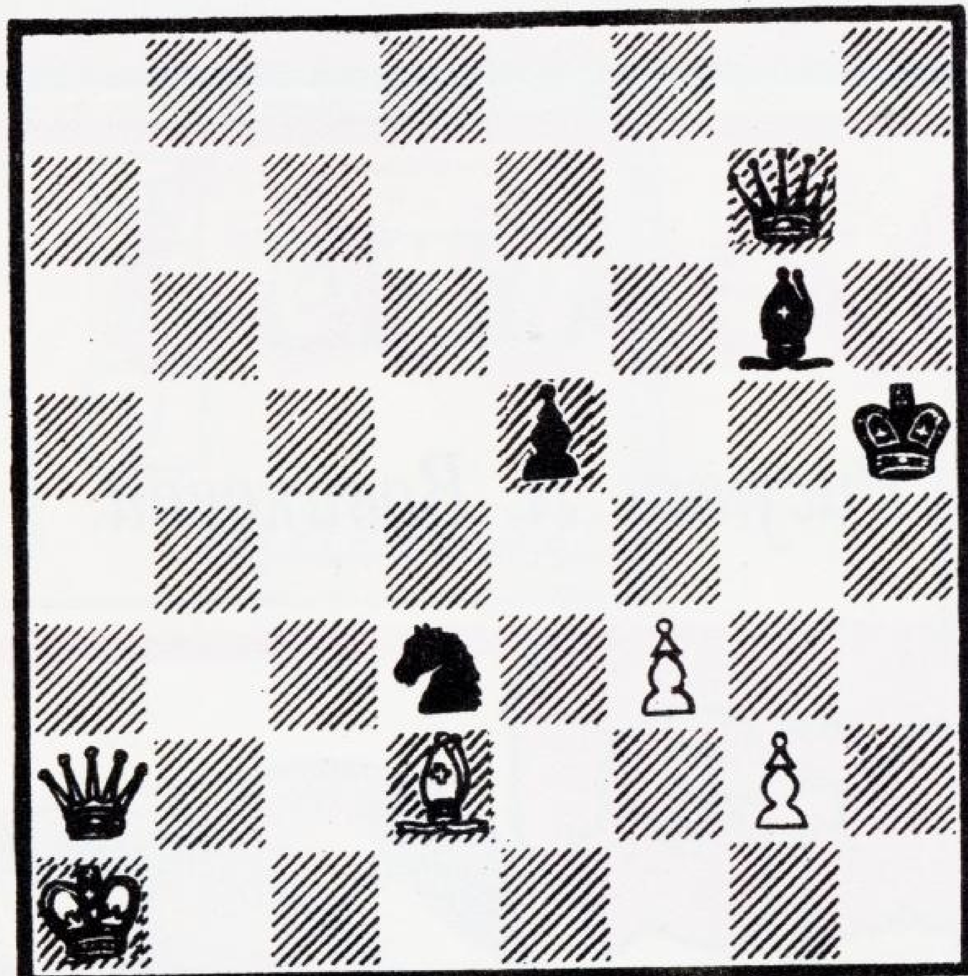

Диаграмма № 1

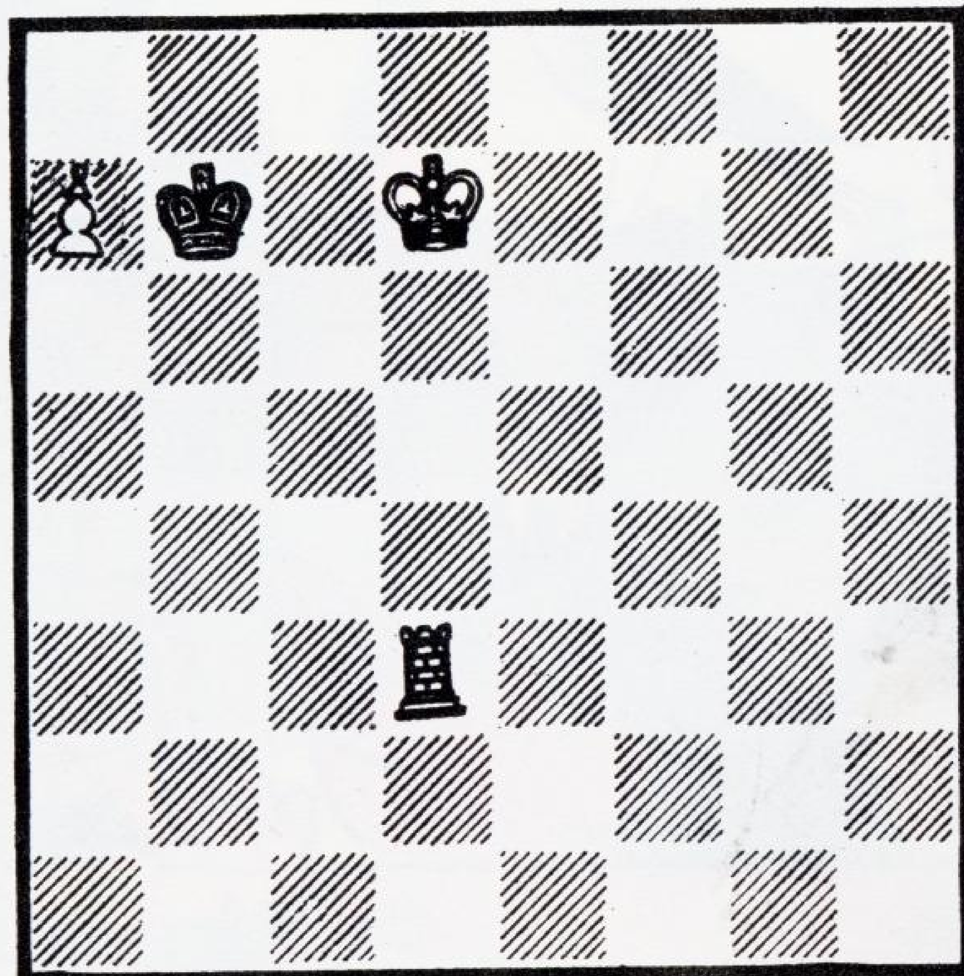

Диаграмма № 2

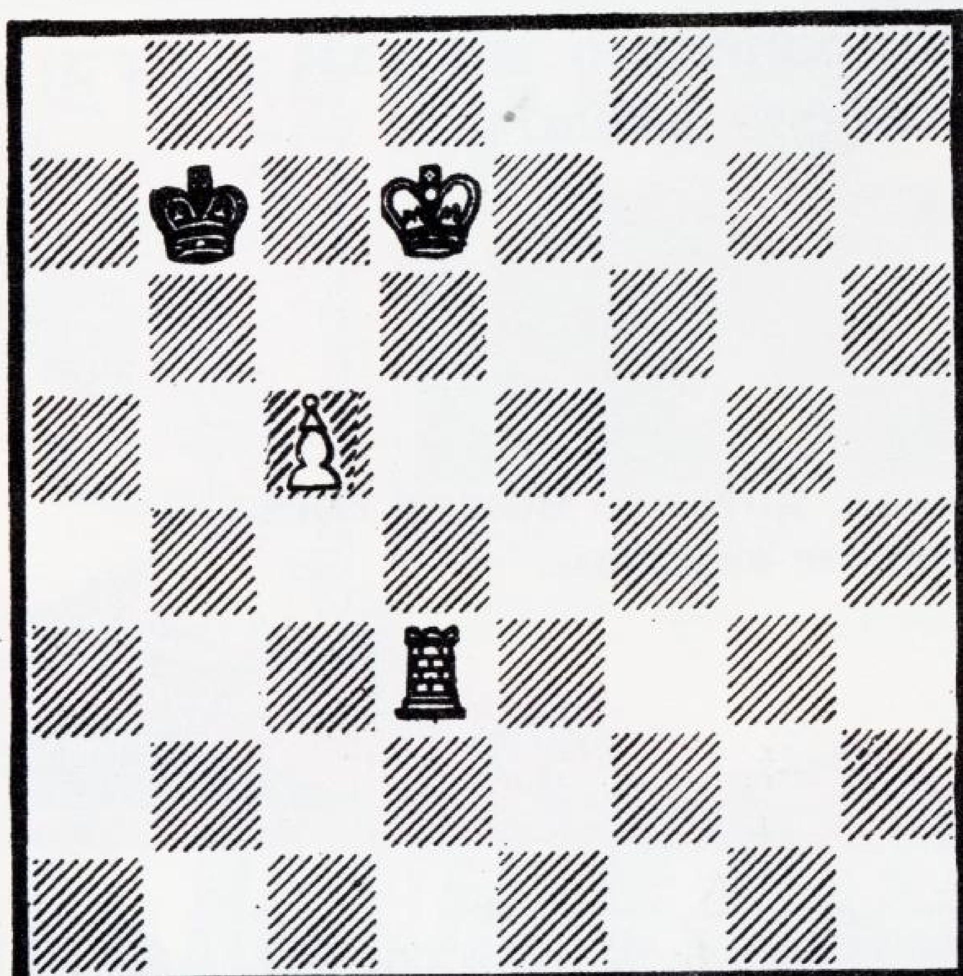

Диаграмма № 3

тия с Галей Ескиной, ученицей школы № 19 города Тирасполя.

(Диаграмма № 5)

Белые потеряли несколько темпов в дебюте, отстали в развитии, и Света, игравшая черными, получила опасную атаку.

Последовало: 12... h7—h6 13. Kg5—f3 (конечно, у черных преимущество при 13. Kf7+ Л:f7 14. С:f7 Ф:f7, невесело и 13. Kh3 С:h3) 13... Сс8—g4 14. Крg1—h1?

Решающая ошибка. Необходимо было 14. Се2, оберегая укрепления королевской резиденции.

14... Kd4:f3 15. g2:f3 Kf6:e4!

Неожиданный и красивый удар. Крупные материальные потери для белых неизбежны, и Галя признала себя побежденной.

Азбука Пешкина

«Как теория расценивает силу отдельных фигур, на чем основаны такие оценки?»

На этот вопрос просит ответить **Сережа Никитин** из Воронежа.

Сила фигуры — величина непостоянная. Многое зависит от того, как расположена фигура, как она действует на шахматной доске.

Теоретическая шкала оценок определяется количеством полей, которые фигура может контролировать на пустой доске. Ферзь, например, держит под ударом двадцать семь полей. По шкале оценок ему дано 9 очков. Ладья имеет 5 очков, слон и конь — по 3, пешка — 1 очко.

Еще раз надо отметить, что это лишь условные оценки. Все зависит от конкретной обстановки шахматного сражения.

(Диаграмма № 6)

Вот, например, в этом положении материальный перевес у черных, а победы добиваются белые, потому что у них лучше, целесообразнее расположены фигуры.

Путь к победе очень красив:

1. Ла5—а8! Фg8—а2 (найдите, почему ферзь не может отступать на с4, е6 и на d5) 2. Ла8:а4! Фа2—g8 (конечно, ладью брать нельзя — 1... Ф:а8 2. Cf3+ или 2...

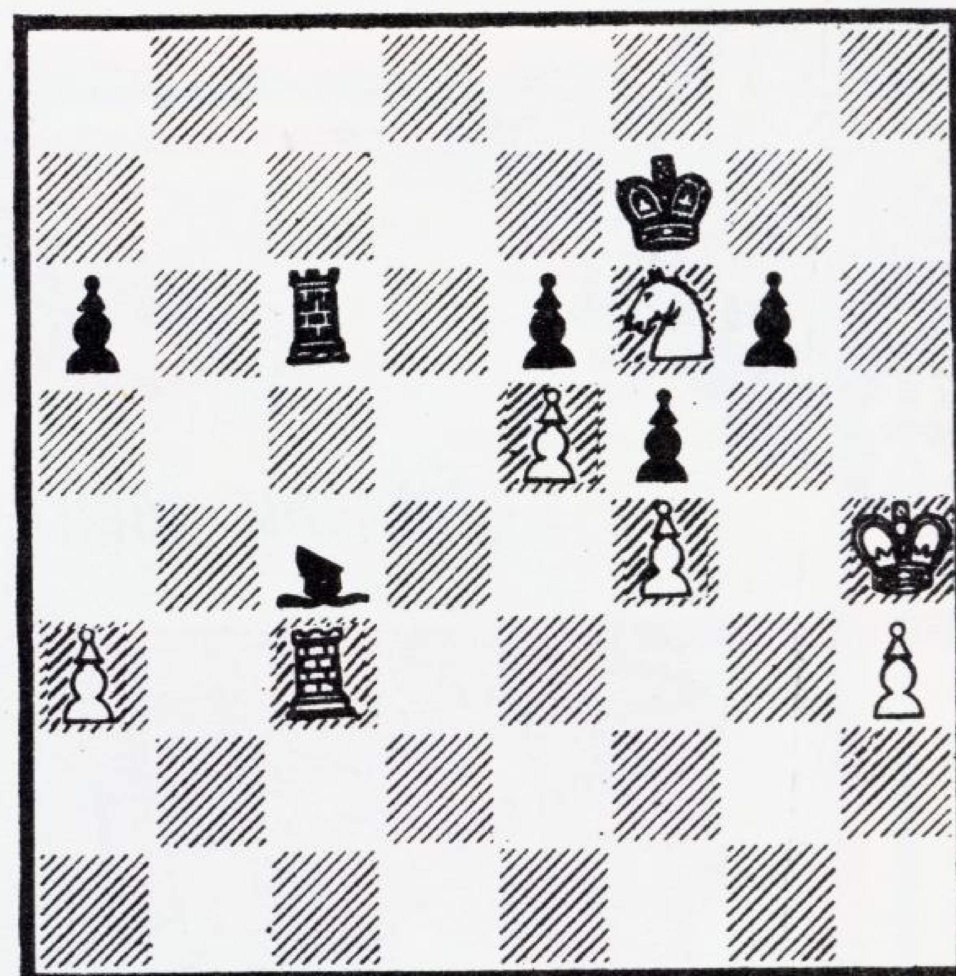

Диаграмма № 4

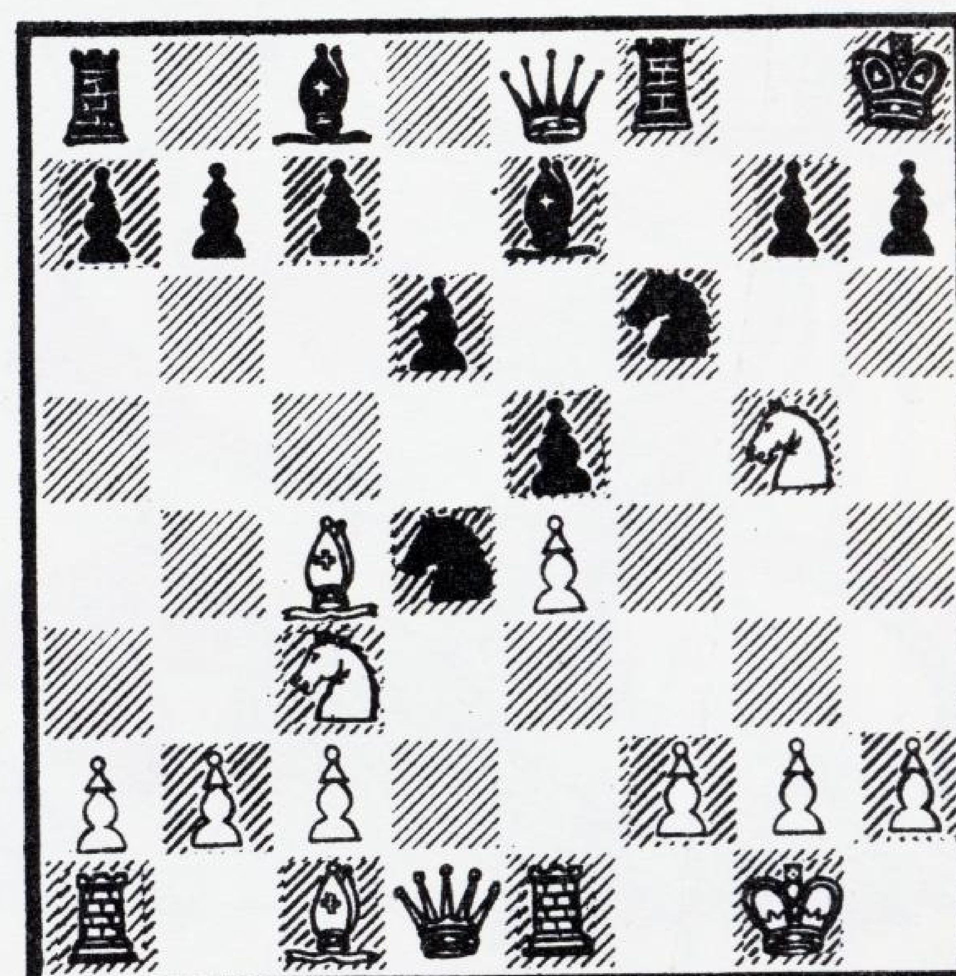

Диаграмма № 5

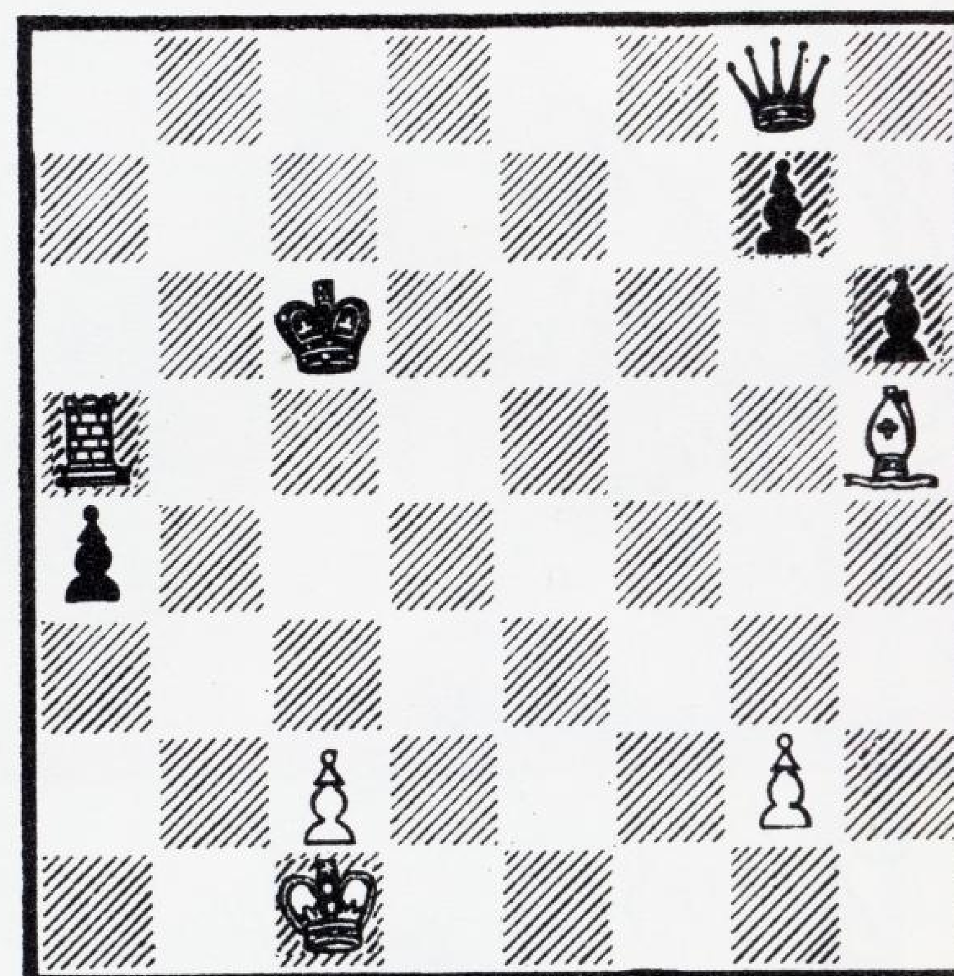

Диаграмма № 6

Ф:а4 3. Се8+) 3. Ла4—а8! Фg8—h7 4. Ch5—g6! Фh5:g6 5. Ла8—а6+, и черные теряют своего неудачливого ферзя.

Этот прекрасный этюд составил французский мастер Г. Ринк.

Рисунок М. ФИТИЛЕВОЙ.

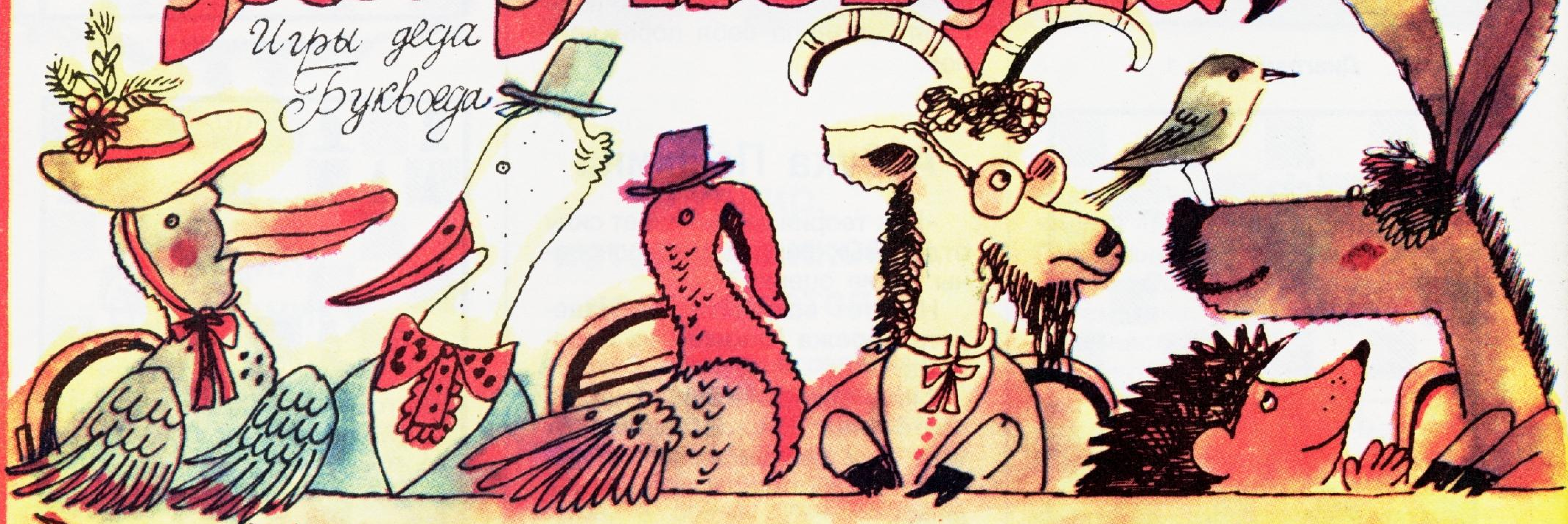

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

УХА У ПЕТУХА

Игры деда Буквоеда

Наловил петух ершей,
Пригласил к себе гостей,
И явились к петуху на уху:
Утка, гусь, индюк, козел,
Трясогузка, еж, осел,
Чайка, выдра, цапля, кот,
Поросенок и енот.

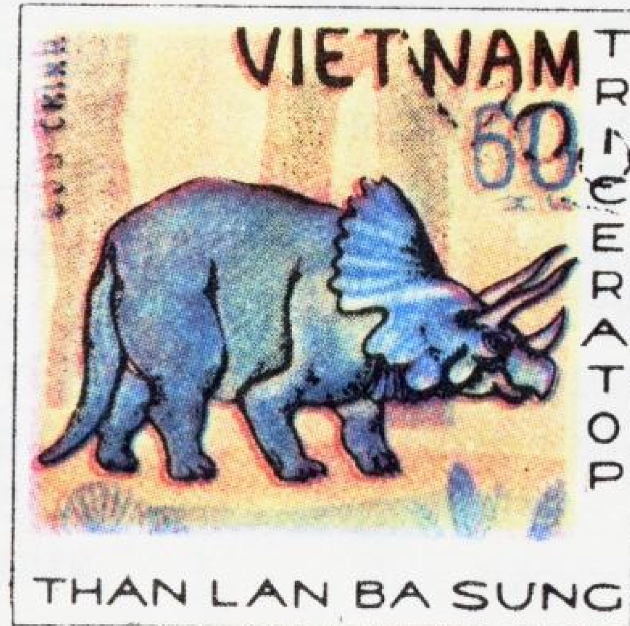
Здесь кончаются стихи.
Жду письма с ответом:
Всем хватило ли ухи
На обеде этом?

Примечание: одна тарелка равняется слову «уха», которое можно составить из соприкасающихся букв, подбирая их любым образом.

Игры Лупы и Пинцета

УПРЯМЫЕ

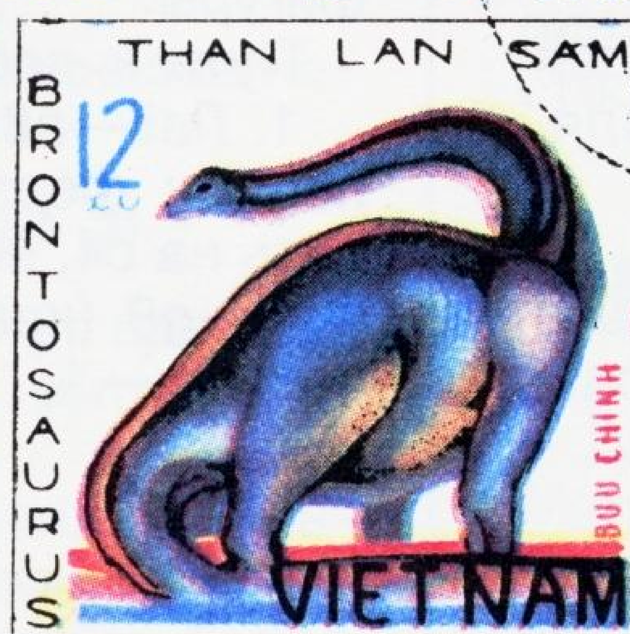

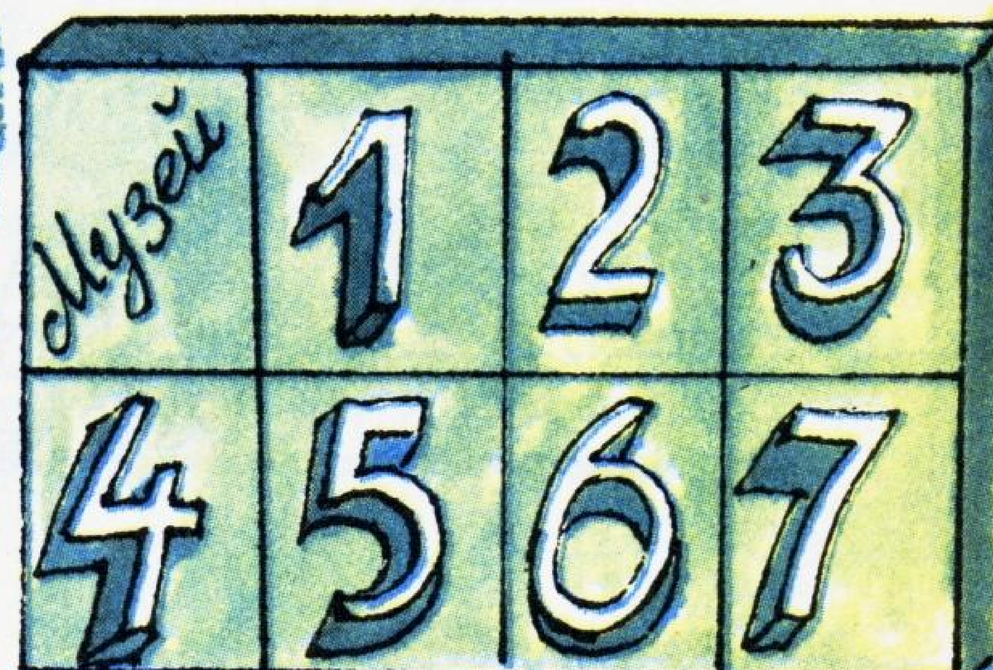

рис. 1

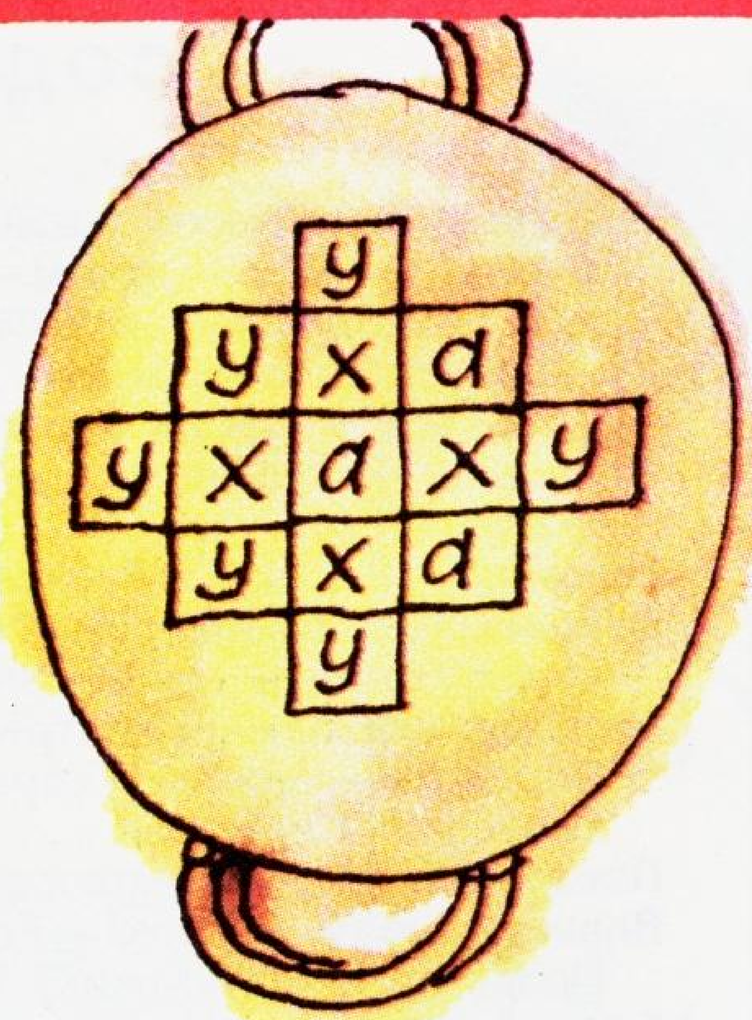

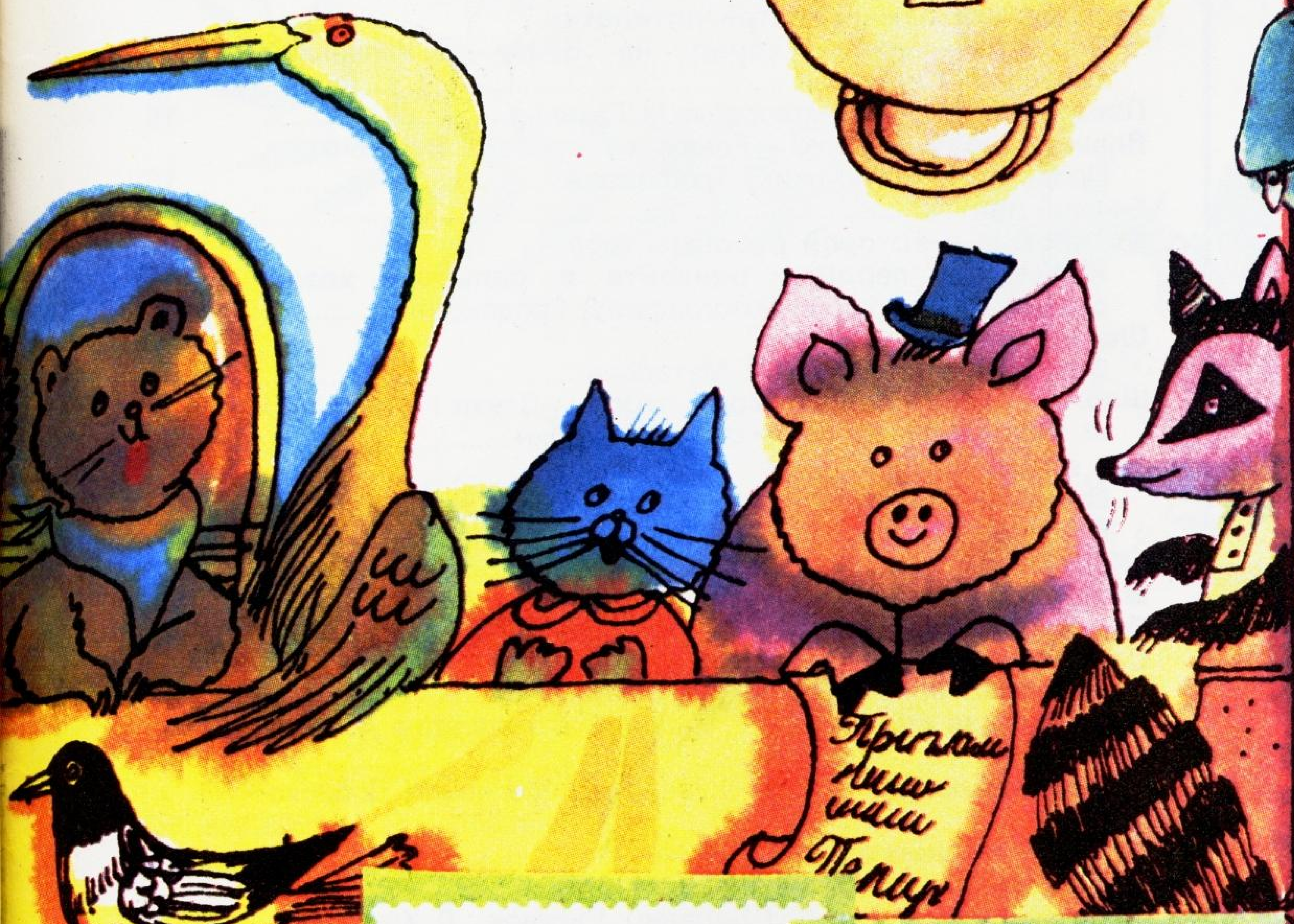

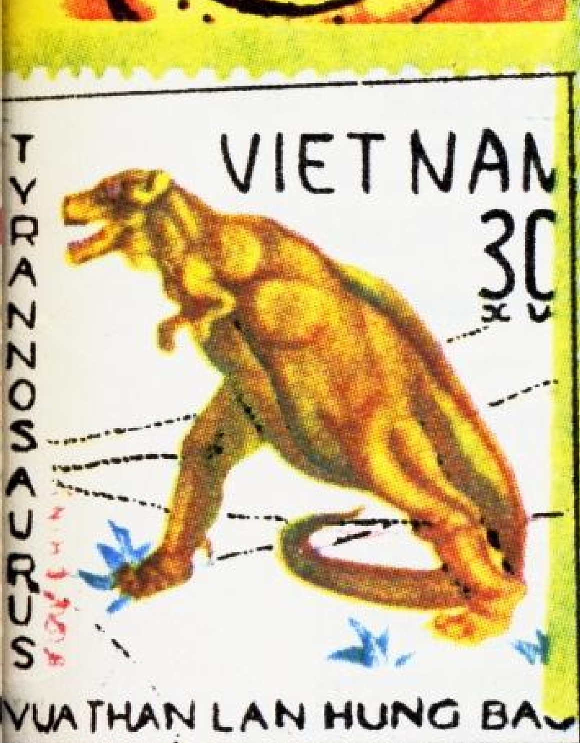
рис. 2

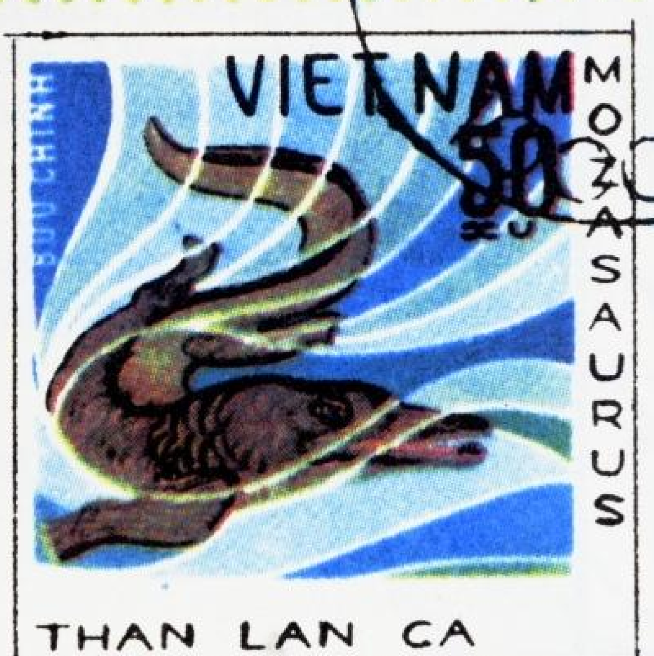
ухх аха ухауху … тарелки

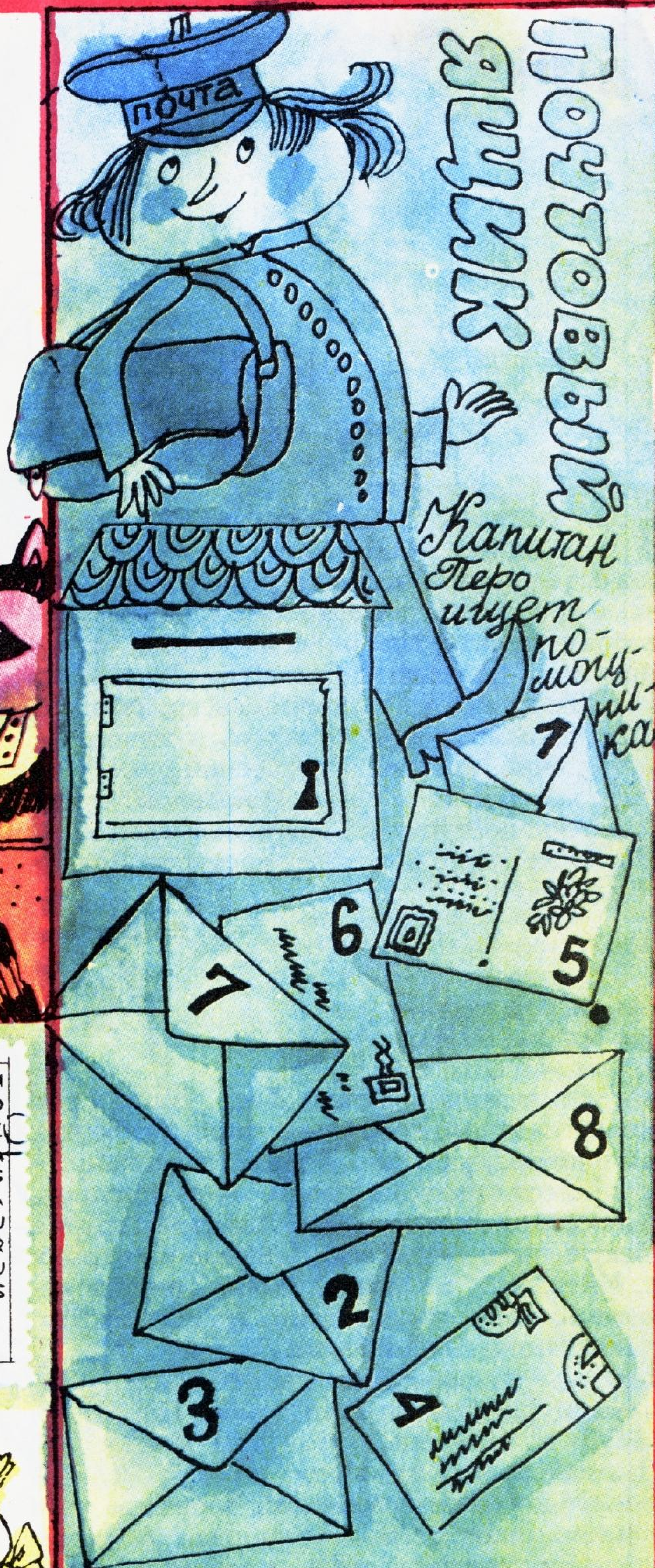

КВАДРАТИКИ!

Посмотрите, какие прекрасные марки с изображением древнейших животных выпущены во Вьетнаме! Мы долго ими любовались, а потом придумали интересную игру. Мы наклеили марки на лист бумаги, а в верхнем левом углу оставили свободное место — «музей». Этот блок можно перегибать и складывать по-разному. Задача состоит в том, чтобы доставить как можно больше древних животных в музей. Доставленной считается та марка, которая лицевой или обратной стороной прикасается к марке «музей», когда весь блок сложен так, как показано на рисунке 1. Сделайте из листочка бумаги модель блока, руководствуясь рисунком 2, а затем перегибайте и складывайте, вдевайте друг в друга сложенные части так, чтобы ввести в соприкосновение с «музей» квадратики, обозначенные номерами. Какие квадратики окажутся самыми упрямыми?

Не жди подсказок наводящих,
Сам разберись без суеты,
Какие письма
В этот ящик
Вложить свободно можешь ты.
Все обстоятельно проверьте!
Затем всмотритесь вновь — и мне
Пришлите свой ответ в конверте,
Что больше всех по ширине!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Пришлите телеграмму! Австралия.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Задачи попугая. Превратить зебру в мышку можно, изменяя буквы, так: зебра, кобра, кошка, мышка.

Чей поступок хуже?

Однажды мы решили уйти с урока истории. Что нас дернуло? Сейчас и сами не ответим на этот вопрос. Но вот решили... Все согласились, кроме тех, кому надо было исправлять тройки. Даже отличники, поколебавшись, тронулись вслед за остальными. Особенно уговаривала всех сбежать с урока одна девочка. Она говорила, что на истории делать совершенно нечего, и все торопила нас. Мы ушли. Но потом оказалось, что та самая Лена, так подстрекавшая всех, незаметно, за суматохой сборов, осталась в классе.

Нам, конечно, влетело от классной руководительницы на следующий день. И поделом! Очень некрасиво мы поступили. Теперь нам это понятно. Но как же гадко выглядит поступок Лены в наших глазах!

Оля К.,
г. Красноярск.

Подружились

У нас дома живет собака Леся. Нашли мы Лесю щенком прямо на улице и взяли к себе: так она нам понравилась. Раньше Леся была какого-то сероватого оттенка. Теперь она большая, красивая собака рыжего цвета. А живот и грудка у нее белые. Через год Леся принесла нам троих щенят: Ингу, Ладу и Снежка. Когда они подросли, то стали такими озорными: грызли туфли, рвали все, что попадалось им.

Вскоре мы подобрали во дворе котенка. Назвали его Муркой. Принесли домой. Поставили перед Муркой блюдечко с молоком. И смотрим: вся дружная Лесина семья тут как тут — собралась вокруг котенка, наблюдает. Через два часа мы поняли: знакомство состоялось. А потом убедились, что котенок стал... членом собачьей семьи. Мурка еще не очень умела есть самостоятельно. Как-то придя из школы, мы увидели: на коврике развалилась Леся, а рядом с ней лежат ее Инга, Лада, Снежок и... Мурка.

Наташа и Лена КОВАЛЕНКО,
г. Новосибирск.

«С другом весело шагать...»

Я учусь в интернате. Недавно я заболела. Думала: никто не придет меня навестить. Вдруг стучат. Я стала поспешно убирать игрушки: войдет врач, а у меня все раскидано. Только это не доктор оказался, а Света и Люба из моего четвертого класса. Открывают дверь и смеются: «Встречай гостей! Сейчас еще девочки придут!»

Как мне приятно стало: хорошо иметь таких подружек, которые о тебе помнят.

Лена КИЧЕВА,
г. Ярославль.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.09.81.
Подписано к печати 21.09.81. А05176. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 720 000 экз. Изд. № 2355. Заказ № 1250.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

Среди писем, адресованных «Переменке», встретилось недавно и такое решительное: «Я окончательно решил стать Фрунзиком Мкртчяном. Я это решил еще в третьем классе. Фильм «Мимино» я смотрел семнадцать раз. Как Фрунзик появляется на экране, я смеюсь. А почему — сам не знаю...»

Корреспондент. В самом деле, как удается Фрунзику Мкртчяну в несколько секунд рассмешить любой зрительный зал?..

Мкртчян. Ну, это и для меня секрет! Вы можете мне не поверить, но я и сам не понимаю, почему зрители, как только я появляюсь на сцене, начинают смеяться. Скажу вам больше: поначалу меня это даже очень расстраивало. Ведь именно по этой причине режиссеры никак не хотели доверять мне серьезных драматических ролей. Кто из актеров не хочет сыграть Гамлета? Но представьте себе, если бы случилось чудо и мне дали эту роль! Вышел бы я печальный, в плаще, со шпагой, а в зале... дружный смех. Нет, я прекрасно понимаю режиссеров...

Корреспондент. Вы мне говорили, что получаете много писем от ребят.

Мкртчян. Да! И меня это очень радует. Маленький зритель мгновенно чувствует любую фальшь, любую неточность, неправду. И уж если наш фильм «Мимино» им понравился, значит, действительно он получился. А в искреннем отношении детей к фильму я не раз убеждался не только по письмам, но и по личным встречам. Только встречают меня юные зрители в разных городах по-разному.

Корреспондент. Что значит по-разному?

Мкртчян. Вот, например, в Москве дети, как правило, протягивают мне открытку и просят дать автограф. А у нас в Ереване малыш подбежит к тебе, обнимет и будет долго-долго смотреть тебе в глаза... А, вот скажем, в Тбилиси ребята да и взрослые тоже могут подойти к тебе, молча поцеловать и так же молча проследовать дальше...

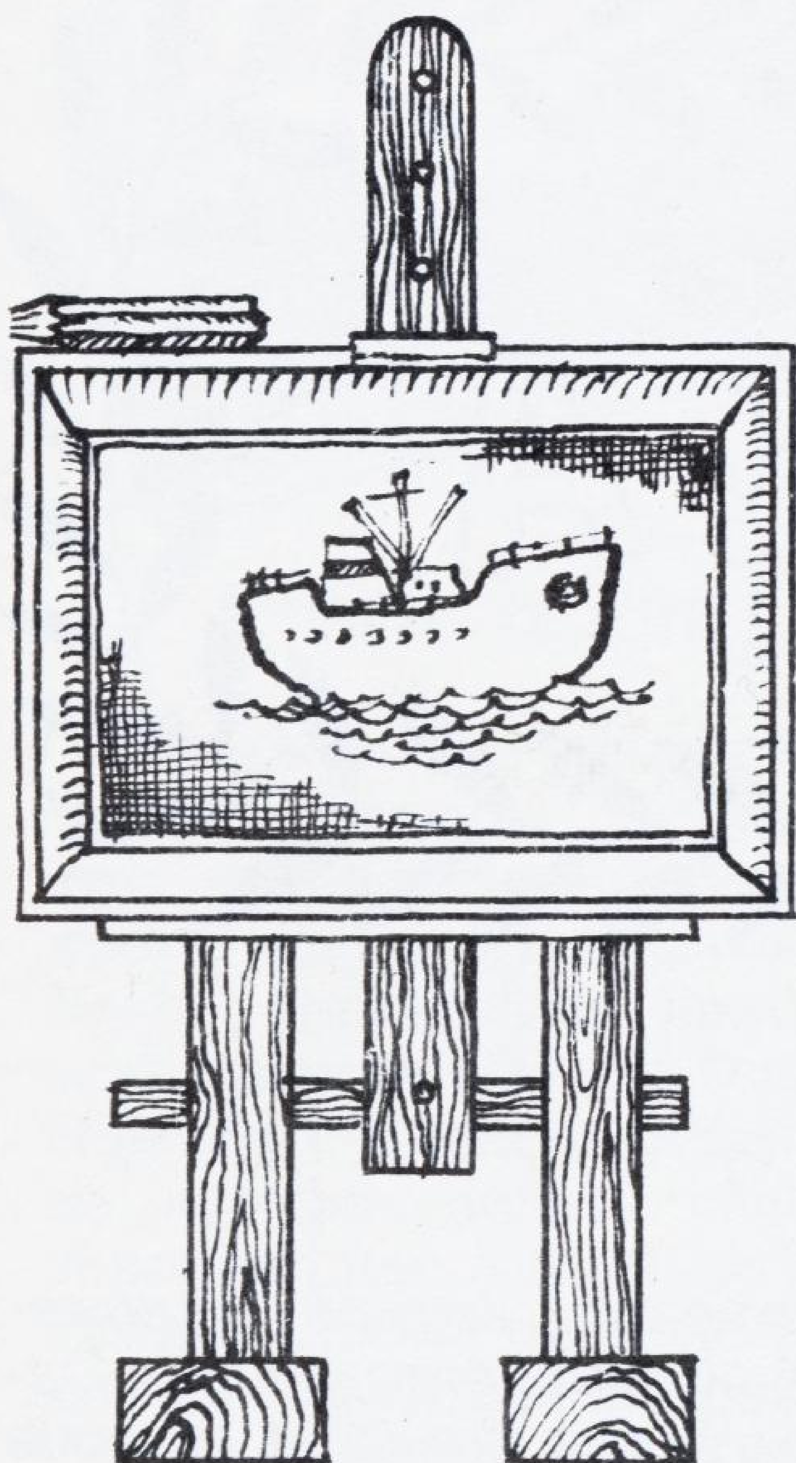
Корреспондент. Ребят очень интересует, когда вы решили стать актером...

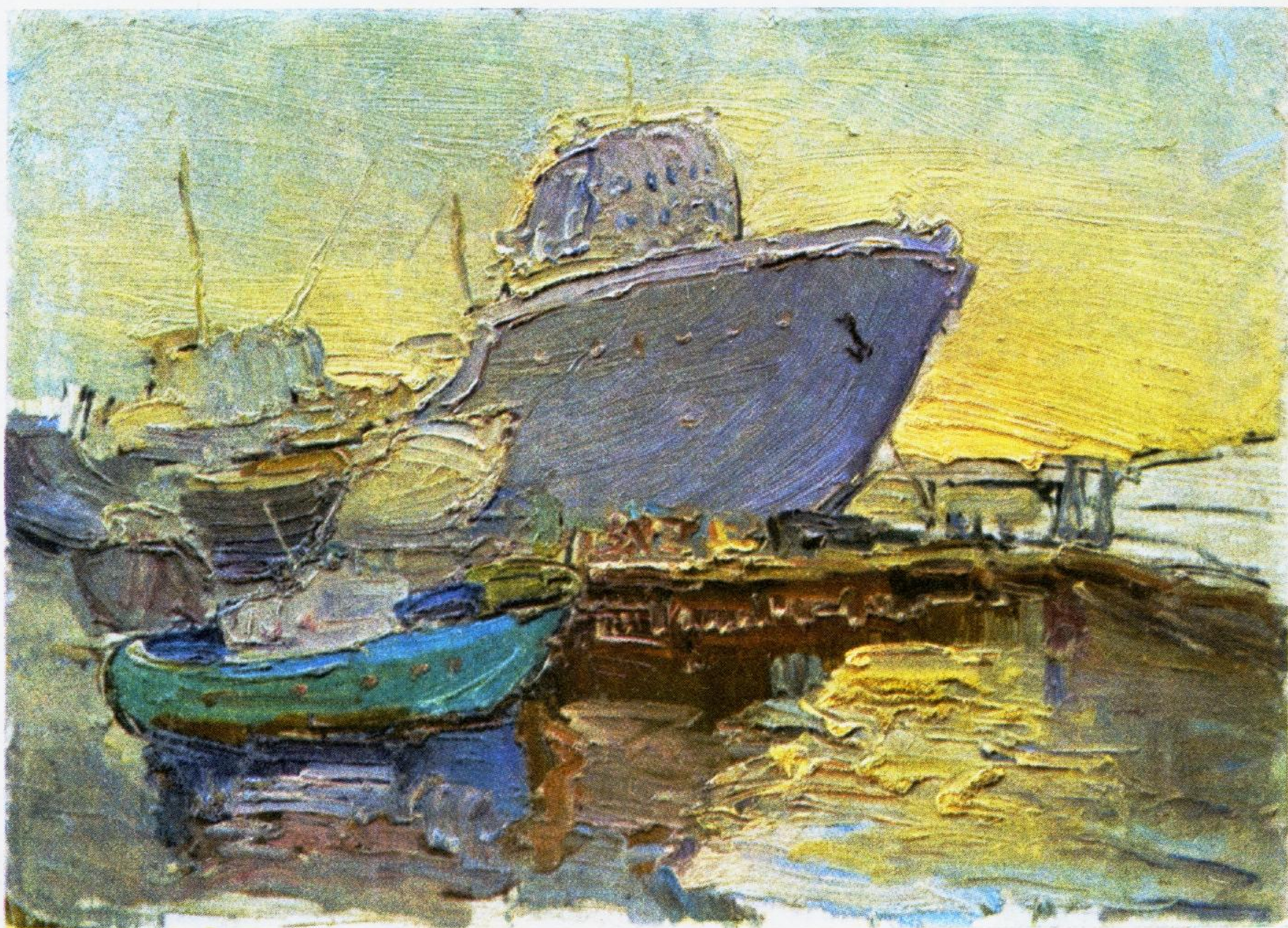
Мкртчян. А я этого не решал. Некогда было. Шла война. Отец был на фронте, а я, несмотря на мои двенадцать лет, начал работать помощником киномеханика в клубе. И в том же клубе существовал кружок художественной самодеятельности. Однажды, когда кто-то из актеров заболел, меня попросили выступить вместо него. «Выступить» — это даже сильно сказано. Просто я должен был выйти на сцену и сказать три слова: «Письмо от князя». Что за сложность! Я согласился. Вышел на сцену, открыл рот и... на минуту задумался, какие там три слова. И вдруг в зале начали смеяться. Я подождал минуту-другую, повертел головой — смеются. Мне это не понравилось. Я махнул рукой и сказал: «Сами передавайте письмо от князя, а я пошел, у меня дела!» Что тут стало твориться в зале — и сказать нельзя. Актеры за кулисами попадали от смеха. Пришлось дать занавес, пока все не успокоились. Конечно, я думал, что мне потом достанется, но кружковцы, наоборот, стали давать мне небольшие комедийные роли, а потом... Однажды на наш спектакль пришел очень известный артист. Он-то и пригласил меня работать в драматическом театре имени Сундукяна. Уже тридцать четыре года я выступаю на сцене этого театра.

Корреспондент. И чаще всего в комедиях?

Мкртчян. Да, я комедийный актер. И если совершенно серьезно, я знаю, какое это трудное дело — заставить весь зал улыбаться. Тридцать пятый сезон в театре, а каждый раз, выходя на сцену, я волнуюсь: «Вдруг зрители сегодня не будут смеяться?» И каждый раз, когда я вижу улыбки в зале, я говорю: «Спасибо вам, дорогие мои! Вы смеетесь, значит, мы поняли друг друга».

Интервью вела
Регина ДУБОВИЦКАЯ.

«Северный порт».

Если ты бывал в Ленинграде летом, ты, конечно, запомнил, что ночью там почти так же светло, как днем. Даже фонари на улицах не зажигают!

А художник Александр Борисович Макаренков застал белые ночи не в Ленинграде, а в Мурманске. Увидел и нарисовал.

Мурманск — наш северный город-порт. Сурова природа Заполярья, мужественные люди — моряки, рыбаки, летчики, строители, геологи — живут и работают в этом городе. Художник и показал нам город-труженик, город-порт.

Ты видишь, как у причала замерли корабли и буксиры. Настанет утро, они отправятся в свой далекий путь, повезут в другие города и страны уголь, древесину, строительные материалы, машины, продукты... Повезут туда, где их очень ждут.

На картине «Прилив» ты увидишь уже не корабли, не портовые краны. Сопки, берег моря, холодные камни на берегу. На первый взгляд неприветливое место. И краски художник выбрал неяркие, сдержанные, даже суровые. Таким бывает побережье в пасмурную погоду и во время белых ночей. Но за сопками уже видна тонкая полоска света — первые ласточки наступающего дня. Взойдет солнышко, все преобразится.

Александр Борисович начал серьезно заниматься живописью с тех пор, как пришел работать в типографию газеты «Правда», где печатается и твой «Пионер».

Тогда же он поступил в изостудию Дома культуры, там изучал основы живописи, правила передачи цвета. Теперь это помогает ему в работе.

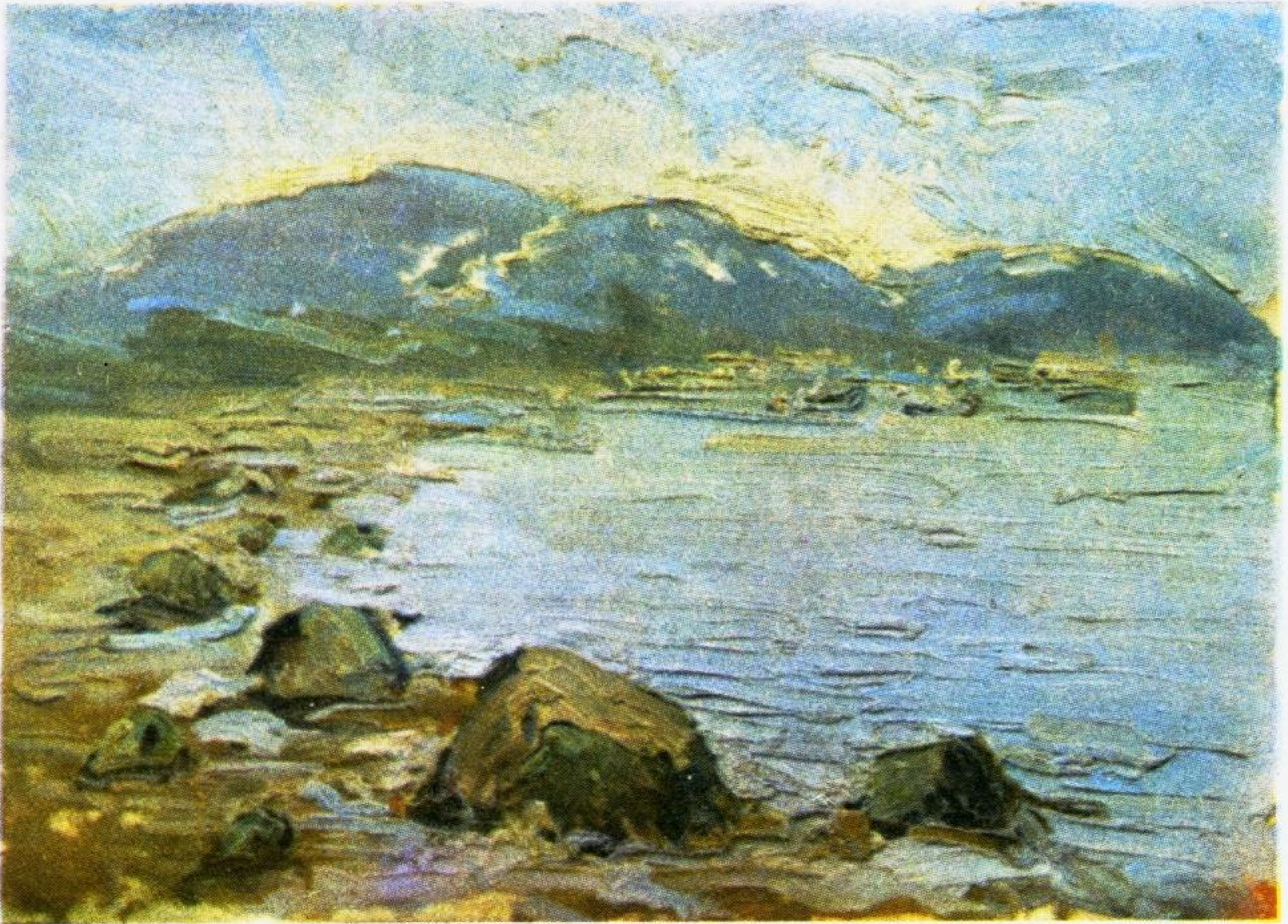
У Александра Макаренкова много пейзажей, «портретов» русской природы. Особенно он любит рисовать березы — белые, стройные. Наблюдает за ними утром, днем, на закате, когда появятся первые нежные листочки, когда выпадет первый снег...

Г. СМИРНОВА

«У причала».

«Прилив».

ISSN 0130—8009

Цена 25 коп. Индекс 70694.